

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Игорь
Богданов

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА,
или Краткая история
табакокурения

Новое
Литературное
Обозрение

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое Литературное Обозрение

Игорь Богданов

**Дым отечества,
или
Краткая история
табакокурения**

Новое Литературное Обозрение

УДК 178.7(091)(470.23-25)

ББК 63.3(2-2СП6)-75

Б 73

В оформлении обложки использована работа
М. Ларионова «Курящий солдат» (1910–1911)

Серия выходит под редакцией Ф. Дзядко

Богданов И.

Б 73 Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 280 с.

Эта книга посвящена истории табака и курения в Петербурге – Ленинграде – Петрограде: от основания города до наших дней. Разумеется, приключения табака в России рассматриваются автором в контексте «общей истории» табака – мы узнаем о том, как европейцы впервые столкнулись с ним, как лечили им кашель и головную боль, как изгоняли из курильщиков дьявола и как табак выращивали вместе с фикусом. Автор воспроизводит историю табакокурения в мельчайших деталях, рассказывая о появлении первых табачных фабрик и о роли сигарет в советских фильмах, о том, как власть боролась с табаком и, напротив, поощряла курильщиков. о том, как в блокадном Ленинграде делали папиросы из опавших листьев и о том, как появилась культура табакерок... Попутно сообщается, почему императрица Екатерина II табак не курила, а нюхала, чем отличается «Ракета» от «Спорта», что такое «розовый табак» и дезротизированная папироса, откуда взялась махорка, чем хороши «нюхари», умеет ли табачник заговаривать зубы, когда в СССР появились сигареты с фильтром, почему Леонид Брежнев стрелял сигареты и даже где можно было найти табак в 1842 году.

УДК 178.7(091)(470.23-25)

ББК 63.3(2-2СП6)-75

ISBN 5-86793-492-6

© И. Богданов, 2007

© «Новое литературное обозрение», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Rien ne prove davantage la bizarerie des choses humaines que l'histoire du tabac».

*F.-V. Merat**

«Табак есть главным образом растение...»

А. П. Чехов. «О вреде табака»

«Шутки в сторону, трубки вон изо рта!»

Ф. А. Трубкин. «Трубка табаку»

Курение табака уже давно стало привычкой, физиологической потребностью, социальным явлением, не выветриваемым и практически неискоренимым никакими силами, указами, законами, просьбами, неурожаями на табачных плантациях, предостережениями врачей, неурочным закрытием табачного киоска, явными и скрытыми угрозами со стороны родителей (жен, мужей, тещ), тренеров, педагогов и соседей по купе/больничной палате/квартире/комнате/постели.

Человека издревле тянуло к раздражающим нервную систему, возбуждающим, наркотическим и дурманящим веществам – к чаю, например, или к кофе, или к мухоморам. Пряности составляли главный предмет торговли во все времена, а история виноделия ведет отсчет со всемирного потопа. Геродот говорит, что в его эпоху галлы и кельты упивались дымом какой-то травы, а очевидно, да еще с таким именем, нельзя не верить.

* «Ничто так убедительно не говорит о странности человеческой природы, как история табака». Ф.-В. Мера (1780–1851), французский врач.

Само слово «табак», согласно некоторым, непроверенным настоящими курильщиками версиям, происходит от «Тобаго» – названия острова в Атлантическом океане. Другие, якобы более здравомыслящие головы, утверждают, что первыми курильщиками на свете были жители Кубы. Как бы там ни было, товарищи Христофора Колумба и Фернандо Кортеса, много повидавшие по ту сторону океана (курящего человека они впервые увидели 12 октября 1492 года на острове Сан-Сальвадор, который входит в состав Багамских островов) и перенявшие некоторые тамошние привычки, по возвращении домой, в Европу, курили напропалую. При этом они были уверены, что наконец-то одержали победу над скукой, вечной спутницей долгого плавания. Надо полагать, что по пути в Америку их одолевала такая тоска, что не было решительно никакого способа совладать с нею.

Американский писатель Вашингтон Ирвинг так описывает сцену знакомства европейцев с табаком (в переводе на русский 1836 года):

«На возвратном пути они (испанцы. – *И. Б.*) увидели в первый раз употребление растения, из которого впоследствии изобретательная прихоть человека сделала предмет всеобщей роскоши, вопреки сопротивлению чувств. Несколько диких расхаживали с горящими головнями и какую-то сухую травой в руках; эту травку (так в тексте. – *И. Б.*) они скатывали в свитки или трубочки, потом один конец зажигали, а другой брали в рот и начинали втягивать и выдыхать из себя, попеременно, дым. Туземцы называли эти свитки табак, – имя, сообщенное впоследствии и самому растению, из которого он готовится».

По свидетельству одного итальянского купца, принимавшего участие в экспедиции Колумба, великий мореплаватель был до крайности изумлен, увидев, как туземцы выпускают из себя дым; до этого испанцы полагали, что

дым из ноздрей могут пускать только черти. Жертвой этого убеждения стал один из членов экипажа Колумба – Родриго де Херес. Когда Родриго вернулся в родной город Айямонте, кое-кто из его соотечественников увидел, что из носа у путешественника идет дым и тотчас решил (не без консультации с местным священником): матрос одержим дьяволом! Бедняга был заточен в тюрьму, где провел три года – именно столько, по мысли его мучителей, надобно, чтобы изгнать дьявола. А ведь могли бы и проявить снисхождение: все-таки Родриго – первый европеец, который попробовал курить табак. Был еще один человек из команды Колумба, который рискнул закурить, – Луис де Торрес, однако неизвестно, пострадал ли он за свою любопытность. Зато доподлинно известно, что за те три месяца, что корабли Колумба находились в Вест-Индии, оба испанца успели пристраститься к курению.

Современник Колумба и его соотечественник Гонзало Овиедо, проживший какое-то время в Новом Свете, едва ли не первым из европейцев стал свидетелем того, как обитатели одного из островов, «красные, как медь, нагие люди»* заворачивают какую-то траву в лист маиса. Потом один конец этого свертка запихивают себе в рот, а другой поджигают, после чего начинают выпускать клубы дыма изо рта и носа. Этот сверток они называли «табако» – вот еще одна версия происхождения слова «табак». Некоторые, впрочем, настаивают, что своим происхождением интересующее нас слово обязано названию провинции на острове Гаити в испанской колонии Санто-Доминго – Табако (или Тобаго).

Овиедо первым доставил семена табачного растения в Европу – к себе на родину, в Испанию. Согласно другим источникам, первым табачное растение (или его семена)

* Так назовет аборигенов спустя полтысячи лет Николай Гумилев в своей поэме «Открытие Америки».

привез в Европу в 1496 году испанский монах Романо Пано, сопровождавший Колумба в его втором путешествии на край света с целью обращения индейцев в христианство (1493–1496). Якобы именно Пано назвал это растение «табаком» и предложил использовать как средство от ран. Пано даже написал книгу «О нравах и обычаях жителей Америки», в которой описал и табак, назвав его, вслед за индейцами, «когоба».

Вообще происхождение слова «табак» окутано такими густыми облаками табачного дыма, что разогнать их не представляется возможным, особенно по прошествии стольких веков. Одно ясно – родом это слово из Америки.

Между тем поначалу табак вел себя в Старом Свете мирно: его выращивали в горшках, которые ставили на подоконник, чтобы необычными цветами (не чета наскучившим всем нам фикусу или алоэ) любовались не только домохозяды, но и прохожие. Потом его стали употреблять и как средство от разных болезней: головной и зубной боли, колик, ревматизма, кашля и порезов. А что делать, когда ни аналгина, ни «Фастум геля» еще и в природе не было, не говоря уже об аптеках на каждом углу? В Европу заморское растение попало в смутное время, когда медики истощили свои силы в поисках панацеи от всех болезней и были вынуждены обратить свои взоры на Новый Свет, откуда весьма кстати оно и явилось, – не похожее ни на одно из тех, что произрастают в Европе. Его тут же наперебой принялись называть «святой травой» и предлагать как средство от множества недугов.

Европейцы тем временем делали все новые открытия в Новом Свете. В 1512 году португалец де Леон открыл Флориду и с изумлением обнаружил, что тамошние индейцы целиком преданы курению табака. А в 1521 году испанцы во главе с конкистадором Эрнаном Кортесом, завоевав Мексику, убедились в повсеместном употреблении

табака и в этой стране. Его там не просто курили с помощью тростника или специально выдолбленной палочки, но и смешивали с различными растениями и душистыми травами.

В том же XVI веке табак был завезен в Португалию – но не как декоративное растение, а как целебное средство. В 1550 году его стали разводить в лиссабонском королевском саду. Из Португалии в 1559 или в 1560 году табак был доставлен во Францию французским посланником при португальском дворе Жаном Нико де Вильмэном (*Jean Nicot de Villemain*) и тотчас получил название «*herbe a l'ambassadeur*» («трава посла»). Нико подарил немного табака королеве Екатерине Медичи, вдохновительнице Варфоломеевской ночи (табак, впрочем, тут ни при чем; скорее – вино: курение не вызывает умопомешательства, кажется), и это импортное растение стали называть «*herbe reginae*», «*herbe Catharinae*» («королевская трава», «трава Екатерины»).

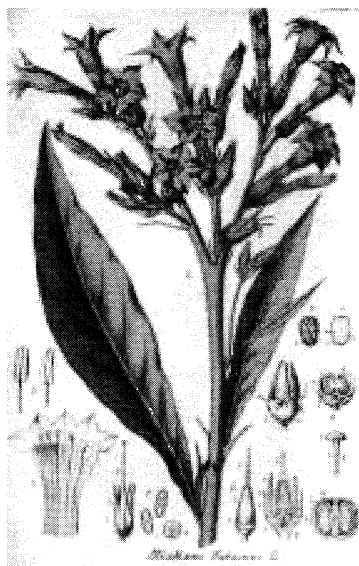
Екатерина предложила нюхать табак своему сыну Карлу (будущему Карлу IX), страдавшему головными болями, а потом пристрастилась к зелью и сама. Превратившись в пыль, табак получил название «*poudre a la reine*» («порошок королевы»). Франция, таким образом, что бы там ни говорили в других странах, претендующих на первенство в любой области, – родина «нюхарей».

Курить табак во Франции начали при Людовике XIII (правил в 1610–1643 годах), который сам не курил табак, но с наслаждением его нюхал. Разведение и продажу табака дозволил министр Арман Жан дю Плесси Ришелье своим распоряжением от 17 ноября 1621 года. Он имел неограниченную власть над королем, отсюда и столь решительные и, главное, нужные для процветания табака шаги. Спустя год, в 1622 году, министр Ришелье стал кардиналом.

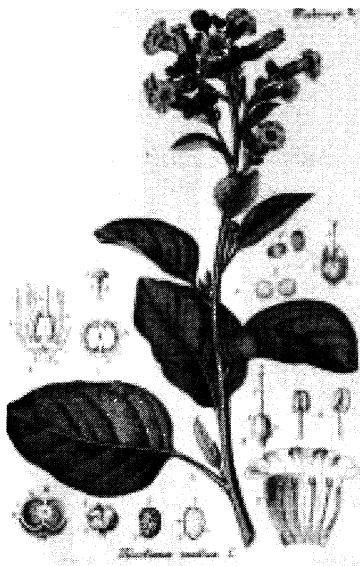
Многим в Европе было непонятно, как это жалкое, невзрачное на вид растение, с отвратительным вкусом и запахом, выделяющее при горении удушливый дым, может доставлять человеку одно из самых больших и, главное, незаменимых и ни с чем несравнимых удовольствий? Ответ на этот непростой вопрос не найден до сих пор, так что не будем им больше задаваться.

Меж тем «королевские» наименования табака просуществовали недолго, и во Франции за растением все-таки по справедливости закрепилось название никотиновой травы – «*herbe nicotiniane*» («никотиновая трава»), в честь Нико; по фамилии Нико был назван алкалоид (растительная щелочь), содержащийся в табаке, – никотин, тот самый, капля которого будто бы убила не одну лошадь (кролику, чтобы покончить с собой, нужна лишь четверть капли никотина). Никотин не входит в состав никакого другого растения; он дружит только с человеком («умирают от другого», – говорят бывалые курильщики. И в самом деле – и от другого тоже. Кто же спорит?). Шведский ученый Карл Линней, создатель системы растительного мира, в 1735 году назвал в честь Нико два вида табака (как растения) – *Nicotiana rustica* и *Nicotiana tabacum*, под которыми они известны до сих пор.

В 1565 году табак вместе с никотином добрался до Германии, где получил отнюдь не оригинальное название «*heilige Kraut*» – «святая трава», а потом оказался и в Италии. Семена этого пахучего и, до поры до времени, комнатного растения были впервые присланы во Флоренцию посланником при французском дворе епископом Торнабони, а в Рим привезены кардиналом Санта Круче, который был папским нунцием в Лиссабоне. В Италии табак до того всем понравился, что лучшим выражением любезности стало предложение сигары. Даже священнослужители принялись нюхать табак, при том во время бо-

Nicotiana rustica

Nicotiana tabacum

гослужения. Их примеру последовали прихожане, каковые в ту пору составляли все ходячее население страны. Но папа Урбан VIII (был папой в 1623–1644 годах) издал буллу (или указ, скрепленный круглой металлической печатью, по-латыни – «*bull*», т. е. «шарик»), в которой угрожал отлучением от церкви всякому, кто будет нюхать табак в церкви. Угроза страшная, но была ли хоть раз приведена в действие, неизвестно. В соседней с Италией Швейцарии курение табака приравняли в 1661 году к убийству и блуду; в 1675 году там была учреждена особая судебная палата для преследования и осуждения табачников. И что же? Швейцарцы курят до сих пор. Так же, как и венгры, а ведь и в их стране было запрещено курить еще в 1670 году. Венгры уже и забыли, когда это было, и напоминать им об этом нет никакого смысла.

В 1586 году английский адмирал Фрэнсис Дрейк возвратился вместе с колонистами из Вест-Индии и привез табак в Англию. Не прошло и года, как англичане вслед за другими европейцами сдались заокеанскому растению. Доктора, разумеется, предупреждали сограждан о вредности табака; в написанных наспех пьесах осмеивалось курение. Король Яков I, заключив мир с испанцами, объявил войну табаку. В 1603 году, едва взойдя на трон, он даже написал сочинение о тлетворности табака – не помогло (такова судьба большинства сочинений нравоучительного свойства). А ведь король, повинувшись творческой фантазии, заявил, что если б ему пришлось угощать дьявола, то он подал бы ему свинину, горчицу с сушеной треской и трубку табака (если такое спросить сегодня в некоторых петербургских ресторанах, то ваш заказ будет тотчас исполнен).

Британский Соломон, как называли Якова I, писал, что курение, «это нестерпимая привычка, отвратительная для глаз, для чувства обоняния, опасная и для мозга, вредная для груди – привычка, которая около курителя распространяет запах заразительный и столь смертоносный, что кажется, будто он исходит из ада».

Спустя год после провала своего произведения Яков I пошел по другому пути – велел взysкивать пошлину на ввоз табака, но и эта мера не возымела должного действия. Англичане продолжали курить, а во время правления Карла II (1630–1685, на британский престол вступил в 1660) вошли в моду еще и нюханье, и жеванье табака. Мало того – английские студенты знаменитого в ту пору Лейденского университета экспортировали привычку курить и в Голландию (во 2-й половине XVI века). Скоро голландцы настолько пристрастились к табаку, что жить без него не могли, а умирая, вспоминали прежде всего о товарищах по увлечению. Так голландский купец ван Класс в завещании просил похоронить его в гробу, сколо-

ченном из ящиков от гаванских сигар, а все состояние оставил «лучшим курильщикам» своей родины. С 1821 по 1840 год в Голландию только из Северо-Американских Соединенных Штатов было ввезено 423407 бочек табака. Сколько человек за эти годы пали жертвой пагубной привычки, истории неведомо: обычно считают только количество выпущенных по врагу снарядов; число же жертв по ту сторону линии фронта неподвластно подсчету.

«Великий герой был тот, кто первым решился съесть рака. Велик и тот, кто выкурил первую трубку табаку. Для этого непременно надо быть англичанином», – справедливо (за исключением раков, о которых можно бы и поспорить) отмечал фельетонист петербургского журнала «Иллюстрация» в 1845 году. Как тут не вспомнить Уолтера Рали (Рэли, Ралей, *Raleigh Walter*, 1552–1618), пирата, драматурга, поэта, историка, щеголя, то есть настоящего англичанина, каковые давно уже вывелись (чтобы и щеголь был, да еще и пират)? Это он, побывав в Гвиане, ввел обычай курить при дворе Елизаветы (до кончины королевы, последовавшей в 1603 году, ходил в ее фаворитах). За удовольствие курить Рали заплатил тем, что был облит холодной водой. А все дело в том, что поначалу он курил только в своей комнате. Однажды он позвал к себе слугу. Войдя, тот решил, что у хозяина загорелись внутренности. И принявшись брызгать Рали водой в лицо, слуга несколько переусердствовал.

Свою последнюю трубку, как и подобает настоящему курильщику, пирату и щеголю, Рали выкурил по пути на эшафот, выбив об него пепел. На одной из его трубок, поныне украшающей экспозицию лондонского музея, сохранилась надпись: «Мой лучший друг в самые трудные времена». Не о каждом человеке такое скажешь.

Англичане завезли табак в Россию еще прежде, чем у них на родине объявился Фрэнсис Дрейк, – вот такие

бывают парадоксы истории. 24 августа 1553 года буря застала капитана Ричарда Ченслера в Белом море. Пришлось пристать к российскому берегу, за неимением другого. На борту оказался табак (вместе с солью, вином, бумагой). Скоро табак оказался в Москве. Прошло сто лет. Английский посланник Карлайл, проживший два года в Вологде, сообщал куда надо: «Русские очень любят табак и натягиваются им до обморока» (отдадим должное безвестному переводчику, нашедшему точный глагол). О том, что с Россией произошло дальше, читайте в 1-й главе этого сочинения. А также во 2-й, в 3-й и т. д., вплоть до оглавления, где тоже упомянут табак; всего же в этой книге, разумеется, 10 глав (вместе с предисловием) – по количеству пачек в блоке сигарет.

А англичанам все-таки скажем спасибо – они дали миру Шерлока Холмса с его трубкой, не менее популярной и доступной, чем малопонятный дедуктивный метод. Особенно сыщик хорош в исполнении курящего Василия Ливанова, что признали и те англичане, которые умудрились где-то увидеть наш фильм. И еще не надо забывать, что Холмс обстоятельно изучил курильщиков и даже опубликовал небольшую монографию о 140 различных видах трубочного, сигарного и сигаретного пепла, которую, увы, никто не читал, включая Артура Конан Дойла и самого доктора Ватсона.

Жители туманного Альбиона приобщили к курению и немцев (потом они приобщат их к футболу, и те на зависть англичанам станут чемпионами мира). Случилось это (т. е. приобщение к табаку) где-то в 1620–1622 годах (немцы постеснялись зафиксировать точную дату своего поражения, а англичанам в общем-то все равно, когда речь идет не о футболе). До этого табак в Германии нюхали – еще со времен правления Максимилиана II (1527–

1576). Закурив, немцы преобразились. Новое увлечение охватило все слои германского населения. В Пруссии возникло общество курильщиков, состоявшее из высших сановников. Общество устраивало табачные вечера, во время которых все присутствовавшие обязаны были курить или хотя бы держать трубку во рту. Даже Иоганн Себастьян Бах заговорил стихами:

От табака мой ум яснее.
О трубка, ты – мой верный друг!
Не расстаюсь – о нет! – я с нею,
Приятен с нею мой досуг.

Завоевать остальные страны Европы было для табака делом пустяшным – что матерому курильщику сигарету выкурить. Как утверждают, слово «сигарета» («*cigarette*»), раз уж она упомянута, придумал Теофиль Готье в 1833 году, после посещения табачной фабрики в Севилье (именно из этого города вышла в 1492 году первая экспедиция Колумба). Долгое время фабрика была самой большой в мире, наверное, поэтому и произвела впечатление на французского писателя*. Ее огромные корпуса построены при Филиппе V (1700–1746; внук французского короля Людовика XIV, о котором речь дальше). Этот монарх страдал меланхолией до такой степени, что даже пытался отречься от престола в пользу своего сына, но по просьбе дворянства снова вступил в управление страной. Во время царствования испанского короля Карла IV (1788–1803), который вообще не испытывал склонности

* В сентябре 2005 года я побывал в Севилье с намерением осмотреть и знаменитую табачную фабрику. Увы! Теперь в этом здании расположен университет. Мне не оставалось ничего другого, как сфотографировать бывшую фабрику из окна автобуса.

к государственной деятельности и время от времени поручал управление государством разным, не уполномоченным на то свыше лицам, на фабрике в Севилье было занято около 12 тысяч рабочих.

До сигарет, или по-испански «*papelitos*» (красиво звучит, не правда ли?), впрочем, было еще далеко; когда европейцы насмотрелись на табак как на растение и избавились с его помощью от колик и ревматизма, их охватило: 1) сначала неодолимое влечение нюхать его (Вольтер нюхал табак «с самой нежной юности», тому же увлечению охотно предавался и Ж.-Ж. Руссо); 2) потом курить; 3) а потом и жевать (этим занимались преимущественно моряки, дабы уберечься от цинги). Как в Европе дотоле жили без табака – уму непостижимо, чем занимались на досуге – неведомо, как коротали перерывы в работе – неясно, где были табачные фабриканты – одному Богу известно. А ведь по разнообразию способов употребления и в особенности препровождения времени с табаком едва ли сравнится какое-либо другое растение, фрукт, овощ, насекомое, биологически активная добавка или даже пиво. Табак разве что не едят (хотя в годы блокады Ленинграда его меняли на хлеб, но ведь не за тем, чтобы есть!).

Какая-то ничтожная вонючая заморская трава стала предметом роскоши для одних и источником огромных доходов для других. Привычка нюхать табак, жевать его и курить быстро (ну, не быстро, но важно, что не медленно) распространилась по вчера еще чистой, не задымленной Европе, а потом совершила свое победоносное шествие и по всему миру, презрев кары за курение и покорив людей всех цветов кожи, возрастов, состояний (включая физическое), темпераментов, различной степени умственного развития, разных полов, вероисповеданий,

морально-нравственных устоев, политических пристрастий, профессий и сексуальных предпочтений. Став одной из важных сторон жизни человека, табак шагнул в литературу, притом сразу в классическую. Кармен, героиня новеллы П. Мериме и оперы Ж. Бизе, работала на севильской табачной фабрике, где «*papelitos*» изготавливали вручную. В романе Д. Дефо «Робинзон Крузо», вышедшем в свет в 1719 году, Робинзон, заболев, выпивает табачную настойку на роме, «крепкую и противную на вкус», и, проснувшись на третий день, отшельник «встал бодрый и в веселом настроении духа». Вот что делает с человеком ром! Или все-таки табак?

Не забывали про табак писатели и писательницы и в реальной жизни. По свидетельству очевидцев, Жорж Санд, придя в театр, закуривала сигарету сразу после начала спектакля, а в день выкуривала до 50 сигарет.

Поскольку потребность в табаке все возрастала, его стали выращивать и в Старом Свете. Первая табачная плантация появилась в Англии в 1590 году, в Уинчкоуме, в Германии табак стали разводить в 1601 году, в Пфальце и Гессене, но расцвета эта нужная людям всех национальностей отрасль достигла не сразу. В 1615 году близ Амерсфорта* появилась первая голландская табачная плантация; другая, французская, скоро возникла около немецко-

* Амерсфорт – город в Голландии, расположенный неподалеку от Утрехта. Он должен быть близок каждому русскоговорящему курильщику, ибо исподволь дал жизнь слову «махорка». Вот как это происходило: амертсфортский (табак)-амофрский-мофрский-амофорка-мафорка-махорка. В Амертсфорте об этом до сих пор ничего не знают (как, впрочем, и в Петербурге). Надо бы поднять вопрос о том, чтобы эти города стали побратимами. Да в общем-то Амертсфорт – друг и брат любому российскому городу или деревне, где продолжают курить махорку, а если брать шире – друг, брат да еще и сват всякому любителю «махры».

го Страсбурга (ныне французского, но табак здесь ни при чем). В 1775 году табак начали разводить под Бранденбургом – в Германии. Наверное, это были значимые даты; кто-то ведь регистрировал их. Попробуйте у кого-нибудь спросить, когда и где стали впервые сажать петрушку, укроп или инакомыслящих, – и ответом вам будут по обе стороны любого океана разведенные в стороны руки. А ведь до сих пор сажают (и табак, и петрушку, и инакомыслящих)! И что интересно – табак сажают только затем, чтобы завернуть его в бумагу и сжечь, тогда как инакомыслящих только сажают.

Духовенство и врачи восстали как против табака, так и против его любителей, что и понятно, ведь у табака стало появляться все больше приверженцев. Папы все настойчивее угрожали торговцам и курильщикам отлучением от церкви, а доктора предупреждали о болезнях и преждевременной кончине (хотя многие медики и сами покуривали, что не без успеха – в смысле дурного примера – делают до сих пор). Во Франции в 1635 году правительство запретило употреблять табак без разрешения врача (убежден, что это послужило поводом для хождения во французском народе моря липовых справок). Доходило до смешного. Фагон, врач, живший при Людовике XIV, разглагольствуя о вредном действии табака на организм, до того забывался, что в пылу красноречия беспрестанно нюхал табак и не замечал смеха слушателей!

Упомянутый уже не раз, Людовик XIV (правил в 1643–1715 годах) отменил разного рода бюрократические строгости вроде выдачи справок (нет, недаром он был прозван Великим), однако велел выступать против тех, кто растирает табак в церквях. А вот за своими дочерьми король не уследил: однажды он застал их за курением трубок, которые те велели принести им из караульного по-

мещения дворцовой стражи. А в 1665 году во Франции объявился некто, подавший в военное ведомство проект (не будем называть его имя, он этого не заслуживает): выдавать войскам вместо хлеба табак, якобы притупляющий голод. Каждого французского солдата заставляли тогда иметь при себе трубку и огниво. Наверное, с таким отношением к табаку не страшен никакой враг. (Любопытно, что такое же мнение было распространено и в России в XIX веке, если верить современнице А. С. Пушкина, А. О. Смирновой-Россет, которая писала в своих воспоминаниях: «Учитель... целый день курил, так как курение заглушает аппетит, *что правда* (курсив мой. – И. Б.). Я ему подарила большой ящик табака». Удалось ли учителю навсегда утолить голод, получив такой подарок, Александра Осиповна не сообщает.)

Между тем, пока вся Россия собирала камни (время пришло) и готовилась к основанию Петербурга, в Европе творились ужасные вещи.

В 1692 году в Испании, в Сант-Яго, были заживо замурованы в стену пятеро монахов, которых застали за курением сигар на церковной паперти во время вечернего богослужения. Почему этот факт не положен в основу полнометражного фильма, который ежедневно крутили бы по всем телеканалам планеты, непонятно. А ведь хорошее получилось бы кино, особенно если сцену курения убрать вовсе (должен же быть хоть один фильм, в котором не курят), процесс замуровывания разбить на серии (например, на 365), за кадром дать вволю выговориться патологоанатому, которому вообще никогда не дают выговориться ни по телевизору, ни по радио (ни, боюсь, дома, после работы), а на роли монахов пригласить Леонардо ди Каприо, Брюса Уиллиса, Ричарда Гира, Джека

Николсона и Жана-Клода Ван Дамма. Хичкок, как говорит продвинутая молодежь, здесь просто «курит»*.

Впрочем, все усилия по истреблению табака оказались тщетными. В XVII веке он был в такой моде в Италии, Франции и Голландии, что дамы, явившиеся в свет без табакерки с душистым табаком, не могли не вызвать недоуменных взглядов собравшихся, включая прислугу (спустя пятьсот лет, в 1970-е годы, так же косо все, включая преподавателей, уборщиц и соучеников, будут смотреть на студента/студентку филологического факультета Ленинградского университета, не закурившего/ую в перерыве между лекциями**).

В XVIII веке табачные облака густо окутали всю Европу, и папа Бенедикт XIII (бывший понтификом всего шесть лет – с 1724 по 1730 год) снял, наконец, анафему с табака в 1724 году, будучи якобы сам страстным его поклонником. К тому же ему стало известно, что во время долгих обеден невозможно удержаться от употребления табака. Греха в нюхании табака некоторые церковники не усматривали. Вот пример. Один папа предложил как-то свою табакерку кардиналу.

* На молодежном сленге «курить» – значит «значительно уступить кому-либо в чем-либо». «Большой словарь русского жаргона» (СПб. 2000) приводит такие примеры: «Во «Машиностроитель» прет! Бразильцы просто курят!» «Ну, ты самородок! Ломоносов курит!» Аналогично термину «отдыхает».

** Нынешние студенты и студентки филологического факультета Петербургского университета также в массе своей курят. Однако это отнюдь не повод для увековечения образа курящего студента, воплощенного в фигуре «Перекур», которая поставлена во дворе филфака в мае 2005 года. Эта «скульптура» – образец пошлости и дурновкусия инициаторов ее появления, а также полного отсутствия у них юмора. Не смешно!

– Святейший отец! Я не имею этого порока, – отвечал кардинал.

В ответ папа произнес следующую гениальную фразу:

– Если бы в этом был порок, ты бы имел его.

Особый разговор о Турции и турках, которых повсеместно держат уже не одно столетие едва ли не за самых злостных курильщиков. Курение в этой стране вошло в обычай в начале XVII века и за короткое время распространилось столь широко, что Турция скоро стала выставочной эмблемой табачной Европы (в том числе, и в Петербурге, где в позапрошлом веке над всякой вывеской табачной лавки непременно изображали турка с чубуком). Мусульманское духовенство, однако, ссылаясь на Коран, запретило туркам курение под страхом строгого наказания, да еще какого! Уличенным в потреблении табака просверливали нос и, вставив в отверстие трубку, возили по улицам Стамбула. При султанин Мирале IV, в 1633 году, пойманных за курение четвертовали или отрубали им головы (в том году по вине курильщиков в Константинополе случился жуткий пожар). Лишь при султанин Магомете IV (правил в 1648–1687 годах) эти жестокости были отменены (наверное, из опасения, как бы не истребить все население страны).

Мало-помалу табачными тучами заволкло весь белый свет. Мир разделился на тех, кто курит, и тех, кто не курит (или бросил, или не начинал, или только собирается закурить, или еще не принял никакого решения на этот счет, или отошел в мир иной, или вообще не появился на белый свет, а потому ничего не может сказать насчет своей генетической предрасположенности к табакокурению, или будущих условий жизни, или того, сильно ли стоимость курева скажется на семейном бюджете).

Дело дошло до того, что трудно стало представить себе голландца без трубки, турка без кальяна, испанца без сигареты, кубинца без сигары. Пройдет еще какая-то сотня лет, и уже невозможно будет представить русского без папиросы. Отнимите у кого-то из них то, что они курят, и тип будет неполон, характер неверен, образ искажен. Да есть ли вообще на Земле народ, который не курил бы табак или не нюхал его? И, если уж на то пошло, есть ли растение, которое, едва появившись в Европе, наделало столько шума, вызвало столько споров, столько негодования и восторга? Есть ли растение, которое пользуется одинаковыми правами и в роскошном дворце аристократа, и в развалившейся хижине бедняка? Написано ли о каком-нибудь другом растении больше? А сколько сложено о нем песен, рассказано историй, написано картин (особенно голландцами, особенно малыми)... О нем писали и говорили короли и папы, пираты и аристократы, табак преследовали вместе с его потребителями, сжигали, предавали анафеме, а он все хорошеет, входит то в моду, то в привычку, лишь изредка меняя личину, чтобы стать еще привлекательнее.

Табак зашагал по планете после открытия Америки. В Западной и Центральной Европе тем временем развернулось общественное движение – «Реформация». Все было готово для успешного продвижения табака в странах Европы – развивалась промышленность, налаживались торговые связи и совершенствовались пути сообщения, возникала потребность в новых формах досуга. Никому не удалось ни запретить табак, ни сжечь, ни истребить его. Ибо он явился вовремя.

И, сдастся, умрет он вместе с человечеством. И непонятно, чему больше удивляться – табаку или человеку. Полтысячи лет назад они нашли друг друга и все не могут расстаться... Все изменилось – еда, напитки, одежда,

Адриан Брауэр. «Курящие мужчины», 1637 г.

способы передвижения, только привычка курить остается неизменной.

Курили Ньютон и Кант. Не курили Гомер, Александр Македонский, Сократ, Цезарь, Нерон, Леонардо да Винчи, Микеланджело. Ни в одной из 39 пьес Шекспира нет курящего героя. И в этом нет ничего удивительного – в то время, когда жили перечисленные персоны, вообще никто не курил. Зато во всех романах Диккенса полно табакофилов – причем каждый курит то, что приличествует классу, к которому принадлежит. В эпоху Диккенса считалось, что литературные персонажи непременно должны

иметь какое-то отношение к табаку, иначе образ неубедителен.

С распространением железных дорог появились вагоны для лиц с разным цветом кожи – для желтолицых (курящие) и бледнолицых (не курящие). Краснолицые (любители выпить, для них специальных вагонов – увы! – нет) прибиваются и к тем, и к другим, хотя большинство из них с табаком все-таки дружит (или дружило, пока не пришло время выбора – либо жить, либо дружить). С появлением пассажирских авиаперевозок в салонах, кабинах и туалетах самолетов закурили (или продолжили курить) все, включая стюардесс и пилотов (про автопилотов история умалчивает, хотя и те не без причуд). Некурящим оставалось лишь вдыхать то, что выдыхали курящие, так что и они получали свою порцию никотина.

Да, мало кто не курил в XVII, XVIII, XIX, XX веках...

Когда-то (это было совсем недавно – в XX веке) курил и я... Многоточие призвано отобразить одолевающие меня противоречивые чувства – от незабываемого юношеского восторга перед дивным ароматом болгарских сигарет «Шипка» и «Солнце», которыми я наслаждался в Ленинграде в 1970-е годы, до отвращения перед «Столичными», первыми отечественными сигаретами с фильтром, и растянувшейся на десятилетия неспособности вовремя остановиться, знакомой всем курильщикам и особенно Марку Твену.

Несколько лет назад я, слава Богу, бросил курить, а бросив, задумался: и зачем я это делал? Да еще так долго? А зачем вообще люди курят? А что курили раньше? Куда стряхивали пепел? Зачем нюхали? Жевали зачем? И кто жевал и нюхал? Куда смотрело начальство (духовенство? власть? деканат? жена?)? Вопросов постепенно накопи-

лось столько, что я решил сам попробовать отыскать на них ответы – притом копаясь не только в собственной жизни, но и в чужой.

Ответов на самый главный вопрос – зачем, при каких обстоятельствах люди начинают курить? – существует множество. Вот несколько: чтобы унять зубную боль, от тоски, «для понта», от нечего делать, в подражание, от одиночества, чтоб успокоиться, чтобы быстрее повзрослеть (поумнеть), оттого, что все вокруг курят или, напротив, – не курят... Некурящие студенты-медики нередко просят курить своих товарищей, чтобы легче дышалось в анатомическом театре, а потом начинают и сами курить. Закуривают, став студентом или солдатом, или когда ушла жена, или собирается уйти, но все никак не уйдет... Поводов для того, чтобы закурить, – великое множество, отнюдь не меньше, чем поводов для того, чтобы выпить. Хотя, с другой стороны, мы их практически все перечислили. А вот причин для того, чтобы бросить курить, гораздо меньше (главная из них – никотиновая зависимость). Я надеюсь изложить их в конце этой книги, ведь и курить обыкновенно бросают в конце, когда уже всё. Финиш. Конец. Но ждать этого конца иногда приходится долго, придется и тебе, читатель, подождать, особенно, если читать собираешься с перекурами. Если без, то я постараюсь закончить быстрее, ибо не все некурящие выдерживают длительную осаду табакокурения.

Кстати, о перекурах. Многие приобщаются к курению в армии, когда муштру прерывают на перекур. Курящие усаживаются и принимаются с удовольствием дымить, а некурящие тем временем перетаскивают на новое место учебно-тренировочный инвентарь или бегают с поручениями. Постепенно те, кто до этого не курил, пополняют число курящих, избавленных от беганья с поручениями.

Курение делит людей на два противоположных лагеря. Если злостных отечественных любителей табака и ярых противников одного из числа знаменитостей расположить в виде таблицы, то прелюбопытная получится картина:

<i>Курящие</i>	<i>Некурящие</i>
Николай II	Иван Грозный
И. В. Сталин	Николай I
В. В. Маяковский	В. И. Ленин
Ф. М. Достоевский	А. С. Пушкин
Г. А. Товстоногов	К. С. Станиславский
Г. К. Жуков	В. И. Чапаев
С. Я. Маршак	Е. Л. Шварц
Л. О. Утесов	А. И. Райкин
Л. И. Брежнев	М. С. Горбачев
В. С. Высоцкий	А. А. Миронов
О. И. Романцев*	В. В. Лобановский
Л. И. Яшин	Г. К. Каспаров
	П. Ф. Садырин**

Изучая биографии известных людей, неизбежно приходишь к выводу: ни они сами, ни их биографы, как правило, не считали нужным упомянуть о том, к какой колонке предлагаемой таблицы эту замечательную лич-

* О. И. Романцева я отношу к бывшим курящим, т. к. с 2005 года футбольным тренерам запрещено курить в технической зоне во время матчей (штраф – 5000 рублей, к сожалению, не распространяющийся за пределы технической зоны). В предыдущие годы Олег Иванович настолько поражал телезрителей многих стран мира количеством выкуренных за матч сигарет, что заслуженно попал в одну колонку с Брежневым и Сталиным, которые тоже курили на глазах у всего мира.

** Я отнюдь не собирался противопоставлять одного человека другому, когда составлял свою таблицу, а подбирал персон по схожести занятий.

ность можно было бы причислить – к правой или к левой. Редкое исключение – драматург Е. Л. Шварц, который в своих воспоминаниях писал: «Я не курил и даже не пробовал закурить», о своем коллеге по писательскому цеху Б. С. Житкове заметил: «А как скромно и разумно живет Житков – курит махорку!», об А. И. Райкине бросил вскользь, но исчерпывающе: «Не пьет, и не курит, и ест в меру», а о писательских собраниях в начале 1920-х годов сообщил следующее: «Небольшой зал... до отказа набивался народом и прокуривался до синевы еще прежде, чем начинали читать стихи». Впечатляющая картина! Она покажется просто жуткой, если вообразить, что было, когда начинали стихи читать.

Можно изучить тысячи биографий и воспоминаний и не найти того, что нас интересует. Бывает, одной фотографии достаточно, чтобы немедленно отослать то или иное лицо в левую колонку, но можно просмотреть тысячи семейных альбомов или снимков из картотеки уголовного розыска и так и не понять, курил человек или нет. Иван Грозный стоит в таблице особняком, потому что у него ни оппонентов, ни конкурентов не было, да, похоже, ни предшественников, ни последователей. Гарри Каспаров оказался в одиночестве, потому что, на мой взгляд, ему нет равных среди некурящих, да и со стороны курящих ему никто всерьез не угрожает. Г. К. Жуков в этом списке одинок, потому что мне неизвестно, кто из маршалов не курил. О том, что Жуков курил, я знаю со слов 83-летней Лукерьи Антиповны Поздняковой, которая рассказывала мне об этом в апреле 2005 года; в 1945 году она была поваром у Георгия Константиновича. А вот в войну Жуков не курил. «Не пью и не курю, – рассказывал он корреспонденту журнала «Огонек» в 1970-е годы. – Бросил курить до войны, после заболевания бруцеллезом, сразу, в один день: смял пачку папирос и выбросил. В войну и после, в

самые трудные дни, не выкурил ни одной сигареты». И все же причисляем Жукова к курящим, ибо до войны он курил, а потом уже и память могла подвести мемуаристку.

Насчет Чапаева я не уверен, но уж очень хочется причислить его к некурящим – ни в одном анекдоте не курит. Не уверен и насчет Миронова, но очень бы хотелось, чтобы Андрей Александрович, мой любимый артист, не курил, да я и не видел его курящим ни в кино, ни на фотографиях.

Сам собой напрашивается первый вывод: не все так просто в истории табакокурения, и не всем нашлось место в этой истории. Отсюда логически вытекает второй вывод: хорошо бы попытаться разобраться в этой задымленной истории, вовлекая в нее факты и лица, уличенные в пристрастии к табаку, к его производству, продаже или предложению («Не хотите закурить?»). Те же, кто к табаку равнодушен, нам в принципе неинтересны, хотя и придется упомянуть пару-другую человек, имеющих к нему самое отдаленное отношение, ибо нет таких, кто отношения к табаку не имеет. Курящие хотят, чтобы к ним относились терпимо, а некурящие – чтобы с ними считались. О вреде (или пользе) курения говорить дальше не будем, тем более, что есть немало фактов, уводящих нас в сторону от предмета исследования и наводящих на ненужные размышления. Известно, например, что курильщики-холостяки подвержены большему риску преждевременной кончины, чем женатые курильщики. Но лучше эту сторону вопроса сразу закрыть, дабы не навлечь на себя недовольства холостяков.

Историю табакокурения я разбил на главы, хотя мог бы и не делать этого, ибо эта история отличается редкостной цельностью и стройностью, как, извините за повтор, десять пачек сигарет, аккуратно уложенных в блок. Обладает она и этакой незамысловатостью, в отличие от,

Предисловие

скажем, истории религии, покрытой таким туманом, что даже табачный чад, которым окутываются и сливаются в сплошную массу любители попить пива в теплой компании в запертом помещении, в сравнении с ней (с историей религии) кажется легким облачком.

Итак, отложите сигарету (папироску, трубку, самокрутку, сигару, сигарилло, кальян, окурочок, козью ножку), выключите телевизор, где ежеминутно рекламируют табакокурение посредством сериалов, и давайте обратимся к истории, не отвлекаясь на то, против чего так энергично и безуспешно выступает Минздрав вместе с женами и тещами курильщиков.

В заключение считаю своим неременным долгом выразить признательность тем, кто помог мне в работе ценными замечаниями и советами; я взял на себя смелость разместить и их по двум колонкам:

Курящие

О. Б. Гришина (Бельгия)
Ю. Н. Кружнов

Некурящие

В. К. Грабарь
Е. С. Ксюнина (Голландия)
Д. Эспри (Англия)
М. Митчелл (США)

Смею надеяться, что те, кто оказался в левой колонке, не преминут когда-нибудь переместиться в правую, более многочисленную. Ждать, что находящиеся там перейдут в левую колонку или хотя бы заглянут в нее, нет никакого смысла: некурящему нечего делать в курилке.

1. «РАЗВЛЕЧЕНИЕ ОТ СКУКИ»

«По загоревшему лицу его можно было заключить, что он знал, что такое дым, если не пороховой, то, по крайней мере, табачный».

Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

Вот уж кто любил покурить, так это Петр I. С него, с его времени и начнем нашу, петербургскую, историю табакокурения.

Царь сам дымил, любил, чтобы курили другие, и при этом по его лицу (да и по делам) можно было определенно заключить, что ему был отлично знаком и табачный дым, и пороховой, и дым пожаров.

В петровское время курение табака поощрялось, как способ приобщения к европейской жизни. Петр Алексеевич, вознамерившись выкурить из нашего Отечества все древние закоснелые предрассудки, ввел в Петербурге моду на курение табака и отменил все законы, касающиеся этого процесса, и существовавшие в России еще со времен Михаила Федоровича, и запрещавшие продажу и употребление табака.

А еще Петр нюхал табак и выгачивал табакерки из слоновой кости. И как только он и на это время находил?

В Россию табак был завезен еще до Романовых, при Иване Грозном. Это, как мы уже знаем, сделали англичане в 1553 году. Михаилу Федоровичу Романову, взошедшему на престол в 1613 году, это дело не понравилось, и при нем за курение ссылали в Сибирь, секли плетью и вырывали ноздри. Алексей Михайлович, сын Михаила Федоровича, издал в 1649 году указ о наказании за употребление «зелия табачища»: любители табаку, «которые стрелъцы

и гуляющие всякие люди, с табаком будут в приводе дважды или трижды, и тех людей пытать и не одинова, бить кнутом на козле или по торгом (на рыночных площадях. – И. Б.). А за многие приводы у таких людей пороти ноздри и носы резати. А после пыток и наказанья ссылатъ в дальние города, чтоб, на то смотря, иным неповадно было делать».

А еще, грозил Алексей Михайлович, «если русские люди или иноземцы табак учнут держать или табаком учнут торговать, и тех людей продавцов и купцов вольно имать и присылать в Новую четверть (одно из главных управлений в Московском государстве, ведавшее финансами. – И. Б.). И за то тем людям чинить наказанье большое, без пощады, под смертною казнию, и дворы и животы имая, продавать, и деньги иметь в государеву казну». А воеводам было приказано: «Смотреть настрого, чтобы посадские люди в зернь и карты не играли и поганого табачного зелья не жевали, в ноздри не пихали и не курили».

На почве запрещений табака, существовавших в донпетровской России, и, главное, на почве бытовавшей точки зрения, что курение – признак развращенных нравов, получили распространение народные сочинения о «нюхарях» и курильщиках. Самое известное из них – «Легенда о происхождении табака», плод фантазии безвестного грамотея, жившего в XVII веке. Употребление табака в народе считалось удалством. Молодцы собирались в корчмах, курили табак из бычачьих рогов и докуривались до беспамятства. Правда, табак был тогда очень крепкий, дурманящий, *пьянящий* – оттого и говорили первое время после появления табака на Руси, что его *пьют*, но его действительно пили. В кабаках еще при Иване Грозном можно было спросить настойку табака – через полчаса посетитель падал «замертво» – за чем он и приходил.

И вот что интересно. Если в Западной Европе власти и духовенство ополчились на табак как на «зловредную

траву» (реже – как на злоупотребление ею или использование в неподходящем месте), то Михаил Федорович выступил против него как против «разорительного зелья», ибо многие небогатые люди «покупают табак дорогою ценою» и «пьют тот табак вместо вина, и пропиваются пуще вина. От сего многие обнищали и одолжали». К тому же по вине курильщиков в деревянных русских городах случались опустошительные пожары.

Но что можно было изменить, даже угрожая суровым наказанием, если табак в Европе нюхали и курили уже почти два века? А при плохо устроенной таможене, неисполнении указов, нерадивости и продажности чиновников табак как «выгодный товар» не мог миновать Россию. Его в больших количествах привозили из Малороссии, бывшей тогда в подданстве Польши; известно, что в Малороссии курили «тютюн» уже в 1610-е годы. Сеяли там табак свободно и в больших количествах – всем хватало. И поначалу никто не сетовал на невысокое качество – другого не знали. Табак поставлялся в Россию и через Архангельск, и через Литву, из Астрахани и из Сибири. В указе одному нерчинскому воеводе в 1690-х годах предписывалось: «У всяких русских людей и у иноземцев табак сырой и толченый и дымный и на поле сеянный велеть вынимати». Значит, и сами мало-помалу научились науке (или искусству) не только сеять и выращивать табак, но и снимать неплохой урожай.

Женатый на польке царь Федор Алексеевич, вступив на престол в 1676 году, принялся насаждать на Руси западные обычаи. У него во дворце «курили проклятое дявольское зелье, табаком именуемое». Но курили только во дворце.

В веселое петровское время, пришедшее на смену бородатому, в лаптях и сарафане, не пропитанному табаком средневековью, носы за пристрастие к табаку

больше не отрезали, «живота» не лишали. На ассамблеях, шумных празднествах по поводу викторий, на гуляниях, устраивавшихся без повода, но с не меньшей регулярностью, неизменным фоном были плотные завесы табачного дыма. Царь Петр настойчиво, чуть ли не насильно угощал не только соотечественников, но и иностранцев, являя собою живой пример курильщика, приобщившегося к европейской культуре, и не вынимал трубку изо рта.

Не тогда ли появились выражения: «Дым коромыслом», «хоть топор вешай»? Нет, наверное, много позднее, ибо простой народ в XVIII веке ни дома, ни в гостях не дымил. На приобщение к европейской моде уйдет не одно десятилетие, но россияне с лихвой наверстают упущенное, так что дым пойдет клубиться по всей Руси Великой. Хоть топор вешай.

Правда, читая первые указы Петра о табаке, еще до его отъезда в составе Великого посольства за границу, можно подумать, что он встал на сторону своих предшественников. Так в наказе от 18 февраля 1696 года служивым людям было запрещено курить в острогах под опасением кнута; на курильщиков и продавцов «питья» налагался штраф: за 1-й привод 25 рублей с купца и по одному рублю с пойманного «питуха»; за 2-й привод – 50 рублей и бить кнутом; за 3-й – 100 рублей, а если нечем платить (дело обыкновенное для «питухов»), то наказывать и отправлять их в ссылку. О смертной казни уже не говорится.

Но скоро гонения на табак и его адептов закончились, ибо царь стал пристальнее присматриваться к тому, как ведет себя табак в Европе.

Началось хождение табака в России с того, что 1 февраля 1697 года Петр своим указом позволил «торговать табаком явно, на вере, гостиной сотне Мартыну Богданову с ларечными; а иноземцу, Томасу фон Брахту (правильно: *Thomas von de Bracht*. – *И. Б.*), табаком не

торговать [...], так же, как и другим иноземцам [...], чтоб тем сбору денежной казне недобору не учинилось». Здесь о табаке говорится как о товаре, а это уже серьезный шаг к тому, чтобы сделать его предметом купли-продажи и учитывать как статью казенного дохода. Впрочем, ни Богданову, ни фон де Брахту не суждено было долго пользоваться исключительным правом торговли.

Находясь в ходе своего знаменитого европейского турне в Голландии, в Утрехте, в сентябре 1697 года Петр встретился с королем Вильгельмом. Вильгельм, будучи подготовлен торговцами из Вирджинии и Мэриленда, которым не давал покоя обширный российский рынок, тот час затеял разговор о возможности торговли табаком в больших масштабах. Петр с готовностью вступил в переговоры на эту тему, отчасти и потому, что покупка военно-морского снаряжения и оборудования, наем офицеров и специалистов в разных областях истощали казну, и ему нужны были новые поступления. Перебравшись в Англию, царь продолжил переговоры с английскими и американскими купцами, а его сподвижники остались в Голландии дожидаться результатов.

В январе-апреле 1698 года Петр находился в Англии. Туда к нему пришло письмо из России от А. М. Головина от 4 февраля 1698 года: «Пожалуйста, промысли мне табаку: а у нас здесь хорошова нет, и промыслить негде». В марте Ф. А. Головин извещает Петра о том, что и он табак «не ненавидит».

Отнюдь не стал ненавистником табака и Петр, познакомившись с ним в Англии поближе. А приобщил русского царя к табаку шотландец Патрик Гордон (1635–1699), инженер, состоявший на русской службе. Но царь руководствовался принципом: научился сам – научи другого. И Петр решил приобщить к курению соотечественников. Правда, на устойчивый и, главное, широкий спрос

на табак у себя в стране ему рассчитывать не приходилось. В Московской Руси табак был в известной степени популярен среди «стрельцов и гулящих всяких людей», при Петре же потребление табака лишь начинало входить в моду при дворе, в войсках и в больших городах, и то среди тех слоев городского населения, которых коснулись бытовые и культурные нововведения, затеянные царем. То, что в России понадобился не просто табак, а «хороший» табак, говорило о готовности части российского населения приобщиться к европейской культуре и в этом ее аспекте. Смена костюма и бритье бороды завершали облик россиянина нового типа.

Будучи в Англии, Петр согласился на предложение графа Пемброка договориться с маркизом Кармартемом* о поставке в Россию крупной партии табачного сырья – речь шла о концессии на продажу, которая стоила больших денег**. Находившиеся в Голландии Лефорт, Возницын и другие соратники Петра так обрадовались этому событию, что по получении известия из Лондона тотчас воздали должное «нашему честному другу Ивашке Хмельницкому» и многократно прокричали «Виват!». Друзей хмельного Ивашки хотели было выслать из Голландии, ибо голландские купцы не без резона почувствовали, что

* Родился в 1658 году в семье выдающегося политического деятеля сэра Томаса Оксборна, был наречен Перегрином. Одно время из-за долгов скрывался за границей, потом жил на средства отца, а после его смерти – на деньги сына. Участник многих дуэлей. В 1697 году стал адмиралом, затем был понижен в звании, с 1702-го – снова адмирал. В 1716–1717 годах скрывался во Франции под именем «мистер Лоренс». Поистине необыкновенная личность! К этому нужно добавить, что во время пребывания Петра в Англии маркиз был приставлен к русскому государю, чтобы «не давать ему скучать».

** Концессия – в юридическом смысле – дозволение государственной власти на устройство промышленного предприятия или на право торговли.

англичане не допустят их на обширный российский рынок, но дело обошлось. В Москве же сильно возмущался произошедшим Мартын Богданов, который, по сообщению одного из корреспондентов Петра, был «даже груб».

Между тем договор с Кармартеном, подписанный 16 апреля 7206 года или, по юлианскому календарю, который Петр вскоре принял, 1698 года, на сумму 200 тысяч фунтов стерлингов или 400 тысяч рублей серебром, был рассчитан на семь лет. При этом англичанину, давшему задаток, удалось добиться выгодных для себя условий; в частности, он получил монопольное право («с запрещением всем другим») продавать «на Москве (Петербурга, на помню, еще и в помине не было. – И. Б.), в городах и уездах табачные немецкие трубки, и коробочки (табакерки), и иные мелочи, к тому табачному куренью принадлежащие». Одновременно царь дозволил своим подданным «табак курить и другим образом употреблять по воле каждого».

Авансом в 12 000 фунтов (по тогдашнему курсу – 28 800 рублей*) царь распорядился мудро: 17–19 апреля Ф. А. Головин покрыл накопившиеся в Англии долги и сделал новые покупки (треть суммы была выдана англичанами сразу, еще до обмена текстами договора). В Лондоне были сделаны разные припасы, накуплены редкости, инструменты, наняты на русскую службу иностранцы (не без рекомендации Кармартена): профессор Эбердинского университета, математик Генри Фарварсон (*Henry Fargharson*, в России его называли Андреем, да и непростую для русского произношения фамилию несколько переименовали), инженер Джон Перри (должен был надзирать за строительством верфей и каналов и исследовать возможность соединения Волги и Дона близ Астрахани), мастер Джон Дин,

* В Петровскую эпоху семипудовый куль муки стоил чуть больше рубля. Солдаты получали на мясо в неделю по три копейки на человека.

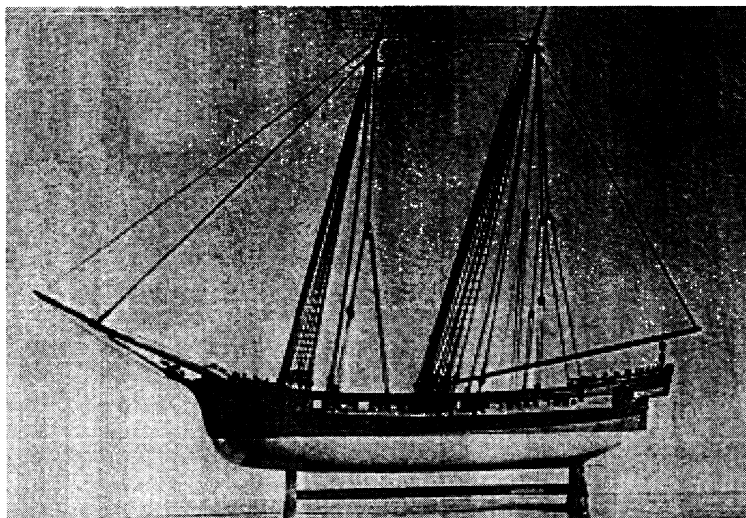
два преподавателя Математической школы – Грайс и Гвинн, кораблестроители Най и Дин и другие.

По-видимому, царя-преобразователя прельстила немалая сумма наличных денег, которые можно было употребить с большой пользой для Отечества; отчасти поэтому он, видимо, и согласился на договор, который был выгоден еще и экономически: на вырученные деньги Кармартен был обязан закупать российские товары, внося, таким образом, свой вклад в развитие России.

Полномочные представители Петра, генерал-адмирал Ф. Лефорт и воинский комиссар Г. И. Головкин, были уверены в том, что договор заключается к взаимной выгоде: «Мы, великие и полномочные нижеподписанные послы, попечение имея, дабы чрез умножение торговли и купечества между его царским величеством и его королевского величества великобританского подданных великий прибыток и польза обоим государствам прирастал от привозу и расходу много числа товаров, особливо же травы никоцианы, предоставили Кармартену с поверенными его исключительное право ввозить в Россию табак в продолжение 7-ми лет; ежегодно по 16 000 бочек, в каждой по 500 фунтов табака; с фунта обязан он платить пошлины 4 коп.». «Никотиновые коробочки» и немецкие трубки освобождались от пошлины.

В первый год Кармартен обязался ввезти в Россию 1 500 000 фунтов табака, во второй – 2 500 000, в третий – 3 000 000 фунтов и, кроме того, безвозмездно представлять в казну (т. е. для личных надобностей царя) 1000 фунтов табака в год.

Петр, со своей стороны, обязался запретить разведение табака в Малороссии и импорт из других государств. За две бочки табака, которые Кармартен обязался доставлять собственно в казну, помимо первых шестнадцати тысяч, он получил привилегию привозить в Россию трубки,

Яхта «*Royal Transport*»

табакерки и прочие табачные аксессуары. Вот текст этого разрешительного документа, увидевшего свет 14 июля 1698 года: «На Москве и в городах и в уездах, кроме черкасских (т. е. украинских. – И. Б.) городов, табаком торговать и табачные немецкие трубки и коробочки и иные мелочи, к тому табачному курению принадлежащие, провозить королевского величества английского Перегрину лорду маркизу Ф. Кармартену и его учрежденным или прикащикам; а иному никому тем табаком не торговать и трубок и коробочек не привозить».

Но вот что особенно любопытно: 23 ноября 1697 года Великое посольство, в составе которого Петр путешествовал в Европе, получило письмо от адмирала Кармартена о том, что английский король Вильгельм III подарил Петру новую, построенную в 1695 году по проекту (!) Кармартена 18-пушечную яхту «*Royal Transport*» (она же –

«*Transport Royal*»). Поначалу предполагалось, что судно будет перевозить грузы из Англии в Голландию и обратно, но потом было решено превратить его в военный корабль. Это было самое быстрое судно английского флота того времени. 2 марта 1698 года яхту официально передали Петру I. Царь задумал довести ее в мае 1698 года до Архангельска, а потом переправить в Волгу, однако этим планам не суждено было осуществиться: в 1715 году при переходе на Балтику яхта разбилась у берегов Норвегии.

Важно отметить, что яхта была подарена *до заключения* договора на поставку в Россию табака. Впрочем, больше по этому поводу ничего не скажу, дабы не бросать тень подозрения ни на ту ни на другую сторону.

Как бы там ни было, по истечении контракта с Кармартемом, Россия, несмотря на пожелания англичан, не пошла на его возобновление. И вот по каким причинам: а) пошлина оказалась слишком ничтожна в сравнении с теми выгодами, которые казна могла получить за ввоз табака из других государств; б) договор соблюдался не строго – в 1698 году в Россию ввозился табак из Китая под названием «шар», о чем англичане прознали; в) табачный дефицит в стране был преодолен; г) Петр вознамерился развивать табачное производство у себя в стране, поняв выгоды, которые можно извлечь из торговли табаком, и пожелав ими воспользоваться.

В 1698 году табак получил право гражданства в России, ибо был поощряем к распространению и употреблению самим царем. А уже на следующий год была объявлена свободная табачная торговля во всей стране. Примечательно, что воеводам в Сибири под страхом смертной казни было запрещено меняться с туземцами табаком на меха, ибо коренные сибиряки, весьма охочие до курева, могли чего доброго опустошить окрестные леса и истребить всех пушных зверей.

По указу Петра от 4 апреля 1705 года была установлена казенная продажа табака через бургомистров и целовальников, «а также через выборных, рассылаемых в села, деревни и на ярмарки». За тайную продажу табака половину партии брали в казну, четверть этой половины отдавали изветчику (т. е. доносчику), а обличенного ссылали или в Сибирь на каторгу, или в Азов на строительство кораблей.

10 октября 1716 года казенная продажа, видимо, не приносившая казне большой выгоды, была заменена откупом*.

Откупная система в этой области просуществовала до 1727 года, когда при Петре II (или, лучше сказать, при А. Д. Меншикове, правившем за него) была установлена свободная торговля табака с взиманием налога по одной копейке с фунта при продаже внутри страны. Россия вывозила «черкасский табак» (т. е. украинский) без пошлины в Финляндию, Эстляндию и Лифляндию, а также в Норвегию, Персию и Монголию. На привозной табак пошлины не было – мера весьма разумная, если учитывать, что табачная промышленность находилась в России еще в зачаточном состоянии.

В январе 1749 года, при Елизавете Петровне, был вновь учрежден табачный откуп, просуществовавший до 1762 года и приносивший казне в последние годы своего существования до 70 тысяч рублей в год. 1 января 1749 года императрица отдала табак на откуп московскому купцу Матвееву («со товарищи») за 42 891 рубль 60 копеек в год. По окончании срока этого откупа новый откупщик давал казне 63 662 рубля 61 копейку сверх пошлин. В 1753 году

* Откуп – предоставляемое государством частному лицу исключительное право на торговлю товаром, на который распространяется государственная монополия. Государству уплачивается стоимость товара, зато продажа разрешается по свободным ценам.

откуп перешел к петербургскому купцу Горбулеву за 70 000 рублей в год сроком на шесть лет, и, наконец, в 1759 году перешел к графу И. И. Шувалову сроком на двадцать лет по 70 000 рублей ежегодно.

Шувалов, покровитель просвещения, едва не истребил табачный промысел в России. За три года заведования табачным промыслом он успел существенно уменьшить сбыт русского табака за границу, вызвав недовольство российских и зарубежных покупателей тем, что в табак «для веса» подмешивал «посторонние предметы». Разумеется, он не сам это делал, ибо был занят как фаворит Елизаветы Петровны, 1-й куратор Московского университета и президент Академии художеств. Русский табак перестали покупать, и цена на него упала так низко, что в России его уже не сажали, довольствуясь привозным табаком. Прослышав о том, что в поднадзорном графу продукте, предназначенном на экспорт, в очередной раз подмешены толченное стекло и песок «для тяжести», императрица отстранила Шувалова от табака, оставив, впрочем, своим фаворитом. Дружба дружбой – табачок врозь.

Большинство петербуржцев, между тем, и не подозревали, что «наверху» происходят такие интересные вещи, а курировали себе, и преимущественно в трактирах, вовлекая в сие занятие все большее число товарищей.

Согласно утвержденным в 1746 году правилам содержания трактиров (или, как их тогда еще называли, «гербергов», от немецкого слова «*die Herberge*» – «постоялый двор»), в этих заведениях полагалось иметь «кофе, шоколад, биллиард, виноградные вина, гданские и французские водки, заморский эль, бир и полпиво петербургского варенья, кое употребляется вместо квасу», а также курительный табак. Курили табак с помощью трубок.

Одним из наиболее известных любителей трубки в XVIII веке был Петр III (правил в 1761–1762 годах). Он

курил табак «кнастер»* из глиняной трубки. Как и Петр I, его внук был большим охотником до курения и любил, чтобы курили другие. М. И. Пыляев пишет о нем следующее: «Он (Петр III. – И. Б.) всюду, куда ни ездил, всегда приказывал за собою возить целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов с кнастером и другими сортами табаку; куда бы государь ни приезжал, вмиг комнаты наполнялись густейшим табачным дымом, и только после этого Петр начинал шутить и веселиться». Веселился и курил Петр Федорович не долго, ибо умер на 35-м году жизни, успев перед кончиной отказаться от престола в пользу своей супруги Екатерины Алексеевны, которая, как увидим дальше, тоже была равнодушна к табаку.

Поначалу трубки «голландки» из белой глины завозились во множестве в Петербург из-за границы, а потом их научились делать и жители города на Неве. Питерские археологи донныне находят остатки этих трубок, ибо трубки петербуржцы курили больше века (притом в специальной комнате, за запертой дверью, как бы совершая некий обряд, а не предаваясь прилюдно праздности). «Всякий проезжающий знает очень хорошо, – читаем в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, – какие бывают» общие залы в гостиницах – «потемневшие вверху от трубочного дыма». Трубку любил и Манилов, «которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии». Трубки в те времена были «кабинетные» – из прусского янтаря с длиннейшим чубуком; бюргерские, похожие на миниатюрный саксофон; короткие «носогрейки» (по-французски – «*brule-guele*»; у этих трубок обламывали чубук), их курили преиму-

* Или «канастер». Назывался так от коробок из тростника («*canastra*»), в которых табак привозили в Европу, преимущественно из Южной Америки.

щественно питерские рыбаки и иностранцы; изогнутые – так называемые «козьи ножки».

Образ мужчины с трубкой – неперменная часть картины XVIII и первой половины XIX веков. Мемуаристы не обходили стороной курителей трубки, ибо без них картина была бы неполной. В. Г. Короленко в своих воспоминаниях рассказывает о встретившемся ему в детстве кучере – тот «не выпускал изо рта глиняной люльки, в которой помешивал иногда горящий табак прямо заскорузлым мизинцем». Одной этой фразы достаточно, чтобы образ «ожил».

Трубка и чубук – суть два предмета, без которых курение невозможно, во всяком случае на начальной стадии табакокурения. Первое время трубка в Питере изготовлялась из огнеупорной или фарфоровой глины красно-бурого цвета, реже – из различных камней. Первые трубки по своему наружному виду и размерам походили на маленькие кофейные чашки, на дне которых под прямым углом ответвлялся в сторону пустой цилиндрок, длиной не более одного дюйма. В этот цилиндрок вставлялся свободный конец чубука, тщательно обернутый бумагой во избежание притока воздуха в трубку. Лучшие трубки подобной конструкции привозились на берега Невы из Турции и продавались в табачных лавках под названием «стамбулки» по цене от 10 до 20 копеек за штуку.

Между тем, для того чтобы курить трубку, нужен был еще и чубук (слово турецкого происхождения, означает «трубка»), который представлял собою нечто вроде прямой трости длиной от 1 до 2¹/₂ аршин, по толщине был не более обыкновенной стеариновой свечи, просверленной насквозь во всю длину буравчиком для прохождения струи дыма. Чубуки изготовлялись обыкновенно из черешневого дерева, которое доставлялось в Петербург преимущественно с Кавказа. Чубук прилаживали к труб-

ке, набитой табаком, а к другому концу чубука приставляли янтарный мундштук*.

Чтобы закурить трубку, требовался огонь, а способ добывания огня в XVIII веке был тот же, каким пользовались древние египтяне или полинезийцы. Вооружившись кремнем наподобие того, какой требовался для ружейных замков и продавался повсеместно по пятьдесят копеек за сотню, курильщик накладывал на кремень кусочек трута, затем, ударяя кремень стальным кресалом, извлекал искры, которые, попадая на трут, зажигали его. Трут никогда не загорался, а лишь тлел, чего было вполне достаточно для раскуривания табака в трубке.

А еще были пенковые трубки, особенно ценимые курильщиками за тонкий аромат и за то, что их не нужно обкуривать. Делались они из морского минерала «пенки», иначе называемого «афродит» или «сепиолит». Такую трубку воспел А. С. Пушкин:

Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый...

Пенковые трубки (их «изобрел» некий австриец в 1723 году) отделялись обыкновенно серебром, с причудливыми украшениями; к трубкам прилагались короткие роговые чубучки, изогнутые на одном конце, с «флексиблем» (от французского слова, означающего в переводе на русский «гибкий»), оплетенным посередине конским волосом, чтобы курильщик имел возможность положить трубку в карман вместе с чубуком. А чтобы курительный

* Мундштук – это еще и элемент упряжи коня. У поэта Н. С. Тихонова есть такие строки: «А конь ударил, закусил мундштук / Четыре копыта и пара рук». Отсюда отнюдь не следует, будто конь закусил.

табак постоянно находился под рукой, был выдуман кисет или «капшук», мешочек из какой-нибудь прочной и красивой ткани или цветного сафьяна с узорчатой вышивкой. Чехольчики были изобретены и для чубуков; шили их обыкновенно доморощенные мастерицы, полагаясь на собственный вкус и изобретательность, и украшали бисером; особенно удачные работы мастериц стоили до 50 рублей. Подчас чубуки, спрятанные в чехольчики, делались похожими на нечто вроде жезла или посоха – смотря по длине чубука.

Трубки нередко отличались весьма замысловатым внешним видом, красиво, с большим мастерством и старанием раскрашивались. Формы имели самые разные – некоторые напоминали человеческую голову или человеческое тело, фигуры животных или птиц.

Зажигательные спички впервые появились в Варшаве, в самом начале царствования Николая I. Но тогда, чтобы зажечь спичку, конец которой был смазан серой, прежде нужно было погрузить спичку в баночку с фосфором; человеку, мало-мальски знакомому с химическими реакциями, понятно, что сие занятие было не совсем безвредным для того, кто им увлекался. Спичку в том виде, как мы ее сегодня знаем, изобрел немецкий химик Камерер в 1833 году. Изобретение приобрели два венских фабриканта – и пошло-поехало. В 1866–1868 годах появились более безопасные «шведские» спички (вовсе без ядовитого фосфора), каковыми мы пользуемся донныне.

Первое время спички привозили в Петербург из Гамбурга, но с 1837 года их стали производить в самом Петербурге, пионере во многих областях и сферах, касающихся всего того, что относится к курению. В 1842 году в Петербургской губернии было уже 9 спичечных фабрик. Самой известной в XIX веке была фабрика В. А. Лапшина, о котором в следующем, XX веке, вспомнят поэты – сначала

Н. Я. Агнивцев («Сегодня в руки мне попалась / Коробка спичек Лапшина»), а потом – С. Я. Маршак («А спички были Лапшина»). А потом уже никто не вспомнит. Так проходит мирская слава. Сгорает, как спички Лапшина.

Самые известные спички носили имя «Ираида» – в честь дочери фабриканта, вместе с которой Лапшин проживал в собственном доме на углу Невского проспекта (№ 71) и Николаевской (ныне Марата) улицы (№ 1).

Подержать в руках горящую спичку для курящего человека – такое же удовольствие, что и подымить сигаретой или папиросой. Со стороны всегда кажется – вот-вот обожжется, но нет, курильщики – люди рискованные, знают, на что идут. Дочь замечательного русского писателя Л. Н. Андреева на всю жизнь запомнила следующую сцену из своего детства:

«Вот его рука зажигает спичку, папа замолкает и закуривает, – он совершенно меняется: на его лице, ярко освещенном лампой, застывает тяжелое, скорбное выражение... “Может быть, у папы вдруг заболела голова?” – думаю я вскользь, так как все мое внимание поглощено спичкой, про которую папа забыл и которая все еще горит в его пальцах. С замиранием сердца я жду, когда огонь до них доберется, – тогда папа опомнится, тряхнет рукой, спичка потухнет. Неужели он не чувствует жара, ведь сейчас обожжется, вот сейчас! Невольный вздох вырывается у меня, потому что папа вдруг встряхивает рукой, спичка гаснет...».

Без спичек и сегодня никуда не деться ни домашней хозяйке, ни любителю шашлыка, ни школьнику, покуривающему в туалете. Что уж там говорить о курильщиках XIX века, которые даже не подозревали, что когда-то на смену спичкам явится зажигалка. Впрочем, прежде чем она явится, пройдет много времени, и немало петербуржцев будет использовать для прикуривания банки огнива,

которые зажигались при нажатии пружины и наводили страх на домашних. А вот свидетелем какой сцены стал в один из солнечных дней 1848 года мемуарист Л. Ф. Пантелеев: «Иван Ефимович достал из чехла трубку, потом из бисерного кисета набил табаку. Я приготовился наблюдать очень интересную и хорошо известную мне операцию высекания огня над трутом, но, вместо того, Иван Ефимович вынул из кармана какое-то круглое стекло и начал водить им над трубкой; на табаке замелькало светлое пятно, показался табачный дымок, и Иван Ефимович передал трубку Николаю Ивановичу, который сейчас же с наслаждением и начал попыхивать. Изумлению моему не было пределов...».

Наверное, такой способ прикуривания через линзу существовал и в XVIII веке, в который и возвращаемся.

Как и в наши дни, курение нередко служило причиной серьезных пожаров, но в XVIII веке, когда в Петербурге почти все дома были деревянными, огонь нередко охватывал целые кварталы. По этой причине градостроителям приходилось всерьез задумываться над улучшением планировки центральных кварталов.

В 1736 году случился один из самых сильных пожаров в истории Петербурга. Причиной его стала неосторожность слуг персидского посла Ахмед-хана, живших на Мойке, близ Зеленого (ныне Народного) моста. Историк Петербурга М. И. Пыляев писал: «Они курили трубку на дворе, искра запала в сено, и через полчаса дом пылал. Пламя распространилось с чрезвычайной быстротой и вскоре охватило многие деревянные здания на берегу Мойки и Гостиный двор, стоявший на месте нынешнего дома Елисеева. Пожар продолжался восемь часов и истребил все здания от Зеленого моста до церкви Вознесенья».

Боязнь пожара, который могут вызвать курильщики, сохранялась долгое время и существует до сих пор. В романе И. А. Гончарова «Обрыв» кучера при приближении Татьяны Марковны Бережной «быстро прятали трубки за сапоги, потому что она больше всего на свете боялась пожара и куренье табаку относила – по этой причине – к большим порокам». Даже «иногда ночью вставала посмотреть в окно, не вспыхивает ли огонек в трубке».

Указом от 31 июля 1762 года императрица Екатерина II восстановила «вольную» (т. е. свободную) продажу табака, уничтожив откупы Шувалова, «в рассуждение того, чтоб не один, но все общество тем торгом пользовалось». Екатерина поняла, насколько важно развивать табачный промысел в России, богатой землями для выращивания этого продукта.

Внутри страны табак не облагался налогами, а с табака, вывозимого за границу, было велено собирать пошлину по 20 копеек с пуда.

11 февраля 1763 года усовершенствованием табачной промышленности было поручено заняться действительному статскому советнику и писателю Григорию Николаевичу Теплову (1720–1770)*, который был назначен главным правителем всех табачных плантаций в России, под непосредственным надзором самой императрицы. Вот отрывок из текста Высочайшего указа: «А для лучше-

* Любопытно, что на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры до наших дней сохранилась могила Григория Николаевича Теплова. Однако это не «наш» Теплов, а его полный тезка и современник, тайный советник, сенатор, да и годы жизни чуть-чуть не те – 1717–1779. Это незаконный сын архиепископа Феофана Прокоповича, записанный на его истопника. Выражаю благодарность некурящему Ю. М. Пирютко, который помог мне отличить одного Теплова от другого.

го споспешения в деле, мы ему, Теплову, препоручили главное сего дела правление и повелели особливым нашим указом быть сим плантациям и всему его промыслу табачному в нашем собственном ведении и протекции».

Теплов основательно подошел к исполнению своей должности, как человек, которому поручено дело государственной важности. В год своего назначения он выпустил в свет книгу «О засевах разных табаков чужестранных в Малороссии», а это свидетельствует о том, что с табаком он был знаком не понаслышке. Мало того, он представил проект усовершенствования табачного промысла, удостоившийся Высочайшего утверждения. В нем Теплов расписал историю внедрения табака в Европу и описал табачные плантации в Вирджинии и Мэриленде. По заключению Теплова, Россия покупала табак у французов, но через вторые руки и поэтому дорого. Французы потеряли Вирджинию, уступив ее англичанам, что оказалось полезным для развития табачной промышленности, потому что французы ею толком и не занимались, тогда как англичане сполна использовали возможности выращивания табака в Вирджинии, чтобы заполнить им всю Европу.

Указом от 14 марта 1763 года было, по сути, положено начало развитию табачной промышленности в России. В Малороссии стали сеять американский табак, а Теплову было поручено учредить в Ромнах контору директора для личного надзора за промыслом; этой конторе вменено было в обязанность каждые два года снабжать американскими семенами всех желающих «безденежно», да еще и инструкциями по разведению табака.

22 марта 1764 года был обнародован указ, немало способствовавший развитию отечественной промышленности, в том числе и табачной: «Кто заведет шелковый завод, виноградный сад, табачную фабрику и прочее такое, чего в государстве мало или совсем нет, тому дозво-

ляется 10 лет беспошлинно за границу и внутри государства тот продукт и товар продавать». По инициативе Теплова правительство установило премии за разведение табака в помещичьих хозяйствах и в марте 1764 года предоставило табаководам право беспошлинной продажи табака за границу и внутри государства. Поначалу домогрененные плантаторы стали разводить амертсфортский табак, как наименее прихотливый.

Полку производителей табака прибавлялось год от года, а следственно, росло и число его потребителей.

Начиная с середины XVIII века табак получил в Петербурге повсеместное распространение. К табаку пристрастились и состоятельные люди, и мастеровой люд, и военные, и флотские; «не охваченными» оставались только женщины, но и их черед придет, и они себя еще покажут.

С 1780 по 1790 год в Петербург ввозилось до 5000 пудов табака. Пройдет совсем немного времени, и эта цифра будет значительно перекрыта, ибо потребности в табаке возрастали год от года.

В 1763 году было разрешено торговать китайским табаком «шар», а также бразильским – хорошего русско-го табака производилось все еще мало. В Петербурге была учреждена компания, которая заведовала обработкой табака, выращенного в России, и заключала контракты с купцами, поставлявшими его за границу. В то время Россия еще не утвердила своего могущества в Крыму и не владела землями, пригодными для выращивания наилучших сортов.

В 1838 году был установлен акциз с табака «в видах воспособления государственному казначейству по мере возрастания расходов, необходимых для усовершенствования многих частей государственного благоустройства» на том основании, что «приготовление табака как предмета, относящегося к требованиям роскоши, может, без

всякого стеснения для народа, быть обложено умеренным налогом». На том стороны – государство и народ – и порешили.

До 1810-х годов курительный табак по популярности уступал нюхательному (о котором речь пойдет в отдельной главе – «нюхари» всегда держались особняком). Фельетонист «Северной пчелы» писал в 1843 году: «Не более как за 35 лет пред сим курение табаку ставилось на одну линию с употреблением спиртных напитков. Курили табак моряки и старые солдаты, преимущественно кавалеристы. Когда курильщик ехал в общество, то переодевался, чтобы не было слышно табачного запаха. Сказать о человеке, – от него пахнет табаком, почиталось оскорблением. Особенно во Франции курильщики были редки, и только старые гренадеры не стыдились курить явно. Времена переменчивы! Теперь табак курят не только первейшие светские щеголи, львы, но и дамы! О ужас! Дамы курят табак!»

Мало-помалу укрепилось мнение, что курить не только модно, но и полезно. Хотя насчет моды очень точно выразился фельетонист «Иллюстрации» в 1845 году: «Все курят, почти все нюхают... Табак – друг молчаливой думе и шумной беседе. С табаком люди приятно и встречаются, и провожают день. Весь свет в дыме, – но табачном, и никто не жалуется на свойства заморского зелья; напротив, каждый старается сделать себе табачную атмосферу, в ней жить и умереть. Беспредельное потребление табака не есть мода, потому что эта мода продолжается триста пятьдесят лет...».

Насчет того, что «курят все», автор явно перебрал. Оказавшись в гостях у Манилова, Чичиков отказался от «трубочки», ибо не курил – «Не сделал привычки, боюсь;

говорят, трубка сушит». На это Манилов произнес следующую необыкновенную речь. Трудно удержаться от того, чтобы не воспроизвести ее здесь:

«Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже срок с лишком лет, но, благодаря Бога, до сих пор так здоров, как нельзя лучше».

И у Ноздрева из гоголевской поэмы в кабинете были трубки «деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные и необкуренные, обтянутые замшею и необтянутые, чубук с янтарным мундштуком, недавно выигранный, кисет, вышитый какою-то графинею...»

У героя повести «Трубка табаку» (анонимный автор скрылся под псевдонимом А. Ф. Трубкин), вышедшей в свет в 1844 году, всегда при себе была «длинная палица – прекрасный черечневый (из черешни или вишневого капа, т. е. нароста на дереве. – И. Б.) чубук с богатым янтарным мундштуком, который был оправлен в серебро и золото... На серебряном кольце, около мундштука, были вырезаны слова: “Развлечение от скуки”».

Нет, недаром в первой половине XIX века в городе на Неве были в ходу следующие незамысловатые строки:

Трубка в жизни утешенье,
Трубка – радость наших дней,
От тоски одно спасенье –
Быть все с трубкою своей.

Подобно спутникам Христофора Колумба, возвращавшимся из Америки в Европу, петербуржцы относи-

лись к курению прежде всего как к лекарству от скуки. Другой автор, укрывшийся за инициалами В. В., утверждал в своей брошюре под названием «Курите, сколько хотите»: «Ни телесные упражнения, ни различные игры, ни пение, ни игра на музыкальных инструментах во многих случаях не могут заменить курение уже потому, что они утомительны». Курение же, напротив, ничуть не утомляет. И правда – кто, где, когда слышал, чтобы курильщик, погасив трубку (сигарету, сигару, папиросу) сказал: «Фу! Устал!».

После Андрианопольского мирного договора, заключенного Россией с Османской Портой в 1829 году, в Петербурге стал входить в моду турецкий табак. Центрами его торговли были южные города Российской империи (Одесса, Кременчуг и др.), а также военные поселения, где всегда полно курильщиков. За «око» (три фунта) отличного турецкого табака, тонкой, как шафран, крошки, производимой разносчиками табака в присутствии покупателя и упаковываемой в «папушки», платили в 1830-е годы по 60–75 копеек. В начале XX века за фунт такого же табака платили уже от 6 до 8 рублей. Как видим, турецкий табак оставался в спросе у петербуржцев в продолжение многих десятилетий.

При императоре Александре I (царствовал с 1801 по 1825 годы) для развития табачной промышленности было сделано немного. Однако в 1803 году в южных краях России происходила раздача земель с видами на выращивание растений, которые можно использовать и в табачной промышленности. Тамошние помещики сумели увидеть пользу от возделывания табака и стали учиться обрабатывать его. Количество табачных плантаций на

юге России год от года увеличивалось без какого-либо поощрения со стороны властей.

В эпоху Александра I трубка и сигара начали мало-помалу вытеснять табакерку из обихода городских жителей. Очевидец писал: «Вдруг с величайшею прогрессиею посыпались у нас сигары и картузы* курительных табачков. Быстрым полетом влетела в нашу землю страсть курения, и в течение нескольких лет распространилась привычка курить табак и сигары не только в Петербурге, но во всей России, во всех сословиях, во всех званиях, во всех возрастах. Эта страсть сделалась такою же необходимостью, как пища. Повсюду поднялся дым, пускаемый на воздух, по крайней мере, тридцатью миллионами русских и разных иностранных обитателей».

Между тем, 17 июля 1839 года в газете «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» сообщалось, что горожанам отныне запрещается курить «на улицах и площадях, а также в конюшнях, сеновалах, на чердаках и тому подобных опасных местах». Этому полицейскому запрету предшествовал один из самых разорительных пожаров, в огне которого погибла большая часть убранства Зимнего дворца. Произошел он в декабре 1837 года.

В соответствии с Табачным уставом, принятым в 1848 году, запрещалось курение в общественных местах и даже на улице. Нарушителям этого закона, невзирая на лица и чины, грозил крупный денежный штраф. Запрет, впрочем, не возымел должного действия. Напротив, резко увеличилось число пожаров, поскольку курильщики,

* Бумажные мешочки в фунт, полфунта и четверть фунта. Зная это, без труда понимаешь, что имел в виду Хлестаков, спросивший у своего слуги Осипа: «Посмотри, там, в картузе, табаку нет?». Напомним, что картузом также назывался мужской головной убор, но не о нем сейчас идет речь.

завидев полицейского, спешили выбросить папиросу куда угодно, нимало не заботясь о том, что она может послужить причиной пожара.

Пожар представлял серьезную опасность не только для зданий, но и для деревянных мостовых, а также мостов. Когда в ноябре 1850 года был открыт первый каменный мост через Неву – Благовещенский (ныне Лейтенанта Шмидта), это стало событием и для любителей табака, поскольку на нем было разрешено курить: мост был каменный. А покурить, стоя на мосту, – особое удовольствие; это вам скажет любой курильщик, и тогдашний, и нынешний. Последний, впрочем, предпочитает курить на балконе, но ведь это все равно, что на мосту.

Ведь покурить на мосту или на балконе – такое же удовольствие, что и подымить в школьном туалете, или на светском рауте, или на конюшне, или в поле, засеянном пшеницей. Да мало ли на свете мест, где ни ступала нога курильщика, где ни оставлял он после себя облачко дыма, которое вроде бы и растаяло уже – а все дымком тянет.

А сколько пожаров произошло от непогашенной сигары, папиросы, сигареты, пахитоски?

Столько, что обо всех и не расскажешь.

Упомянем лишь, что после пожаров 1849 года во всей России, как утверждает Л. Ф. Пантелеев, были запрещены спички, и вновь они были разрешены только в 1861 году. Утверждение, впрочем, более чем сомнительное.

С 1825 года – с начала царствования Николая I, который и сам не курил и курильщиков недолюбливал, – курение табака (будь то папиросы, сигары или трубки) на улицах, в театрах и в общественных местах запрещалось и преследовалось полицией. Исключение делалось лишь для табачных лавок, трактиров, где торговали табаком, и клубов. Кстати, одним из следствий этого было то, что

многие курильщики становились членами клубов только ради удовольствия покурить, отдыхая или играя в карты (не станешь же курить в зрительном зале театра).

По восшествии на престол Александра II (в 1855 году) в истории табакокурения произошли важные события. По царскому указу в 1860 году была повсеместно дозволена «раскурочная» продажа трубочного табака, папирос и сигар «в заведениях, где разрешена продажа напитков», а также в овощных лавках и кондитерских.

А. Ф. Кони отмечал: «До шестидесятых годов проходные не курят – это строго воспрещается». При виде приближавшегося полицейского от папиросы старались избавиться. Раскольников в «Преступлении и наказании» говорит городовому о «франте», который «отошел маленько, будто папироску свертывает». Напомню, что этот роман Ф. М. Достоевский писал в 1865–1866 годах, и о запрете на курение на улицах писатель знал не понаслышке.

В 1865 году, при Александре II, было официально легализовано курение на улицах Петербурга. В июне 1865 года было Высочайше утверждено «мнение» Государственного совета в департаменте законов «Относительно дозволения курить табак на улицах, площадях и проч. как в столицах, так и в прочих городах и местностях», а 4 июля было опубликовано постановление, разрешавшее курить на улицах Петербурга.

Это вызвало восторженную реакцию у современника: «Либерализм так и ходит волнами, как море; страшно даже, как бы он всего не захлестнул... У дверей ресторанов столики выставили, кучера на козлах трубки курят... Ума помраченье, что за вольности!».

Запрет на курение сохранился для тех, кто как раз больше всех и курит, – на солдат и матросов. Запрещалось также «курение табака на тротуаре, облегающем Зимний дворец».

При Александре II трубки стали постепенно вытесняться папиросами (предположительно, появились в 1832 году в Египте, где английские солдаты набивали табак из картонных гильз от патронов). Появление папирос вызвало подлинную революцию в отечественном табачном производстве. Фабрики, выпускавшие до этого времени нюхательный и трубочный табак, не сумев перестроиться, терпели сокрушительное поражение в битве с конкурентами и навсегда (и, к сожалению для историка, бесследно) исчезали за густой пеленой папиросного дыма. К папиросам прирастали и представительницы прекрасного пола, что дало повод фельетонисту язвительно заметить: «Дама, пускающая дым из своих коралловых губок, – то же самое, что мужчина, вяжущий чулок или вышивающий на канве».

В России папиросы в бумажных гильзах известны примерно с 1844 года (в циркуляре министра финансов от 29 апреля 1844 года впервые говорится об «особого рода бумажных сигарах, называемыми папиросами»). Первое время папиросы выпускала только фабрика А. Ф. Миллера в Петербурге, потом изготовлением их стали заниматься десятки других фабрик и бесчисленное число мелких кустарных мастерских. Папиросы были двух сортов: турецкие крепкие (из турецкого табака) и слабые (легкие) – из мэрилендского. Папиросы под названием «*Maryland Doux*» (или, как сказали бы сегодня, «Мэрилендские легкие») будто бы первым начал производить в Питере некий француз Морнэ, служивший несколько лет камердинером у князя Александра Ивановича Барятинского (1815–1879), генерал-фельдмаршала, и вместе с ним приехавший в Россию (но не из Парижа, как можно было бы предположить, а с Кавказа, хотя, с другой стороны, откуда на Кавказе взялся француз?).

И турецкие крепкие, и мэрилендские легкие были одного вида и размера – около пяти дюймов. Десяток стоил десять копеек.

Все предприниматели, производившие папиросы, ориентировались прежде всего на среднее сословие – в этой части общества число курильщиков во все времена было особенно велико, и именно они приносили (и приносят) фабрикантам основной доход.

Гимназисты и кадеты, которых, надо полагать, табачные промышленники не принимали в расчет, курили десятикопеечные папиросы, притом в несколько приемов, тщательно сохраняя окурки. Однако за пределами «школьного круга» широкого распространения такие папиросы из-за плохого качества и относительно высокой цены не получили. В гимназической и кадетской среде, где куренье преследовалось, курили исключительно «в трубу» (т. е. в вытяжку), преимущественно в клозетах (как и в наши дни). По воспоминаниям современника, «в учебных заведениях за куренье драли без всякого милосердия» (чего в наши дни, увы, не делают, даже дома).

Папиросы быстро вошли в моду. Когда они только появились в продаже, возник романс, вытеснивший панегирик трубке:

Папироска, друг мой тайный,
Как тебя мне не любить;
Не по прихоти ж случайной
Стали все тебя курить.

Нет, не по прихоти, тем более случайной, люди пристрастились к папиросам. А почувствовав вкус, стали употреблять папиросы как собственной набивки (их предпочитали любители и небогатые люди, набивавшие специальной машинкой гильзы развесным табаком, сто-

ившим тогда дешево), так и готовые, фабричного изготовления (в начале XX века они вышли на первое место).

Со временем появились еще и так называемые «заказные» папиросы – они заказывались содержателям табачных лавок по цене от четырех до семи и даже восьми рублей за тысячу штук. Домашние же делались собственноручно, или изготовление их поручали папиросницам с табачных фабрик. Тысяча штук с табаком и гильзами обходилась заказчику в рубль с небольшим. Собственноручно папиросы делали или «насыпные» (в купленные гильзы насыпали табак и вкладывали вату) или «крученые» (изготавливались с помощью машинки, которую можно было купить в любой табачной лавке за пятнадцать копеек).

«Крученками» или «самокрутками» назывались папиросы, завернутые самолично, без посторонней помощи, в специально приготовленные для этой цели листочки из рисовой или маисовой бумаги (продавались книжечками по сто листиков в каждой) и склеенные слюной; «крученку» вставляли в мундштук. Мундштуки были янтарные, пенковые, стеклянные, деревянные, тростниковые и другие. Простые люди завертывали табак в газетную или писчую бумагу в виде крючка (такие папиросы назывались «крючками»). Подобный способ приготовления папирос, будучи сам по себе занятием весьма кропотливым, для записных курильщиков являл собою сплошное удовольствие, ибо многие из них только так могли постичь всю прелесть свободного неконтролируемого труда: не нужно было издерживаться на покупку готовых изделий.

Правда, особо чувствительные натуры, и, доставляя себе радость, ощущали некий душевный дискомфорт. Л. Ф. Пантелеев вспоминал: «Иван Николаевич любил свертывать “цигарку”, а нет-нет его и брало сомнение: не вырос ли табак от некоей непотребной блудницы; его даже не успокаивало уверение Дмитрия Ивановича, что

табак – трава безгрешная и нюхать его даже очень полезно, так как оттягивает от головы дурные соки. Покуривает, бывало, Иван Николаевич свою “цигарку” да вдруг и проговорит: “За все на том свете придется ответ держать”: “А курил ты, Иван Николаевич, табак?” – “Грешен”. – “Ну, так поди ж в пекло, там для тебя черти раскурку приготовили”».

В 1882 году в России была запрещена продажа листового табака с плантаций непосредственно потребителю. Эпоха самодельных папирос практически закончилась. Наступала эра фабричного производства табачных изделий, когда машина делала до 1800 папирос в час, а управляла ею одна работница. Вместе с тем на смену листовому табаку явился газетный лист. Оторвать от него осьмушку, скрутить трубочкой, провести по краешку языком, зарядить махоркой да и закурить «крючок» – милое дело. Тут и указ не указ, и машина не соперник.

В первой трети XIX века в употребление в Петербурге вошли сигары (или, как они еще тогда назывались, «цыгары» или сигарки) разных сортов, привозившиеся с Кубы и Филиппин (сигара – от слова «цикуарра», что на языке индейцев племени майя означает «все то, что горит, тлеет и полыхает»; изготовленные в Петербурге сигары первое время назывались «рули»). «Трубки и табак выгнаны в губернии, а сигары овладели почти всем Петербургом решительно и без исключения, – писал современник. – О чудо, кто теперь в Петербурге не курит сигар! Малый и старый, богатый и бедный, дамы и кавалеры, господа и лакеи, здоровые и больные, погребщики и магазинчики, швейцары и мастеровые, генералы и солдаты, военные и статские, в домах и на крыльцах, в гостиных и в трактирах, на прогулках и верхом, и пешком, на

дрожках и в колясках – везде и у всех сигары в зубах и дым из рта!»

Фельетонист «Северной пчелы» свидетельствовал в 1843 году: «Сигарки, которые за тридцать пять лет были почти неизвестны в Европе, исключая Испанию и приморских немецких портов, сигарки сделались повсеместно такою же потребностью жизни, как сахар, кофе, чай и нюхательный табак. Почти в каждом доме в кабинете хозяина пахнет табаком. Во всех модных магазинах, даже в тех, где продаются модные дамские товары и драгоценные вещи, золото и бронза, продаются сигарки. Должно отдать преимущество настоящим Антильским сигарам, особенно делаемым в Гаване, на острове Кубе, но и во всех городах Европы находятся сигарочные фабрики».

В. Г. Белинский подчеркивал, что курение сигар – явление демократическое и вместе с тем столичное, петербургское: «[...] петербургский простой народ несколько разнится от московского: кроме [...] чая, он любит еще и кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики». К слову сказать, нынешние «подгородные мужики», обитатели коттеджей размером с цирк на Фонтанке, а то и с Большой Гостиный двор, тоже, говорят, любят лакомиться сигарами.

Дань увлечения этой моде отдал и незабвенный Иван Александрович Хлестаков: «Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка – просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь». А вот смотритель училищ Лука Лукич Хлопов, которому Хлестаков предложил сигару, закурил не с того конца, обнаружив тем самым, что взял ее в руки впервые.

В коробочке, на этажерке, держал сигары Илья Ильич Обломов, хотя сам, когда жил на Гороховой улице, курил трубку (выкурив которую, прислонял к постели); перебравшись на дачу, курил сигары, притом «задумчиво».

Сигары Обломова были, впрочем, «дрянь», по мнению его знакомого М. А. Тарантьева – «курить нельзя». О хороших сигарах Илья Ильич больше мечтал: «После обеда мокка (сорт кофе. – *И. Б.*), гавана на террасе...» Да и кто об этом не мечтает...

Любил сигару после обеда и Стива Облонский, герой романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», – «за легкий туман, который она производила в его голове». Впрочем, курил Степан Аркадьевич и папиросы, а любители сигар, между тем, всегда относились к ним несколько сдержанно, поэтому он являл собою редкий тип курильщика... В романе Толстого вообще очень мало курят, все больше говорят, обедают и ездят на скачки. Не курит, например, Алексей Александрович Каренин, жена его не курит, хотя могла бы закурить – столько на нее свалилось переживаний! Так что этот роман Толстого для историка табакокурения не представляет практически никакого интереса, – Лев Николаевич крайне скуп на описание процесса курения (хотя его современники дымили по полной программе, и герои романа наверняка покуривали «за кадром»), да и чего можно ожидать от человека, которому принадлежат слова: «Курящий в присутствии детей совершает преступление» и «Табак курят для одурения ума и омрачения совести». Но, слава Богу, есть множество других интересных для нас литературных произведений, к которым мы и будем не раз обращаться и черпать в них нужные нам примеры.

Наименований и сортов сигар в XIX веке было великое множество – что поганок в лесу, или слов в языке, или солдат в армии Наполеона, или звезд на небе, или рублей у нынешнего олигарха. По отношению к сигарам все сравнения хороши, ибо они, как предметы неодушевленные, не могут ни возмутиться, ни принять похвалу. Они могут

только сгорать от нетерпения – «ну, как, доставляю я удовольствие тому, кто меня курит?». Но с жизнью своей расстаться, однако, не спешат и, будучи отложены на время, затухают от невнимания, чтобы спустя какое-то время загореться вновь – на радость себе и людям (курящим). При этом, что характерно, сигара тлеет равномерно, не обгорая сбоку или в середине, иначе это черт те что, а не сигара. И еще она обязательно обнаруживает в том, кто ее курит, человека благородного. Как, например, в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы»: «Благовоннейшая гавана дымилась в руке вошедшего». Эта фраза сама по себе столь убедительна и самодостаточна, что можно было бы обойтись и без следующей: «Расстегнутый генеральский сюртук открывал грудь, обтянутую жилетом изумительной белизны».

В начале 1820-х годов в Петербурге у аристократов и франтов всех мастей были в моде американские «трабукосы» (сорт кубинского сигарного табака). Но лучшими считались классические гаванские сигары сорта «Вегуэрос», изготавливавшиеся простейшим, но выдержавшим испытание временем способом – вручную (этим обыкновенно занимались женщины-негритянки, скатывавшие сигары ладонью на обнаженном бедре). Чуть меньше «уважались» сигары сорта «Регалия» (редко встречающаяся в продаже «*Regalia Byron*», а также «*Regalia del Duque*» и просто «*Regalia*») и легкие «Панетелас» – сладкие и ароматные. «*Flor Patria*», – отличные были сигары», – вспоминал Л. Ф. Пантелеев.

В Петербурге в XIX веке (точную дату установить не удалось) была впервые презентована сигара «*Melange Imperial*», до сих пор пользующаяся уважением у знатоков.

Опытный курильщик без труда ориентировался в многочисленных сортах, а выбрать было из чего: «Барелла», «Жак», «Зильва», «Перосиер», «Дозамикос», «Кабанос»,

«Лафама», «Нунец», «Матос», «Регес», «Баланцуелас», «Кабалерос», «Канонес», «Ла Атилла», «Медио Регалиа», «Лапалма», «Таглиони», «Сильфида», «А ля Кристин», «Наполеон», «Кедера», «Куба», «Ла Емпресса», «Де Колорадо», «Ланзанц», «Лакацца-Дорес», «Ла Норма»... И это далеко не все. Впрочем, фабриканты и торговцы давно усвоили правило: можно производить и продавать один и тот же продукт, давая ему разные названия – все равно возьмут!

Современник вышеперечисленных сигар утверждал, что «из тысячи петербургских курильщиков едва ли один сумеет отличить каждый сорт». То же говорили и о качестве сигарного табака: «При большом количестве сортов табака невозможно определить по вкусу происхождение сигар... Им часто дают произвольные названия, что вводит в заблуждение покупателя». Стоили же сигары дорого, и вследствие возросшей дороговизны к концу XIX века курили их уже немногие. Хорошие сигары стоили тогда минимум семь рублей за сотню и потому были большинству курильщиков не по карману.

При производстве сигар их «соусировали» таким, например, способом: обрабатывали составом из сахара, нашатыря, мелкого чая, корицы, ванили, гвоздики.

Были и дешевые сигары, известные под шутивными названиями «регалия капустиссима» или «стинкадорес» (от англ. *stink* – «вонять»), но их старались не курить в присутствии посторонних вследствие далеко не самого приятного запаха (даже на открытом воздухе), горечи и скручивания сигарных листочков от огня. «Стинкадорес» курили преимущественно иностранцы, главным образом немцы (впрочем, «немцами» в позапрошлом и позапозапрошлом веках в Петербурге называли всех иноземцев).

К середине XIX века в Петербурге было налажено собственное производство сигар. Меж тем и в ту пору на-

ходились люди, которые считали, что все, что делают в России, – плохо, и потому сигары местного изготовления никуда не годятся, а хороши только те, что ввозятся из-за границы, даже если они и сделаны из русского табака. По этой причине Петербург, по свидетельству современника, прокуривал «на дым иностранного запаха несколько миллионов рублей ежегодно». В 1839 году, например, в город было привезено иностранного табака и сигар (из Франции, Германии, других стран) почти на пять миллионов рублей; табак ушел в дым, прибыль осела в карманах табачных фабрикантов. Сигарный бизнес довольно быстро набрал обороты, а сами сигары становились все краше и привлекательнее. И разнообразнее.

Сигаретами (или «сигаретками», «цыгарками») назывались тонкие сигары, спрессованные так, что в сечении они были квадратными; производились из ломаного американского табака, а закручивались в цельные табачные листья. Питерские табачные фабриканты Богосов и Тулинов выписали из Бордо знакомого им француза, табаковод, по рецептам которого и стали изготавливать два сорта тонких сигареток, из которых один, совершенно темного цвета, назывался «кедера» (фр. «*queue de rat*» – «крысиный хвост»), а другой, белого цвета, много короче первого, из того же сорта табака – завернутого в тончайший листок соломы, – пахитосы или, ласково, пахитоски. Пахитоски (слово, между прочим, отнюдь не испанского происхождения), как и сигаретки, делались из мелкого резаного табака, но заворачивались не в бумагу, а в маисовые (кукурузные) листья; в России, делая пахитоску, табак заворачивали в соломину или насыпали в бумажные гильзы.

Любители сигар обзаводились специальными курительными принадлежностями – серебряными спичечница-

ми, специальными ножичками-гильотинками, с помощью которых отрезался кончик сигары (и ведь надо знать – какой кончик!), тяжелыми фигурными пепельницами из серебра, бронзы или цветного камня, подставками для сигар, предохранявшими мебель от горячего пепла. У состоятельных поклонников сигарного дыма в доме непременно имелся курительный столик с массивной мраморной доской, на котором все табачные принадлежности составляли одну живописную композицию, не раз вдохновлявшую художников, тоже больших охотников до табаку.

«В наше время (в 1892 году. – *И. Б.*) курят очень многие, даже женщины», – писал мемуарист. Другой, подтверждая это, считал, что курение женщин красит: «Среди дам находится немало любительниц этой приятной отравы. Потому, если мы захотим быть справедливыми, то сознаемся, что маленькая, тонкая папироска отнюдь не безобразит хорошеньких дамских губок, а придает им скорее своеобразную пикантность». И полувека не прошло со времени появления папирос, а отношение к курящей женщине кардинально изменилось (хотя единодушия в этом вопросе никогда не бывало и до сих пор нет).

На волне женского движения 1860-х годов интенсивно начали курить студентки и домработницы. Так некая белошвейка по имени Сая, по воспоминаниям ее современника, «курила дешевые папиросы “Трезвон” (наши говорили: «Папиросы “Трезвон”, три копейки вагон»). Табак был до того вонючий, что ее выгоняли из комнаты на кухню, а там Марфуша ее отчитывала, говоря, что курить грех и за это Бог ее накажет».

Английский полковник Веллеслей, побывавший на берегах Невы в 1870-е годы, заметил: «Петербург отличается от других европейских городов... болезненным видом большинства петербургских дам, благодаря... привычке курить».

Поэт В. И. Богданов свое стихотворение «Объяснение в любви», написанное в 1864 году, начинал следующими строками:

Закуривши папиросы,
С нею молча шли мы раз...

Поменяйте «папиросы» на «сигареты», и выйдет вполне современная картина.

После обеда петербургские мужчины, жившие во второй половине XIX века, обыкновенно удалялись курить в кабинет хозяина. Нередко к ним присоединялись и женщины – чтобы выкурить по египетской папиросе. Например, «*Nestor Gianadis*» или «*Le Cair*». «Египетскими» часто называли папиросы, которые были тоньше других.

Безвестный автор книги «Джентльмен», увидевшей свет в 1913 году, насчет женщин заметил следующее: «...среди дам находится немало любителей этой приятной отравы. Поэтому, если мы хотим быть справедливыми, то сознаемся, что маленькая, тонкая папироска отнюдь не безобразит хорошеньких дамских губок, а придает им своеобразную пикантность». Не безобразит с точки зрения джентльмена, осмелимся добавить мы.

От женщин не отставали и мужчины. Комната одного из родственников литератора Н. А. Лейкина была пропитана табаком настолько, что в ней «даже мухи не могли жить». Да что там комната! Курили и в чистом поле! П. И. Чайковский записал как-то в дневнике: «Прогулка. Дождь. Молодой человек, у которого я закуривал в поле папиросу».

Ф. М. Достоевский, когда писал, попивал чай из почти холодного самовара и курил одну папиросу за другой, стряхивая пепел в бронзовую пепельницу. В его кабинете, когда он жил в доме на углу Греческого проспекта и Пятой Рождественской улицы (в 1875–1878 годах), на

большом столе стоял «ящик с табаком да коробка с гильзами и ватюю». И больше ничего. Другой мемуарист уточняет: «жестяная коробка с табаком и гильзами».

Любопытный пассаж находим в воспоминаниях В. В. Тимофеевой, корректора в типографии, где печатался журнал «Гражданин», выходивший в 1873–1874 годах под редакцией Достоевского. Как-то раз, отпуская Варвару Васильевну домой, Федор Михайлович сказал ей, вынимая из кармана кошелек: «Сделайте мне божескую милость, возьмите вот этот рубль и купите мне где-нибудь по дороге коробочку папирос-пушек, если можно, Саатчи и Мангуби или Лаферм, и спичек тоже коробочку, и пришлите все это с мальчиком».

Папиросы табачных фабрик «Саатчи и Мангуби» и «Лаферм» пользовались в то время особой популярностью. Далее Тимофеева замечает: «Он курил, – он всегда очень много курил, – и мне видится до сих пор его бледная и худая рука... видится, как рука эта тушит докуренную толстую папиросу, – и жестяная коробка из-под сардинок, доверху наполненная окурками его “пушек”». (Банка из-под сардин использовалась вместо пепельницы, разумеется, в типографии, а не дома.) Один из гостей Достоевского также отметил: «Он сидел перед маленьким письменным столом... набивая свои толстые папиросы, курил их одна за другою...» При этом «набивал себе папиросы-пушки из желтой маисовой бумаги».

Н. Г. Чернышевский курил, когда нервничал, при этом «то с живостью затягивался, то ломал папироску, стряхивая пепел, то забывал о ней, и она гасла».

Однажды к Николаю Гавриловичу зашел в гости Л. Ф. Пантелеев. Чернышевский поставил перед ним ящик с сигарами. «Заметив, что я собираюсь закурить папиросу, Н. Г. огорченным тоном сказал:

– Что же вы не берете сигару... сигары, право, отличные.

– Да я перед тем, как идти к вам, уже выкурил сигару, много я их не курю.

– Не надо было дома курить, – обиженно проговорил Чернышевский».

Достоевский, Чернышевский, Пантелеев – не исключение. Не курили в ту пору в Петербурге разве священнослужители и старообрядцы – в присутствии последних вообще не принято было дымить. Некоторые староверы, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, придерживались «кой-чего из запретов древнего благочестия; у иных это бессознательно сказывалось в некотором смущении относительно табака».

Да, наверное, не только у староверов.

В обществе же в целом отношение к табаку было весьма снисходительное, к тому же, многие считали его невинной – и безвредной – забавой. Один автор писал в 1890 году: «Приписывать табаку какое бы то ни было, вредное или полезное, влияние на болезненность и смертность, по крайней мере в европейских государствах, нет никаких оснований». Другой приводил в пользу безобидности этого увлечения такой аргумент: «Курение не доводит человека до мерзкого состояния, как вино». А профессор А. А. Соколовский в опубликованной в 1875 году книге утверждал, что «утром, натошак, сигара с кофе и стаканом воды часто способствует послаблению у людей, страдающих запорами». Надо полагать, табачные фабриканты не преминули поблагодарить профессора за хороший рецепт, а вот вспомнили ли его добрым словом страдающие запорами, о том история умалчивает. А что, интересно, сказал бы профессору его современник, автор следующего пассажа: «Хорошая сигара за чашкою кофе

после тонкого, изысканного обеда принадлежит к одним из очень тонких и приятных ощущений».

Приведу тут же цитату из сочинения одного безвестного автора того времени, решительно выступавшего против табака: «Чрезмерное курение производит обмороки, притупляет чувства зрения и слуха, производит судороги, падучую болезнь и столбняк и доводит до того, что курящие едва держатся на ногах». Вот готовый текст для того, чтобы помещать его на пачках папирос! (Хотя, замечу в скобках ради восстановления справедливости, от некоторых из перечисленных недугов на заре табакокурения лечили именно табаком.) Между тем, наш автор не ограничился угрозой падучей, а еще и прибавил, что курильщика отличают «глупое выражение в лице, наклонное держание тела, нетвердая походка и оупение всех духовных отправлениях. У одного из них явления дошли до совершенной потери сна и мании преследований». Но и это еще не все: «Ослабляющее действие на половое влечение табака известно было в древнее время, когда в итальянских монастырях прямо употребляли табак как поражающее средство». Выходит, табак все-таки пострашнее вина.

Мало того, герой романа И. А. Гончарова «Обрыв» считал, – а вместе с ним, надо полагать, так же считали и его реальные современники, – что «никотин очень вредно действует на легкие и на желудок: осадок делает и насильственно ускоряет пищеварение. Притом... неприятно дамам».

Шарлатанство на ниве антитабачных настроений цвело буйным цветом. Некто выпустил в Одессе в 1898 году книжонку размером с пачку сигарет и объемом в 15 страниц, на которых извещал читателей о том, что им «выпущено средство в виде обыкновенной карамели. При держании во рту ощущается как бы запах табачного дыма и вкус табака, а потом табачный дым делается против-

ным». Изобретатель дал карамелькам незамысловатое и отнюдь не привлекательное название: «Не кури», забыв даже поставить восклицательный знак. Надо полагать, его фантазия с изобретением карамелек дала сбой, либо он в последнюю минуту засомневался в действенности или надобности своего совета.

Разумеется, производители табака подобных книг, издававшихся мизерными тиражами, не читали. Они стремились улучшить свою продукцию, дабы увеличить на нее спрос. Для повышения качества курительного табака к его низким сортам, преимущественно местного происхождения, примешивались высокие сорта привозного табака (турецкого, американского). Был широко распространен крепкий табак, например, «Жуков табак» – фабрики известного предпринимателя В. Г. Жукова, о котором дальше я расскажу подробнее. Дым от этого табака, прокисая, превращался в смрад. Курившим это нравилось, тем, кто вынужден был находиться рядом, – не очень. «Жукова», как и многие в России, курил Ф. М. Достоевский во время ссылки, в Семипалатинске, в 1854 году. Встречавшийся с ним там, А. Е. Врангель отмечал: «Но часто и это ему было не по карману, и он тогда примешивал простую махорку, от которой после каждого визита моего к нему у меня адски болела голова». Бывая у Врангеля, Достоевский курил «Бостанджогло» (тогдашняя московская табачная фирма, имевшая магазин в Петербурге; о ней дальше).

В конце XIX века было много сортов папирос: «Царские», «Сенаторские» (их упоминает И. Г. Эренбург в первом рассказе своего знаменитого цикла «Тринадцать трубок» – «высший сорт “А”- 10 штук, 6 копеек»), «Баронские», «Княжеские», «Заря», «Бабочка», «Альфа», «Гадалка», «Бальные», «Народные», «Константинопольские», «Ро-

за», «Небывалые», «Успех», «Золотая марка», «Гербовые» и др. Названия печатались вместе с фамилией фабриканта на коробочках и сопровождались рисунками – на «Гербовых» – герб России, на «Гадалке» – гадающая цыганка, на «Бабочке» – полуобнаженная девушка с бабочкой, на «Розе» – розан, на «Народных» – пляшущий мужичок.

В коробки вкладывались листочки с предсказаниями, со стихами, фальшивыми почтовыми марками иностранных государств (например, в «Золотую марку») и пр.; в коробки «Счастливых» папирос вкладывали билеты, на которые можно было взять на фабрике сотню папирос бесплатно – если, конечно, повезет. А счастливые билеты любителям табака были позарез нужны, ибо верно сказано, что курящий вредит не только своему здоровью, но и собственному финансовому благополучию.

Нередко выпуск папирос приурочивали к каким-либо событиям. Так в 1891 году во время захода в Петербург французской эскадры были выпущены папиросы «Франко-русские» и «Маренго» (название одного из кораблей этой эскадры). При открытии Закаспийской военной железной дороги в 1888 году вышли папиросы «Анненков» с портретом генерала М. Н. Анненкова, руководившего строительством этой жизненно важной для России магистрали (как в ее честь не покурить? А сколько всего было выкурено, пока ее строили целых восемь лет?). После русско-турецкой войны 1877–1878 годов были в моде папиросы «Скобелевские» – с изображением генерала М. Д. Скобелева, пользовавшегося огромной популярностью в России (достал пачку скобелевских – лишний раз на портрет отважного генерала взглянул).

Папиросы носили в серебряных, алюминиевых, никелевых, черепаховых и кожаных портсигарах, в которых помещалось от двадцати до тридцати штук. Как и та-

бакерки, портсигары служили символами материального достатка их владельцев. Лучшие ювелирные фирмы Петербурга – К. Фаберже, И. Е. и В. И. Морозовых – создавали подлинные шедевры, подражать которым стремились десятки менее талантливых, а то и вовсе мало талантливых мастеров. По словам мастера-композитора фирмы «К. Фаберже» Франца Петровича Бирбаума, огромную роль играли в ней «портсигарщики, то есть специалисты по изготовлению коробок, табакерок, папиросниц, дамских несессеров – вообще вещей, где шарнирам и затворкам нужно уделять особое внимание. Заграничные мастера всегда удивлялись совершенству этих наших работ. Плотность затворов была такова, что на полированной поверхности папиросницы сразу трудно было найти линию, отделяющую крышку от корпуса, а все коробки и подобные им предметы закрывались без малейшего звука».

Обширной коллекцией портсигаров (несколько десятков штук) обладал император Николай II. Ныне эти великолепные произведения ювелирного искусства украшают многие музеи и частные собрания Европы и Америки. Подобно табакеркам екатерининской эпохи, именной портсигар с шифром «Н II» на крышке был очень дорогим подарком. Николай Александрович был заядлым курильщиком («когда был взволнован, непрерывно курил», – отмечает мемуарист). В Александровском дворце в Царском Селе особое место среди предметов убранства занимает его курительный столик, смонтированный в виде ружейной пирамиды из трех настоящих винтовок системы Мосина*. Между ними закреплена круглая стальная столешница-мишень, а пепельницей служит обычный солдатский походный котелок.

* Сергей Иванович Мосин (1849–1902), русский конструктор стрелкового оружия.

Фирма Фаберже, к слову сказать, живо отреагировала на потребности этого рынка во время Первой мировой войны, наладив для фронтовиков массовый выпуск дешевых пепельниц и портсигаров из меди и латуни. Их было изготовлено несколько тысяч, но до нас дошло лишь считанное количество экземпляров.

Папиросная бумага была довольно дорогой. Привозить ее приходилось из Англии и Франции, потому что местные бумажные фабрики поставляли не очень хорошую продукцию. По мнению тогдашних специалистов, «главный недостаток российской бумаги состоит в том, что при своей толстоте она недостаточно плотна, имеет скважины, через которые проходит дым, отчего курение не только затруднительно, но и иногда и вовсе невозможно». Для папирос с отечественным табаком принято было использовать белую бумагу английского производства, а американский табак (мэрилендский, виргинский) набивался в желтую бумагу французского изготовления.

В 1860-е годы в Петербурге была известна и так называемая «гигиеническая» папиросная бумага, дававшая при горении натуральный табачный дым. При ее фабрикации использовались продукты переработки табачных листьев в смеси с обычной бумажной массой. Столичные медики дали новшеству высокую оценку, однако широкого практического применения оно так и не нашло.

На упаковку сигар и папирос шли бумага и картон лучших сортов, а этикетки, отличавшиеся оригинальностью и красочностью, выполнялись в технике многоцветной печати. Высоко ценилась продукция «Заведения графических искусств» Э. И. Маркуса, находившаяся на 10-й линии Васильевского острова, 59.

Яркие картонные коробки Маркуса мы теперь можем видеть только на старых иллюстрациях или в музее. Курильщики прошлых лет безжалостно выбрасывали их в урны. Кстати, появлением мусорных урн мы обязаны прежде всего курильщикам (хоть что-то полезное должны они были сделать для города). Поначалу урны появились в самых людных местах – на площадях, бульварах, вокзалах, в торговых рядах, и произошло это, очевидно, где-то в середине XIX века. Массивные каменные сосуды устанавливали в вестибюлях государственных учреждений и банков, вычурные вазы из бронзы, фарфора, майолики украшали холлы и парадные лестницы столичных особняков. Следует упомянуть и скромные навесные ящички с надписью «Для окурков», которыми обзавелся столичный городской транспорт (конки и трамваи). Все это многообразие стилей, материалов, творческой фантазии было задействовано не только из стремления угодить курильщикам, но и являлось следствием распространенного среди некурильщиков страха перед оставленной без присмотра тлеющей папиросой (сигарой, сигаретой, самокруткой).

Нет худа без добра!

На середину XIX века пришелся пик увлечения трубками. К тому времени по всей Европе распространился так называемый «восточный стиль» (или «турецкий»). Вместе с персидскими коврами, мягкой мебелью и экзотическим оружием одной из примет того времени стала трубка с длинным, чуть не полтораметровым чубуком. Эти трубки были украшены затейливой резьбой, тонкой инкрустацией из серебра, самоцветов, перламутра, ценных пород дерева, а мундштук нередко изготавливался из янтаря, что отметил еще Пушкин в «Евгении Онегине»: «Янтарь на трубках Цареграда / Фарфор и бронза на сто-

ле...» (Царьградом в русских средневековых литературных текстах, а впоследствии в повседневной речи называли Константинополь, переименованный в XV веке в Стамбул.) Бытовало мнение, что такой мундштук обладал особым тонким вкусом.

В каждом гостеприимном и благополучном доме имелась коллекция трубок, чубуков и мундштуков; для их хранения сооружались высокие стеллажи. Как и в прежние годы, лучшими считались черешневые мундштуки. В зажиточных домах при трубках состояли казачки, в обязанности которых входило чистить трубки, запаливать их и раскуривать. Дядя Н. А. Лейкина курил «табак Жукова из трубок на длинных чубуках, которых у него было много, и стояли они в углу в медном тазу».

Для парадных чубуков ставили также стойку или вешалку. Табак держали в особых шкафчиках с ящичками. На вешалке затейливой столярной работы висели вплотную к стене самые длинные чубуки с янтарными мундштуками, прикрепленные шелковыми петлями с медными крючками к планке вешалки.

Гостей приглашали в курительную комнату, убранную разнообразными произведениями восточных ремесел, и предлагали трубки на выбор. Нередко гости оказывались в весьма оригинальной обстановке, вроде той, что описана в великосветской повести барона Ф. А. Бюлера «Ничего», вышедшей в свет в 1843 году. В курительной князя Волгина, героя этого произведения, «красовалось целое чучело некогда застреленного им медведя, который, как раболепный евнух, сторожил его курительные препараты, упорно сжимал в лапах несколько цареградских чубуков и не отдавал их до тех пор, пока известная пружина в его лапе не уступала настойчивости гостя».

В кабинете более известного литературного героя Манилова, напротив, все было более чем скромно, зато

«больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табашнице, и, наконец, насыпан был просто кучей на стол. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками». Согласитесь – скромно, не рьяливо даже, но весьма живописно.

В XIX веке, как и нынче, было распространено прикуривание у прохожего, при этом соблюдались определенные правила вежливости: если на улице подходили к незнакомому человеку и просили у него прикурить, то приподнимали шляпу со словами: «Позвольте прикурить». Прикурив, снова приподнимали шляпу и отдавали легкий поклон, получая поклон в ответ. Считалось невежливым зажечь спичку и прикурить прежде, чем от нее прикурит сидящий рядом курильщик, приготовившийся закурить. В присутствии дам без их позволения не курили.

Иногда гостю подавали свечу (она так и называлась – «курительная свеча»), чтобы он смог прикурить (в наше время прикуривать от свечи считается дурным тоном, о чем, правда, догадываются не все прикуривающие).

Средний курильщик века полтора назад выкуривал тридцать-сорок папирос в день, и это удовольствие обходилось ему от пяти до десяти рублей в месяц.

Пепел сбрасывали в расставленные на столах металлические, стеклянные или фарфоровые пепельницы, которые были всевозможных форм: блюдечки, раковины, рыбы, звериные морды, башмачки, ведерки на санках, листочки, яичные скорлупки, лежащие чертенята и т. п. – фантазия художников, работавших на производителей пепельниц, охватывала весь животный и растительный мир и распространялась далеко за его пределы. Стива Облонский

тушил папиросы в перламутровой раковине-пепельнице – вещь в те времена не редкая, но и не безделица.

К началу XX века изделия табачных фабрик Петербурга по своим высоким качествам были практически вне конкуренции в России. Они имели широкий и устойчивый спрос по всей стране и экспортировались за границу. Ежегодно в Петербурге распродавалось сигар и папирос 1 миллиард 853 миллиона 146 тысяч штук на сумму девятнадцать миллионов рублей, что составляло на каждого жителя столицы, с населением в один миллион человек, 19 рублей. «100 миллионов папирос в день – до таких размеров дошло потребление табака курящим Петербургом», – отмечала в 1910 году «Петербургская газета». Папиросы тогда продавались в пачках по 10 штук за 5–6 или 10 копеек. Но лучше всего расходились папиросы низших сортов, которые стоили меньше 5 копеек за десяток. «За последнее время замечается исключительное повышение спроса на дешевые папиросы, которые начинают совершенно вытеснять курительный табак», – заметил тогдашний наблюдатель. Отсюда можно сделать вывод, что курение охватывало все большие слои населения.

Курящий человек во все времена вызывал разные чувства у некурящих. В эпоху «серебряного века» курящий мог вдохновить на поэтические строки. Так Георгий Иванов, увидевший однажды, как в редакцию журнала «Гиперборея» заходит его редактор М. Л. Лозинский записал: «Так успокоительно в этом просторном, теплом, уютно освещенном кабинете. Горничная в наколке разносит чай, бисквиты, коньяк. Уже собрался кое-кто. Хозяина – редактора – еще нет, задержался в типографии. Но вот – скрип двери, шорох портьеры:

И. Богданов. Дым отечества

Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
С душой отцовско-материнской
Выходит Михаил Лозинский,
Рукой лелея исполинской
Свое журнальное дитя...»

Табачные фабрики продолжали трудиться на пользу всем курящим, поэтам в том числе. В 1913 году в Петербурге вырабатывали 81,5% всего российского табака (в Москве – только 17,3%). До 1914 года экспорт табачных изделий русского производства (папирос и крошенных табаков) неуклонно рос. Основными потребителями русского табака были Финляндия и Германия. И кто бы тогда мог подумать, что к 1917 году вывоз табачной продукции сойдет в России на нет?..

Теперь перейдем к рассказу о тех, кто в Петербурге нюхал табак, кто его производил, кто, где и почему продавал. Нас ждет еще немало интересного, особенно если читать без перекуров.

2. «ВЕДЬ ЭТО – НЕ КУРИТЬ...»

Сганарель (с табакеркой в руке):
«Толкуй Аристотель и вся философия, что им угодно, – ничто не может сравниться с табаком: все порядочные люди имеют к нему пристрастие, и кто живет без табака, тот жизни не достоин... Разве вы сами не замечали, какое любезное обращение со всеми приобретаешь, как только начнешь нюхать табак?..»

Мольер. «Дон Жуан»

В XVIII веке в Петербурге курили в основном иностранцы. Русские табак больше нюхали, многие из простого народа «клали себе за щеку». Жевание табака, как и его искусственная ароматизация, в Петербурге не были популярны, а вот нюхательный табак был весьма распространен, особенно среди людей пожилого возраста. Считалось, что нюханье табака благотворно влияет на здоровье (хотя, как увидим далее, думали так не все), но распространилась эта привычка во многом и из-за запрета на курение в публичных местах.

Перелистывая страницы истории увлечения человека табаком, отдадим должное «нюхарям» – из-за их пристрастия не случилось ни одного пожара, что и неудивительно: тем, кто нюхает табак, спички не нужны. А нужно им вот что: чистый нос (вернее, ноздри) и платок, в который перед употреблением табака можно высморкаться, чтобы потом в него же и чихнуть (затем и нюхали). Некоторые, впрочем, чихали в рукав, что со стороны выгляде-

ло не очень эстетично, однако заставляло окружающих уважительно вздрогнуть, ибо нюхали табак преимущественно люди степенные, в летах, и даже царственные особы.

Дань увлечению табаком отдала, например, Екатерина II, но, в отличие от своего супруга Петра III, она табак не курила, а нюхала. Всезнающий М. И. Пыляев свидетельствует: «Императрица очень любила нюхать табак, но никогда не носила с собой табакерки; последние, впрочем, у ней лежали на всех столах и окнах в ее кабинете. Привычка не носить с собой табакерки произошла у нее оттого, что Петр III не позволял ей нюхать табак; но страсть у Екатерины к табаку была настолько сильна, что она не могла долго обходиться без нюханья, и при жизни Петра III всегда просила князя Голицына садиться за обедом возле нее и тихонько под столом угощать ее табаком. Раз император заметил это и очень рассердился на Голицына, сделав ему серьезный выговор. Императрица впоследствии нюхала табак только тот, который для нее сеяли в Царском Селе, нюхала же его всегда левой рукой на том основании, что правую руку давала целовать верно-подданным».

В екатерининскую эпоху, да и позднее, многие петербуржцы отдавали предпочтение привозному нюхательному табаку – «гишпанскому», французскому или немецкому. Однако ближе к концу XVIII века с ним начал успешно конкурировать и местный табак, выпускавшийся многочисленными кустарями-надомниками, по большей части выходцами из стран Западной Европы. Технология его изготовления, довольно сложная и трудоемкая, не претерпела каких-либо существенных изменений и спустя полтора века. Главным, незаменимым компонентом был амерсфортский табак, превратившийся в России в махор-

ку. Состав ароматических добавок варьировался весьма широко.

Согласно В. А. Гиляровскому, один из табаков, пользовавшихся популярностью в продолжение довольно долгого времени, – «розовый» – включал в себя осиновою золу, эликсир соснового масла, розовое масло и «самую наилучшую» розовую воду. Вот что с ним проделывали перед тем, как предложить потребителю: «Насыпав в бутылки табак (перемешанный вручную со всеми добавками), закубрить его пробкой и завязать пузырем, поставить на печь дней на пять или на шесть, а на ночь в печку ставить, в лежачем положении... После чего он будет готов».

Этот «розовый» табак собственноручного изготовления предложил понюхать собеседнику герой повести В. А. Соллогуба «Сереза» (впервые опубликована в 1838 году): «А что, Сергей Дмитриевич, не хотите ли табачку? У меня *a la rose*, сам делаю».

Название табака поставило в тупик комментатора соллогубовского текста, который ограничился примечанием внизу страницы: «*A la rose* – как роза (*фр.*)». Действительно, – «как роза», но, только вспомнив Гиляровского, можно понять, о каком табаке идет речь.

Многие петербуржцы пользовались нюхательным табаком собственного изготовления, растирая его в горшках; табак терли на продажу и будочники, располагавшие для этого свободным временем. К ним в будку частенько заглядывали прохожие, чтобы сыграть в дурачка, а то и просто погреться.

Писатель Н. А. Лейкин пишет в своих воспоминаниях о полицейском страже, будка которого находилась в 1840-х годах около ограды Владимирской церкви на Колокольной улице; этот будочник «приготавливал и нюхательный табак зеленого цвета, который продавал любителям».

Не обошел вниманием эту сторону деятельного городского стражника и другой мемуарист – А. Ф. Кони: «Будочник – весьма популярное между населением лицо, не чуждое торговых оборотов, ибо в свободное от занятий время растирает у себя нюхательный табак и им не без выгоды снабжает многочисленных любителей». Основным занятием будочника была забота о том, чтобы по возможности не отдаляться далеко от своей будки, так что времени у него, чтобы оставить о себе память в истории табака, было, пожалуй, предостаточно.

Нюхательным табаком дорожили. Гоголевский почтмейстер открывал «свою табакерку только вполовину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туда своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать: “Знаем, батюшка, вы пальцами своими, может быть, невесть в какие места навевываетесь, а табак – вещь, требующая чистоты”». А вот Наполеон больше всего дорожил своим временем; некогда ему было открывать-закрывать табакерку, ибо судьбой было предназначено вершить великие дела, потому и держал он нюхательный табак под рукой, в одном из карманов своего жилета, всегда открытым.

Но вернемся на берега Невы, не осчастливленные пребыванием на них великого француза (в Петербурге и без него хватало и пожаров, и любителей нюхать табак). Нюхательный табак долгие десятилетия оставался душевной потребностью петербуржца всякого достатка. К нюхательному табаку прибегали дворяне, чиновники, купцы, крестьяне. В нем являлась надобность и в часы досуга, и в трудную минуту, как это произошло с героем одного из рассказов И. И. Панаева: «При этом он берет щепотку табаку и с расстановками внюхивает его в себя, как бы желая придать себе этим несколько более твердости». Щепотку табаку, добавим, брали непременно большим и

указательным пальцами и попеременно запихивали «понюшку» в одну, потом в другую ноздрю.

Нюхательный табак держали в табакерках из папьемаше, серебра, золота, дерева, перламутра, черепахового панциря, слоновой кости, фарфора, нефритов, украшенных бриллиантами и эмалью. Табакерка – маленькая изящная коробочка, вмещавшая горсточку ароматной пыли, – была своего рода символом знатности и богатства и указывала на то, что ее обладатель благороден и обладает эстетическим вкусом (или не обладает, ежели табакерка некачественна). Павел Иванович Чичиков, играя у губернатора в вист, «чтобы еще более согласить в чем-нибудь своих противников», в отличие от почтмейстера, «всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью табакерку, на дне которой заметили две фиалки, положенные туда для запаха». Выходит, доверял пальцам своих противников.

Не чурался табаку и Григорий Петрович, портной из повести Н. В. Гоголя «Шинель». У него была табакерка «с портретом какого-то генерала – какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки».

У героя повести В. А. Соллогуба «История двух калош» в кармане лежала «небольшая черепаховая табакерка с золотым ободочком», и он «почитал ее большою драгоценностью» – так же, как и многие его современники, почитали большой драгоценностью свои табакерки.

Много и с удовольствием нюхают табак в романе И. А. Гончарова «Обрыв», увидевшем свет в 1869 году. У Надежды Васильевны Пахотиной, героини этого романа, была «высокая золотая табакерка», и – что важно – «около нее несколько носовых платков». Как-то к Надежде Васильевне заглянули гости; она «ласково поглядела на них, с удовольствием высморкалась и сейчас же понюха-

ла табаку». Другой герой этого произведения, Райский, с детства присматривался к своему учителю – как тот нюхает табак, и на уроке «только глядел, как проворно и крепко пишет» учитель «цифры, как потом идет к нему прежде брюхо учителя с сердоликовой печаткой, потом грудь с засыпанной табаком манишкой».

Уже в первые десятилетия XVIII века в Петербурге стали появляться табакерки с изящным орнаментом и накладными рельефами из тонкой металлической фольги. Стали множиться табакерочные производства, которые были призваны удовлетворить желания петербуржцев иметь при себе нюхательный табак в удобном, легком и красивом футляре. Для многих тогда были вполне доступны табакерки из папье-маше, выложенные внутри для лучшей сохранности табачного аромата тонким слоем олова или черепаховой пластинкой.

В сентябре 1726 года в дом купца Апраксина, где располагалась Берг-коллегия, у Литейного двора, была переведена шпалерная мануфактура (отсюда название Шпалерной улицы) с табакерочными мастерами и инструментом. Это один из немногих известных нам адресов, где производились табакерки.

Одним из первых мастеров, прославившихся, в частности, изготовлением табакерок (главным образом, для Двора), был швейцарец Иеремия Позье (1716–1779). В 1731 году он прибыл в Петербург (предварительно пройдя пешком Швейцарию, Голландию и Германию). Семь лет постигал он ювелирное искусство и в 1740 году открыл собственную мастерскую. Позье вместе с мастерами разных специальностей изготавливал галантерейные вещи и среди них табакерки по заказам Бирона, графов Воронцовых, Шуваловых и прочих вельмож. В собрании

Эрмитажа хранится выполненная в мастерской Позье в 1740-х годах прямоугольная табакерка с сапфирами и бриллиантами.

В начале 1760-х годов в Петербург приехал соотечественник Позье – Жан-Пьер Адор (1724–1784). В 1764 году он открыл галантерейную фабрику на Большой Морской улице, 24. В историю ювелирного дела Адор вошел и как непревзойденный мастер изумительных табакерок. Наиболее известные работы швейцарца – так называемая Чесменская табакерка, изготовленная по случаю победы русского флота над турецким в Чесменской бухте и поднесенная главнокомандующему флота А. Г. Орлову-Чесменскому, а также табакерка, на эмалевом медальоне которой изображена Екатерина II, принимающая ключи от города Бендеры. В собрании Эрмитажа хранится и исполненная Адором «медальная» табакерка с изображением Екатерины II в образе Минервы (напомню как любителям табака, так и некурящим, что Минерва – богиня-покровительница ремесел и искусств).

К середине XVIII века изящно исполненные табакерки стали приобретать не только высшие сановники, но и купцы, и имущие крестьяне, располагавшие для этого лишними средствами. Обладание табакеркой, особенно лаковой, поднимало их престиж в среде, к которой они принадлежали.

Спрос на табакерки становился предметом тогдашней криминальной хроники. У работавшего в Ораниенбауме мастера лаковой живописи Ноэля Мирееля «лакирный ученик» Александр Муринов выкрал из кладовой «казенных разных колеров четырнадцать табакерок», двенадцать из которых вскоре продал на морском базаре в Петербурге купцу А. Рыбакову, а две – «государственному крестьянину» Олонецкого уезда Гавриле Трофимову. По-

том выяснилось, что украдены были двадцать две табакерки на сумму 16 рублей 20 копеек. Вора поймали, высекли «кошками» (розги с железными колючками) и отправили на тяжелые работы.

Но табакерки можно было купить не только с рук, а и в лавках, например, у купца Поггенполя. «В Поггенполевом доме (т. е. на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, где ныне гостиница «Англетер». – *И. Б.*) табакерки с изображениями монумента Петра Великого по 1 р[ублю] каждая», – извещали «Санкт-Петербургские ведомости» в один из дней 1787 года. Многие петербуржцы вообще не мыслили себя без этой вещицы, которую использовали не только по прямому назначению. Так Екатерина II, садясь после кофе за государственные дела (а вставала она всегда в шесть часов утра), ставила перед собою табакерку с изображением Петра Великого, мысленно спрашивая его: «Что бы он повелел, что бы запретил, что бы стал делать на моем месте?» Табакерка, таким образом, была для нее чем-то вроде амулета. Да, наверное, не только для нее.

В XIX – начале XX веков дорогие табакерки часто служили и императорской наградой, а генеральским чином, когда у них уже имелись все полагавшиеся по классу должности ордена, вместо высших орденов жаловались табакерки, украшенные драгоценными камнями и портретами их величеств.

Табакерки в знак милости получали от императоров музыканты и пииты. Однажды такой подарок получил экзекутор Правительствующего Сената Гаврила Романович Державин за оду «Фелица», посвященную некой Киргиз-Кайсацкой царевне – под царевной подразумевалась Екатерина II. Киргиз-Кайсацкая царевна в благодарность прислала Державину золотую табакерку, усыпанную брил-

лиантами. С этого началась слава Державина-поэта. Образно говоря, табакерка открыла великому поэту дорогу в историю русской словесности.

До нашего времени дошло несколько десятков табакерок, принадлежавших Елизавете Петровне и Екатерине II. Каждая из них – шедевр прикладного искусства, неповторимый в своем художественном решении. В высшем свете табакерка часто являлась существенной частью парадного антуража и для зрелых дам, и для их молоденьких дочерей. М. И. Пыляев писал, что «у прекрасного пола была мода нюхать табак; даже 16-летние красавицы нюхали его; табакерки юных красавиц носили поэтическое название: “кибиточки любовной почты”. Название таких табакерок произошло от обычая волокит класть во время нюханья любовные послания». Далее Пыляев расписывает франта того времени: «...табакерки из яшмы, перстни бирюзовые» и т. д. Те, кто поскромнее, пользовались табакерками попроще – из олова, латуни, рога и дерева, а также так называемыми «тавлинками» (берестяные табакерки с ремешком во вставной крышке, изготавливавшиеся из березового луба).

Кустари не успевали справляться с изготовлением этого ходового товара, и на рубеже XVIII–XIX веков одна за другой стали появляться табакерочные мануфактуры, ориентированные на выпуск массовой, по преимуществу недорогой продукции. К XIX веку табакерка стала самым популярным предметом и у мужчин, и у женщин. Вот почему число табакерочных фабрик к концу XVIII века быстро росло. В государственном таможенном тарифе неоднократно в течение XVIII века регистрировались «бумажные» табакерки, а также железные, деревянные, лакированные, при ввозе которых платили пошлину, тогда как при вывозе из России пошлину не платили, что го-

ворило о заинтересованности государства расширять собственное «лакирное» дело.

Петербург сделался центром табакерочного дела России. Здесь были заложены и получили развитие основы лакировального (или «лакирного») искусства, в столице собрались лучшие мастера, в совершенстве овладевшие технологией этого сложного производства.

Прибывший в 1804 году в Петербург француз Преве обнаружил такое мастерство в «лакирном» деле, что уже в следующем году стал исполнять заказы императорского двора. Долго ли он их исполнял, что это были за заказы – о том история умалчивает, да и не принято еще было ставить на табакерках клеймо фабрики или мастера.

Некоторыми старинными табакерками можно и сегодня полюбоваться (подержать в руках, правда, уже не удастся, и уж тем более прихватить из них щепотку табаку). В собрании Эрмитажа хранятся замечательные произведения мастеров «лакирного» дела. Например, круглая лаковая табакерка, принадлежавшая М. И. Кутузову. На крышке – овалный золоченый медальон с изображением освещенного лучами солнца дерева с распускающимися листьями. Тут же надпись – «Тобою», а вокруг медальона – «Тебе Благодетель». Другая эрмитажная черно-лаковая табакерка украшена медальоном, вправленным в крышку.

В первые десятилетия XIX века мода на нюханье табака еще не прошла, о чем свидетельствуют строки, написанные пятнадцатилетним А. С. Пушкиным:

Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!

Соответственно, не прошла мода и на лаковые табакерки. Крышка каждой табакерки, исполнявшейся, как правило, на заказ, украшалась по-особенному, с учетом вкуса ее будущего обладателя. Держать в руке легкую миниатюрную коробочку с гладкой полированной поверхностью – наверное, немалое удовольствие.

Продолжало расти число табакерочных фабрик с еще большим, чем прежде, числом работников. В начале XIX века в Петербурге была известна лакировальная фабрика полковницы Доротеи Орловской, где работало двенадцать вольнонаемных мастеров. В 1812 году в Ораниенбаумском уезде Петербургской губернии появилась фабрика капитана Карла И. Тернберга (на которой работало всего пять человек), выпускавшая в год до двухсот пятидесяти дюжин лаковых табакерок. А вот на фабрике Андрея Эка, в Петербурге, в 1812 году трудилось тридцать два наемных мастера, которые выпускали до трех тысяч табакерок в год.

В 1815 году «в Литейной части I квартала, в доме № 32» начала работать мастерская по производству бумажных табакерок мещанина Козьмы Килюшкова, нанявшего лишь четырех работников.

В первой половине XIX века на Невском проспекте находилась фабрика Мартына Боля, относившаяся к числу самых известных табакерочных производств. Эта фабрика специализировалась на предметах из папье-маше, украшенных росписью. Произведения Боля демонстрировались на первой мануфактурной выставке в Петербурге в 1829 году. Вот перечень некоторых из них: «Табакерок лучших разных форм с золотыми и серебряными шарнирами, гладкие и с живописью, ценою от 15 руб. до 120 руб. за дюжину тридцать шесть штук. Табакерок простых, ценою от 3 р. до 4 р. за дюжину три штуки».

Примечательно, что Боль пригласил было к себе на фабрику французских мастеров, но скоро отпустил их с миром, будучи вполне доволен работой русских умельцев.

Среди тех, кто выставлял свои произведения на выставке 1829 года, был и «табакерочный мастер Волленшнейдер». Он выставил 117 табакерок различных форм с видами, портретами и разными украшениями.

В Нарвской части Петербурга, у Тараканова моста, в доме графа Орлова, находилась фабрика Иоганна Францевича Пеца. В 1820 году здесь было изготовлено триста дюжин табакерок. Работы Пеца выставлялись и на упомянутой выставке 1829 года.

В 1830-е годы табакерки производились в мастерских Лаксмана, Ивана Ада, Богдана Яна, Карла Крейтона, Егора Кондратьева, Якова Лабугина и многих других, нам не известных.

Нюхательный табак регулярно поставлялся в петербургские магазины вплоть до 1917 года. Привозили его главным образом из Прибалтики и Польши. Например, табак высшего сорта «Петербургский» производили на варшавской фабрике «Унион». Вот как он готовился: «К табачной пыли из лучшей махорки прибавляется 15% древесной золы, 10% поташа, 7% поваренной соли и 2% пахучей травы мелеота; к этой хорошо перемешанной и перетертой на сите массе прибавляются капли душистого бергамотного масла, и полученный таким образом табак поступает в упаковку». Существовали и другие комбинации для приготовления различных сортов.

При приготовлении нюхательного табака использовался главным образом виргинский сорт. Его листья обладают крепким, кисловатым запахом. Из европейских табаков использовался так называемый «польский», с короткими тяжелыми листьями. Измельчали листья в ступках и мельницах, после чего их просеивали.

Можно было бы и нынче самому попробовать приготовить такой табак, да в наш век потребления ни за что не сыщешь некоторых упомянутых выше компонентов, и желающих нюхать табак в наши дни нету.

Целый рассказ про свою табакерку написал В. А. Гиляровский, и она того вполне заслуживает. Где только она не побывала вместе со своим хозяином с 1878 года, когда была подарена ему отцом, кто только из нее не нюхал – и «боевые генералы на позициях», и «дружинники на Пресненских баррикадах»! Владелец этой замечательной табакерки отличался редкой щедростью и, в отличие от гоголевского почтмейстера, никому не отказывал в щепотке табаку. Как, скажем, отказать Чехову, который к тому же и нюхал по особенному: «... брал табакерку у меня из рук, хлопал по ней, открывал, угощал меня, а потом подносил ее к носу и долго наслаждался, поворачивая голову:

– Боюсь, как бы не привыкнуть. А хорошо».

Л. Н. Толстой нюхал «заправски» – «... берет здоровую щепоть, сначала в одну ноздрю, потом в другую, богатырски чихает», после чего говорит: «Я только у него одного изредка и нюхаю. В старину нюхивал... Ведь это не курить... Если бы вся Россия не курила, а нюхала, наполовину меньше бы пожаров было и вдвое больше здоровых людей...».

Задумаемся над словами классика; вот вам еще один рецепт, как избавиться от привычки курить. Впрочем, я не представляю своих современников с табакерками вместо разноцветных пачек сигарет или жевательной резинки, помогающей одну дурную привычку переменить на другую (менее вредную, правда, для окружающих).

Но если все же когда-нибудь встретится человек с табакеркой и вам захочется понюхать табаку, вспомните другого классика, Оноре де Бальзака, который как-то об-

ратился к даме с просьбой о понюшке табаку со следующими восхитительными словами, ни повторить которые, ни уразуметь их смысл, вам, впрочем, не удастся, – им надо только изумляться:

«Мадам, позвольте кончикам моих пальцев тихонько опуститься в ваши табачные углубления, чтобы почерпнуть в них тот тонкий порошок, который рассеивает и смешивает влажные мокроты моего болотистого мозга».

А интересно все-таки знать, какой была реакция дамы?

3. ТАБАК В РОЗНИЦУ И ОПТОМ

- Что есть у вас? – спросил Иван Васильевич у полового.
- Все есть, – отвечал надменно половой.
- Постели есть?
- Никак нет-с.

В. А. Соллогуб. «Тарантас»

В разные эпохи производство и торговля табаком то существовали свободно и повсеместно, то вдруг запрещались. Несколько раз запрещалось домашнее изготовление табака, запрещалась и вновь разрешалась торговля табаком вразнос и «раскурочно»... Это понятно – как и торговля вином, торговля табаком составляла важную статью в государственном бюджете.

В соответствии с Табачным уставом 1838 года торговые заведения – лавки и «полулавки» (лавочки) – разрешалось держать «в городах, местечках и селениях». Привилегированное положение получали лавки, которым было дано право торговать «любым табаком» – как местным («внутреннего приготовления»), так и иностранным. Хозяевам лавочек предлагались для продажи изделия исключительно из отечественного сырья.

В первой половине XIX века табак продавался преимущественно в трактирах; с 1842 года там можно было заказать вместе с выпивкой и трубку. К началу XIX века, как писал современник, в Петербурге существовало 93 «табашных лавки и магазина, но большею частью была в них продажа нюхательного табака, русского и иностран-

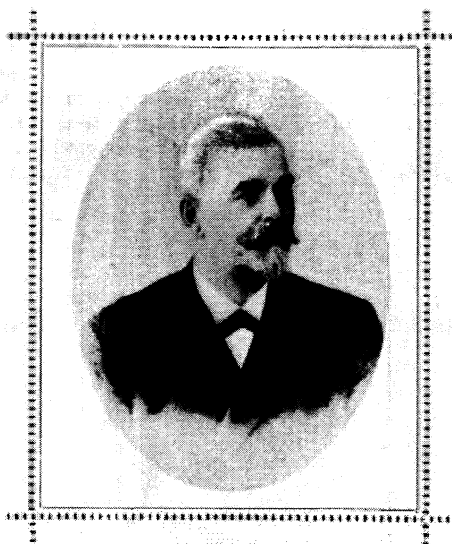
ного, весьма немного курительного голландского и турецкого».

Папиросы в 1840-х годах можно было купить в магазине С. Богосова, в доме Армянской апостольской церкви св. Екатерины (Невский пр., 40), и на Гороховой ул., в доме Дмитриева (№ 24), или у почетного гражданина Ивана Ивановича Лапотникова, в лавке у Чернышева моста, в собственном доме 63 по набережной Фонтанки. Настоящий турецкий табак можно было приобрести только у Богосова, а также у Тулинова, имевшего свое производство.

18 февраля 1848 года был утвержден новый Табачный устав, расширены права фабрикантов на оптовую и розничную продажу табака, в Петербурге вновь разрешена торговля табаком в мелочных, овощных и других лавках, а «разносная» (за исключением народных «гульбищ») продажа, равно как и продажа табака в «ренсковых погребах» и «питейных домах», в противопожарных целях воспрещалась.

Законом 17 ноября 1854 года упразднены «домашние табачные заведения». В 1860 году повсеместно была разрешена «раскурочная» продажа табака и сигар в заведениях, в которых дозволена продажа «питий», а также в овощных лавках и кондитерских. В 1870 году табаком торговали 482 табачные лавки и 1266 мелочные лавки. Оптовая торговля велась с 33 складов, причем лишь один из них ориентировался на отечественное сырье, 11 – на иностранное (главным образом американское или турецкое), а остальные предлагали как местный, так и привозной материал. Экономист А. Бочагов отмечал: «Торговля табачными изделиями производится ныне на каждом углу, не говоря уже о 3000 питейных заведениях и того громадного количества табачных лавок, какие в редком доме не имеются... Собственно табачных магазинов в Петербур-

3. Табак в розницу и оптом

Почтеннейший Почетный Гражданин
С.-Петербургский 1-ой гильдии купецъ.

**Гавриилъ Семеновичъ
СЕМЕНОВЪ.**

ге немного. Почти все они принадлежат табачным же фабрикантам, и только немногие – Г. С. Семенову, новатору в табачной торговле, поставившему ее в такие условия, что она в руках этого предпринимателя, кажется, влияет на сбыт табаков той или другой фабрики. Кроме Г. Семенова, крупных торговцев табаком и табачными изделиями у нас нет. Он снабжает все табачные и мелочные лавочки, трактиры, погреба и портерные, хотя сам табака не фабрикует. Почти ни один продавец не обращается непосредственно за товаром на фабрики, а непременно идет к Семенову, у которого он пользуется и выбором, и скидкой, и даже кредитом».

Упомянутый Гавриил Семенович Семенов – потомственный почетный гражданин, петербургский 1-й гильдии купец, в купечестве с 1878 года, торговлю начал в 1876 году. Открыв табачную лавку, он первое время доводил торговый оборот до 5000 рублей в год. Спустя два года ежегодный оборот его торговли, на зависть конкурентам, достиг уже одного миллиона рублей, а к 1903 году превысил шесть миллионов рублей. Торговые операции Семенов производил табачными изделиями, бумагой и чаем, и оптом, и в розницу, на главном складе, на Сенной площади, в доме 42, а также в магазинах (Невский проспект, 82 и 128, Большой проспект Петроградской стороны, 16 и др.).

Спустя несколько лет положение на табачном рынке изменилось. От удачливых посредников вроде Г. Семенова инициатива перешла в руки фабрикантов. Торговцы, покупая табачные изделия на фабриках в кредит до шести месяцев, пользовались скидками до 30%. Если расплачивались наличными – получали дополнительную скидку в 2–3%. Розничные торговцы при покупке в кредит на шесть месяцев получали от оптовиков скидку до 20%, а при оплате наличными имели еще скидку в 2–3%.

Папиросы в XIX веке продавались не только в табачных и мелочных лавках, в трактирах, но и «на ларях», у уличных торговцев. Их можно было купить в коробках из папки или бумаги по десять, двадцать пять и сто штук в коробке или пачке. За десяток папирос отдавали пять, шесть и десять копеек, за двадцать пять штук – пятнадцать и двадцать пять копеек, за сто штук – шестьдесят копеек и один рубль. Были папиросы и дороже, но они продавались только в табачных магазинах.

В Петербурге табачные изделия продавались по номинальным ценам, но в лучших ресторанах и буфетах города они стоили на 50, а то и на 100 процентов дороже.

В соответствии с принятыми торговыми правилами, на каждой папиросной пачке непременно указывались ее вместимость, цена, сорт (например, «Трудовые» фабрики Шапошникова – 20 штук, 5 копеек, 2 сорт), чистый вес табака в тысяче штук папирос (1 фунт). Также предлагалось пространное «Извлечение из статьи 940 Устава об акцизных сборах: “Покупателям предоставляется в каждом открытом торговом заведении брать табачные изделия 2 и 3 сортов по той цене, которая на ней поставлена”».

В табачных лавках и магазинах торговали не только табаком. В одном из рассказов Н. А. Лейкина, написанном в 1880 году, говорится о том, как молодые супруги Корытниковы открыли на Петербургской стороне «при своей квартире табачную лавку». Далее следуют замечательные подробности, явно списанные с натуры: «В день открытия лавки праздновали новоселье. Был молебен с водосвятием, а после него пирог с сигом и выпивка... Гости выпили и сделали почин торговле, купив по пачке папирос», – но не только: «Священник купил бронзовые запонки своей жене за двугривенный. Кроме того, в магазине торговали и игрушками. На окне лавочки был выставлен игрушечный медведь в крашеной заячьей шкуре, играющий на барабане, и раскрашенные детские картинки с изображением солдатиков для вырезок, вследствие чего у окна целый день стояла толпа ребятишек».

«Торговли совсем не было», – заключает автор. В лавку заходили то за мозольным пластырем, то спрашивали, умеет ли табачник заговаривать зубы. В качестве рекламы хозяин лавки подарил как-то одному из несостоявшихся покупателей пачку папирос, но должного действия презент не возымел – покупатель больше не пришел.

Торговцы знали, что без рекламы не обойтись, – на первое время хоть наружной. По воспоминаниям А. Ф. Кони, «у табачных магазинов непременно два больших изоб-

ражения: на одном богато одетый турок курит кальян, на другом негр или индеец, в поясе из цветных перьев и таком же обруче на голове, курит сигару». В 1848 году «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали: «... недавно на Невском проспекте явилась небывалая вывеска: щит прекрасного розового цвета, украшенный серебром и золотом». Под этой вывеской открылся магазин папирос и табака Христофора Спиглазова, фабрика которого находилась на Васильевском острове.

За десять лет до появления этой вывески Ф. В. Булгарин отметил следующее: «Около двух лет проходя ежедневно по Невскому проспекту, за Аничковым мостом, мы видели золотого орла над вывескою табачного магазина с надписью – В. Жуков. Мы думали, что это – магазин Василия Григорьевича Жукова (известного табачного фабриканта николаевских времен). Однажды, подойдя поближе, мы удивились, удостоверясь, что это не орел, а лев, осыпанный табачными листьями, и так искусно, что в 10 шагах кажется орлом с распростертыми крыльями, а торговля совсем не известного Жукова, а его однофамильца».

Пройдет совсем немного времени, и невозможно будет встретить газету или журнал без объявлений о продаже папирос, сигар или трубочного табака петербургских фабрик. Безусловными лидерами в этой области являлись «Лаферм» и «Товарищество “А. Н. Шапошников и К^о”». В магазине Лаферма на Невском проспекте, «рядом с Пассажем, в доме генерала Сутгофа» (как говорилось в рекламном объявлении), торговали не только табаком, но и предметами для изготовления вещей «в подражание фарфору» – вазами, кубками, рисунками, ножницами, красками, маслами, лаками и пр. Этих самодеятельных художников называли «поттишоманами» (от французского слова «*potiche*» – «китайская или японская фарфоровая ваза»).

«Потишоманам» была адресована брошюра, изданная магазином в 1854 году.

Между тем и другие табачные фабриканты то и дело напоминали о себе. Иногда помогали им в этом литераторы. Так автор уже упоминавшейся книги «Трубка табаку» заключил свое сочинение следующими строками, за которые явно получил дополнительный гонорар: «Обращайтесь к доброму Винклеру (в доме Решетниковой по Гороховой улице, у Каменного моста): вас снабдят с самою немецкою добросовестностью истинно хорошим табаком, истинно хорошими сигарами. Дым этого табака и этих сигар на меня имеет сладостное действие, заставляя мыслить, чувствовать, мечтать, писать, и – увы! – печатать... от табака к литературе легко шагнуть, но... пора набить и закурить другую трубку Винклера табаку». Не забыл автор, разумеется, упомянуть и о том, что трубка набивалась жуковским «вакштафом», за что и В. Г. Жуков должен был сказать ему спасибо.

Какое-то время табачный магазин и фабрика помещались в одном доме (как, например, магазин и фабрика М. Неслинда, в доме Глазунова, у Казанского моста). Однако Высочайше утвержденный 4 июля 1861 года «Устав об акцизе с табаку» отделил производителей табака от торговцев. Фабрикантам разрешили производить только оптовую продажу своих изделий; кроме того, эти предприятия не должны были размещаться в зданиях, где происходила розничная и «раскурочная» продажа табака.

Первыми отделились от фабрикантов продавцы сигар, а поскольку стоили сигары сто рублей серебром за ящик, а иногда и дороже, то магазины сигар, найдяшиеся поначалу в подвалах и в отдаленных частях города, стали перебираться на Невский проспект, занимая бельэтажи каменных домов.

Ценители «гаван» захаживали в табачные магазины на Невском проспекте. Например, к голландцу Корнелиусу тен Кате (д. 18, дом Котомина, в котором долгие годы помещалось знаменитое кафе Вольфа и Беранже). Этот магазин существовал с 1840 по 1893 год. В том году умер Яспер тен Кате, сын Корнелиуса тен Кате, и магазин был продан русским владельцам, но название было сохранено. Согласно легенде, Александр II и Александр III самолично покупали здесь сигары. Корнелиус тен Кате умер в ноябре 1860 года, и во главе фирмы оказался Ян Крюйс (1834–1872). Однако, не найдя общего языка с вдовой тен Кате, Юлией Хейнеман, он в сентябре 1864 года открыл новую табачную лавку на Невском проспекте, в доме Жуковского, напротив Казанского собора (на этом месте в начале XX века был выстроен дом акционерного общества «Зингер и К^о», № 28). О Крюйсе известно, что у него от брака с русской женщиной было три сына – Иван, Владимир и Николай. В год рождения Николая (1869) табачная лавка Крюйса была перепродана всего за 650 рублей «двум русским торговцам еврейской крови». Ян начал было новое табачное дело, но и этому предприятию не суждена была долгая жизнь. В 1870 году Ян женился вторично – на семнадцатилетней Александре Петровне Овчинниковой, которая взяла на себя заботу о трех сыновьях своего мужа от первого брака. У супругов родились еще двое детей – Юлия и Петр, но оба ребенка умерли в раннем возрасте в 1872 году. В том же году умер и Ян, их отец. Крюйс был плохим бухгалтером и к тому же оставил много долгов, спустя какое-то время его фирма перешла к «доброму другу Яна», некоему К. Бергу. Детей родственники отправили на воспитание в Голландию, а Александра Петровна, оказавшись в бедственном положении, нашла себе работу экономки в городе Рыльске, Курской области. Она пережила своего мужа более чем на пятьде-

сят лет. После 1917 года, уже в преклонном возрасте, она перебралась в Голландию, где и умерла в 1925 году.

О других голландцах, торговавших в Петербурге табаком, не сохранилось таких подробностей, но мы знаем, что курящие петербуржцы не оставляли без внимания магазины на Невском проспекте – А. Гауна (д. 30, «дом В. В. Энгельгардта»), К. Фейка (д. 54, «дом И. И. Шувалова», того самого, что добавлял к табаку толченное стекло, – см. главу 1).

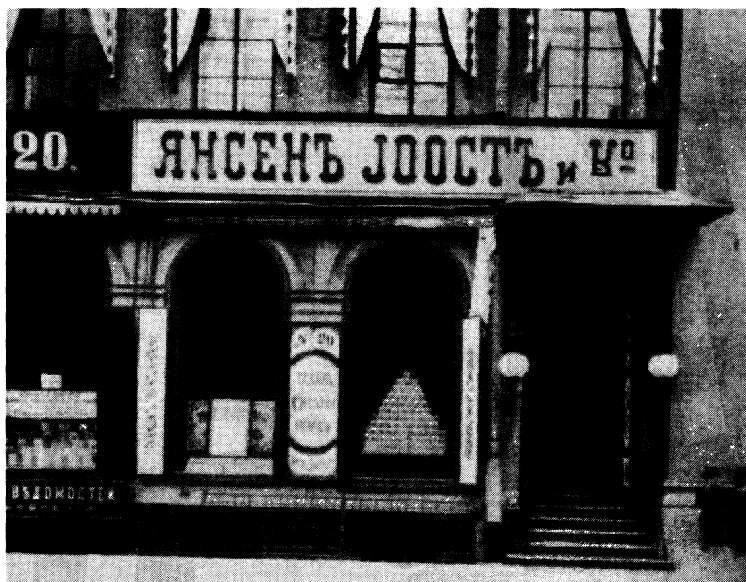
Магазин Фейка находился в этом доме с 1854 по 1917 год; его основателем был Корнелий Иванович Фейк, впоследствии принявший русское подданство. После смерти основателя фирмы (21 марта 1894 года) дело перешло к его вдове Амалии Андреевне Фейк, а после ее кончины (16 апреля 1896 года) делами фирмы стали заправлять прямые наследники, дети покойных Корнелия Ивановича и Амалии Андреевны Фейк. Фирма «Фейк и К^о» пользовалась отличной репутацией в Петербурге, т. к. почти столетия производила торговлю сигарами и вином безукориз-

ненного достоинства. В 1910-х годах в этом доме находился «сигарный магазин» товарищества «Братья Елисеевы».

Магазины Битриха (д. 58), Йоста и Лукаса Янсенов помещались сначала в доме Католической церкви, а потом, примерно с 1860-х годов, в доме Голландской реформатской церкви (Невский пр., 20). Еще в 1781 году участвовавший в делах существовавшей в то время фирмы «Янсен Принцен» Лука Васильевич Янсен основал в Петербурге вместе со своим зятем Лукой Йоостом фирму «Янсен Йоост и К°». Компаньоны вели тогда торговлю полотном и изделиями из полотна.

В 1817 году Лука Янсен вызвал своего сына Вихера из Голландии в Петербург и передал ему и своему родственнику Герриту Гармсену дела фирмы. Геррит Гармсен вышел из дела в конце 1830-х годов, и на его место заступил зять Вихера Янсена – Ян Гендрик Гюлсгоф. В 1846–1847 годах Вихер Янсен и Ян Гендрик Гюлсгоф передали дело и фирму младшему зятю Яну Тейгофу. Ян Тейгоф в 1860 году передал фирму своему племяннику Луке Янсону, после чего новый владелец фирмы перевел свой магазин из дома Католической церкви в дом Голландской церкви, и с этого времени фирма начала производить торговлю исключительно сигарами и табаком, упразднив в 1891–1892 годах мануфактурную торговлю в Гостином дворе. Наконец в 1893 году Лука Янсен передал фирму своему сыну Вихеру Янсону, правнуку основателя фирмы в четвертом поколении, который и продолжил торговлю своих предков. Этот табачный магазин просуществовал до 1906 года, когда его последний владелец Вихер Янсен решил перевести предприятие в Финляндию в связи с постоянно растущими в России налогами на ввоз табачных изделий. Умер В. Янсен в Хельсинки в 1947 году.

До Янсенов большой табачный магазин в доме Голландской церкви держал бумажный фабрикант швейца-

рец Карл Бауман. У него можно было купить большие сигары по 8 копеек за штуку и сигарилло (маленькие сигары) по 1,6 копейки.

Пользовался популярностью у курильщиков и знаменитый Английский магазин (Невский пр., 16; у А. С. Пушкина в этом магазине был неограниченный кредит, но табак он не покупал, ибо не курил).

Теперь, когда нам известны фамилии петербургских табачных торговцев, мы с гораздо большим интересом – и со знанием дела! – прочтем отрывок из рассказа Н. А. Лейкина «Курильщик»: «...ведь мне только одни сигары полторы тысячи рублей стоят в год!

– Сигары полторы тысячи! Да что же вы ими роту солдат каждый день потчуете или слонов кормите? – удивленно воскликнули гости.

– Нет-с, один в единственном числе курю и даже очень скуп на угощение сигарами.

... Гости поплелись за хозяином в кабинет, и он указал им на большой шкаф со стеллажами, сплошь набитый ящиками и коробками сигар. Ящики и коробки стояли и на шкафу.

– Батюшки! Да это совсем магазин Фейка! – дивились гости.

– Нет-с, и Фейку, и Тенкате, и Елисееву, и всем другим известным торговцам дорогих сигар, как до звезды небесной, до меня далеко!»

Были в Петербурге и другие знаменитые табачные торговцы, которых не упомянул Лейкин. Но простим ему некоторые упущения – он же, в отличие от нас, не писал историю табакокурения в Петербурге (а зря – очень талантливый был человек, да и торговцы табаком его бы не забыли).

Табаком в старом Петербурге торговали не только голландцы. В 1840-х годах в доме близ католической церкви св. Екатерины, на Невском проспекте, (вероятно, дом 32 или 34) табачную лавку держал швейцарец, купец 3-й гильдии Джованни Реццонико, – современники-журналисты его не замечали и рекламы ему не делали, а вспомнили о нем лишь полтора века спустя в книге о швейцарцах в Петербурге.

В 1874 году в Петербурге было до 500 лавок, торговавших табаком (в 1869-м – 482), не считая мелочных, где тоже можно было купить папиросы, или табачных магазинов, например, на Михайловской площади, 5, или на Невском проспекте, 58.

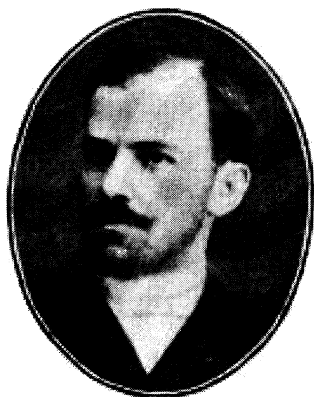
Фабрика «Лаферм» имела в Петербурге два табачных магазина – на Невском пр., 26, и на Большом пр. Петроградской стороны в доме 29-а; после 1913 года она приобрела два магазина общества «Оттоман» (на Невском пр.,

Дело иностранных табаковъ

Г. И. Бостанджогло,

въ С.-Петербургъ,

Невскій просп., д. № 15.

Георгій Ивановичъ
Бостанджогло.

Табаки турецкіе, египетскіе, французскіе, англійскіе, американскіе.

Папиросы египетскія.

Главное Агентство табачной фабрики издательства А. М. Погодина въ Одессѣ.

Сигары гаванскія и внутреннїе фабрикъ.

27, и на Михайловской ул., 1, в помещении «Европейской» гостиницы).

В 1903 году известностью пользовался табачный магазин московского «Товарищества М. И. Бостанджогло» на Невском пр., 54 (одна из старейших табачных фирм в России, основана в 1820 году); эта фирма имела магазины розничной торговли в нескольких городах России. И. Г. Эренбург в цикле рассказов «Тринадцать трубок» вспоминает «папиросы, изготовляемые фирмой Бостанджогло из легчайших сортов дюбека». В начале XX века на Невском пр., 15, находилось «депо иностранных табаков» Георгия Ивановича Бостанджогло, у которого в большом выборе были табаки турецкие, египетские, французские, английские, американские, а также сигары гаванские и «внутренних фабрик».

А вот шапошниковские табаки и папиросы в 1910-х годах можно было купить в фирменных магазинах на Невском пр., 31, 52, 66, 73, 82, на Каменноостровском пр.,

8, Лиговском пр., 71, Загородном пр., 33, во всех отделениях Гвардейского Экономического Общества «Бережливость», в Адмиралтействе и на 2-й линии Васильевского острова, 33.

С 1874 года в Петербурге существовала фирма «Теодориди», принадлежавшая Феологу Филипповичу Теодориди. Оборот ее в России и Турции составлял в год 3 500 000 рублей. Фирма торговала иностранными и русскими табаками. Ее контора помещалась на Васильевском острове, в Биржевом переулке, дом 1–2, в доходном доме П. Ф. Меняева, который и другие свои недвижимости сдавал табачным фабрикантам.

Но пора перейти к рассказу о тех, кто производил табачные изделия, предоставляя сотням тысяч своих соотечественников и современников возможность добровольно, даже с удовольствием, вошедшим в привычку, превращать деньги в табачный дым. Что ж, «ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия», – как говаривал любитель сигар Хлестаков.

4. ФАБРИКИ И ФАБРИКАНТЫ

«Теперь, когда курит весь мир, так что небу жарко, известие о хорошей сигарочной фабрике нельзя почесть лишним...»

«Северная пчела». 1840, 7 мая

Табачные фабрики, как и многие другие начинания – полезные и не очень, – утверждались в России по воле Петра I.

Царь не только курил сам, не только принуждал к курению других, но и использовал все средства для поощрения табачного промысла, особенно, когда убедился в первых успехах по разведению табака в России. По его велению выписывали мастеров, заказывали семена, строили – по образцу голландских – мельницы для крошения, толчения и витья табака в рули.

В январе 1716 года царь писал своему поверенному Осипу Соловьеву в Амстердам: «Понеже у нас в черкасских городах довольно табаку родится (т. е. производится. – *И. Б.*), только оно не умеют строить на такую манеру, как из Голландии отвозят в расход для продажи на Остзей (т. е. в Прибалтику. – *И. Б.*), и для того приищи в Голландии нанять в нашу службу на 3 года подмастерья или доброго работника, который бы знал табак отбирать, вить и жать и чтобы при нем были две табачные прясельцы и два колеса и двой тиски простые, железом окованные, которого (подмастерья. – *И. Б.*) ищи из служителей Яна Тесина, понеже оных искуснее в Голландии на сие нет, и смотри, чтоб был трезвой, трудолюбивой и не старой человек, а именно, чтоб не было более 40 лет, и, на

няв такого человека, пришли сюда и сколько возможно делай сие тайно и как оного наймешь, купи сиропу или масла табачного сколько на 50 000 фунтов табаку же надлежит». Целью приезда голландца, по мысли Петра, должна была стать подготовка к разведению табака на Украине.

Мастер был найден, и доставлен в Россию через Петербург. Работа началась в том же 1716 году. Это был табачный «завод» (небольшая табачная плантация и фабрика при ней) в небольшом украинском городке Ахтырке, на территории нынешней Сумской области*. Со слов И. И. Голикова, автора многотомного труда «Деяния Петра Великого», мы знаем об этом заводе следующее: «В уезде же Ахтырском была знатная фабрика табачная, на которой табак, разведенный из семян Американских, вили в рули подобные голландским, а для курения резали в картузы, который (табак. – *И. Б.*) продавался и на месте и развозился в столицы и многие другие города».

В 1717 году образцы русского табака отправили в Ревель (так до 1917 года назывался Таллин) и в Финляндию.

К этой фабрике было приписано 550 крестьянских дворов; иностранцы-мастера обучали русских мальчиков, которых отбирали в Черкассах. Выписанными из Америки семенами засевалось 50 десятин, приносящих ежегодно до 115 тонн табака. Оборудование фабрики было примитивным. Механизмы изготавливали на месте под надзором голландского мастера.

Решив, что дела на ахтырской фабрике идут успешно, царь писал 3 марта 1717 года вице-адмиралу Крьюсу:

* К слову сказать, в Германии первая табачная фабрика была основана в Бадене в 1718 году, а вторая – в Берлине, в 1738-м. Это были первые табачные фабрики в Европе – после российских, разумеется.

4. Фабрики и фабриканты

«Письмо ваше, от 7 генваря писаное, до нас дошло, в котором пишете, что табачная работа начинает происходить изрядно; за которые ваши труды вам благодарствуем; и о размножении того дела по вашему предложению обстоятельнее писали мы к шаутбенахту*, князю Меншикову».

«Размножение того дела» последовало в 1718 году, когда появилась табачная фабрика и в Петербурге, но о ней мы ничего не знаем. Долго она вряд ли просуществовала.

Между тем табачная фабрика в Ахтырке в первые годы своего существования приносила одни убытки – сказывалась ее отдаленность от мест сбыта табачной продукции. Дешевле было доставлять табак (к тому же лучшего качества) в Петербург морем, чем везти его из Ахтырки. Бездорожье еще долго будет оставаться одной из характерных особенностей российского государства. Немецкий путешественник Геркенс писал в 1717 году: «Сюда (в Петербург. – И. Б.) можно приехать и отсюда выехать только по одной дороге, которая недалеко за городом делится на две. И эти две дороги в таком плохом состоянии, что в весеннее и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые упряжками задохлись в болоте... дальше от города дорога еще больше ухудшается».

Доходности – да и самому существованию государственной мануфактуры – мешала и тогдашняя откупная система, дававшая возможность успешно вести дело только единицам. В 1722 году ахтырскую фабрику решили отдать в частные руки, желающих долго не находилось, и спустя какое-то время она перешла без торгов к купцу

* Шаутбенахт (*голл.* Schout bij nacht – букв.: «смотри ночью») – младший флагман эскадры. До 1714 г. шаутбенахтом был Петр I. После 1741 г. чин переименован в контр-адмирала.

Матвееву, а после его смерти была отдана в содержание Ахтырскому полку (в 1733 году). В 1759 году она была окончательно закрыта.

С кончиной Петра I табачная промышленность, так и не успев встать на ноги, пришла в упадок.

До Екатерины II, вступившей на престол в 1762 году, других фабрик в Петербурге не было. Остается сделать вывод, что табак до этого времени был исключительно привозной, а табачные фабрики и плантации со смертью своего покровителя пришли в небрежение.

Между тем мало-помалу в Петербурге стали появляться табачные мастерские; их открывали преимущественно иностранцы, объединившиеся в 1765 году в профессиональный цех. Они производили на дому в небольших количествах крошенный курительный табак (их заведения получили статус «домашних», в отличие от прочих предприятий, занимавших особые помещения). Но табака, конечно же, на рынке было недостаточно, хотя потребление табака в Петербурге, да и в стране в целом, все возрастало. Этому способствовали и все большая европеизация русского общества, и походы русских войск за границу, особенно в Турцию.

Все шло к тому, что вот-вот объявится некий предприимчивый человек, который даст новый толчок развитию табачного производства в России. И он нашелся. Но, как это повелось со времени петровских реформ, не в России. Среди россиян после передачи ахтырской фабрики Матвееву в течение сорока лет (!) не находилось добровольца попытать счастья в табачном промысле.

22 апреля 1767 года российское правительство заключило контракт с французом Теофилом Буше (выходцем из Любека). Согласно контракту, Буше должен был завести в Петербурге табачную фабрику, выделять на ней ежегодно до 6000 пудов известных тогда в России сортов

4. Фабрики и фабриканты

табака, всего на 52 500 рублей, и торговать по всей стране «русским табаком своей выделки в продолжение года, даже под разными иностранными именами и фирмами, с императорским гербом и штемпелем». Ему же вменялось в обязанность обучить «табачному делу» до 30 «российской нации молодых людей», преимущественно купеческого звания, беря от 600 до 800 рублей с каждого за обучение; сверх того, от казны на их содержание отпускалось по 60 рублей в год. После 10 (!) лет обучения предполагалось отбирать из этих мальчиков (да уж, скорее, юношей) лучших и отправлять их на три года за границу для совершенствования, но прежде Буше должен был обучить их французскому и немецкому языкам.

В 1768 году Буше получил ссуду (или, как мы сегодня говорим, «подъемные») в 10 000 рублей для покупки строения под фабрику и 6000 рублей на первое обзаведение. Помимо того, что Буше предоставили разные льготы, ему было дозволено в течение десяти лет вывозить табак собственного изготовления за границу, при этом пошлина существенно снижалась каждые три года. Для улучшения качества русского табака французу дозволялся беспошлинный привоз в течение этого времени 600 пудов табачных листьев с островов Сан-Доминго и Куба и до 600 пудов морской соли для обработки табака.

Десять лет ввозил Буше кубинский и доминиканский табак в Петербург и здесь готовил из него курево на радость жителям с берегов Невы. Крепкий и душистый табак Буше пришелся по вкусу не только курильщикам – мужчинам, но, как отмечали современники, и дамам высшего света, «просившим курить в своем присутствии». Неизвестно, правда, что случилось с «российской нации молодыми людьми». Выучился ли кто из них на мастера табачного дела – неясно.

У Буше появилось немало последователей. К 1790-м годам, как пишет один из первых историков Петербурга И. Г. Георги, в городе было «несколько небольших мануфактур для нюхательного и курительного табаку; сверх того 26 русских и 6 немецких табачных прядильщиков».

В конце XVIII века иностранцы Линденлауб и Гишар на собственные средства построили в Петербурге еще две табачные фабрики. И все же многие петербуржцы настолько привыкли курить заграничный табак, что неохотно воспринимали продукцию местного производства. Должно было пройти еще какое-то время, должны были появиться свои, доморощенные фабриканты, чтобы привередливые курильщики обнаружили патриотизм в отношении табака.

В 1812 году в Петербурге было уже шесть табачных фабрик, работавших на привозном сырье (всего в России – около десяти). Сырье в Россию доставлялось морем, через Петербургский порт, поэтому Петербург становился главным потребителем табачных изделий. Этим объясняется то, что именно в нашем городе появлялись первые табачные фабрики.

М. И. Пыляев писал об одной из них: «В двадцатых годах (XIX века. – *И. Б.*) в Петербурге была фабрика табаку Смекаева, на вывеске которой виднелось следующее: за круглым столом сидел с одной стороны господин с стаканом в руке, с другой – стояла дама; она подавала господину трубку и старалась отнять от него стакан; внизу находилось следующее четверостишие:

Оставь вино, кури табак,
Ты трубочкой разгонишь всю кручину;
Клянусь, что раскуражишь так,
Как будто выпил на полтину!»

4. Фабрики и фабриканты

После войны с наполеоновской Францией отечественное табачное производство получило сильный импульс. Стали появляться новые табачные фабрики, а стремительно увеличивавшийся спрос вынуждал табачников расширять ассортимент.

Первым, кто предпринял удачную попытку заставить петербуржцев забыть о дорогом гамбургском «вакштафе», был купец Шиль, открывший табачную фабрику примерно около 1815 года, на углу Большой Морской улицы и Вознесенского проспекта. Но наибольшего успеха на табачном поприще добился другой фабрикант, о котором расскажем более подробно в отдельной главе – В. Г. Жуков. Он того заслуживает, ибо занимает особое место в истории табачного дела – и не только в Петербурге.

После Жукова отличный курительный табак, по утверждению современников, стал делать И. И. Лапотников, но о нем мы ничего не знаем.

В 1816 году в Питере было 24 табачных фабрики, а к 1820 году их стало 35. За эти годы значительно увеличились поставки сырья из Крыма; до 1820 года Крым получал весь табак из Турции, но затем удалось наладить дело так, что крымские плантации стали удовлетворять не только потребностям края, но и снабжать табаком соседние губернии, а вслед за тем и обе столицы.

Еще до того, как прославился Жуков, в 1826 году, на Гончарной улице открыл фабрику Санкт-Петербургский 1-й гильдии купец Климентий Петрович Соколов (1801–1863). Но и о нем мы ничего сказать не можем.

Около пятнадцати лет производил папиросы в желтых бумажных пакетиках уже упоминавшийся Морнэ. Его изобретение пришлось по вкусу столичной молодежи, в особенности офицерству; те едва не целыми полками и эскадронами переходили в стан почитателей папирос, на-

прочь забыв о трубках, которые стали теперь уделом старых вояк. Морнэ составил себе огромный капитал – около двух миллионов рублей. А в 1848 году – за два года до смерти Морнэ – в Петербурге открылся магазин папирос и табака фабриканта Христофора Спиглазова. Этому молодому офицеру суждено было затмить славу своего предшественника. «Фабрика» Спиглазова помещалась в той же квартире, которую с 1841 года и до своей смерти в 1844 году занимал И. А. Крылов (небольшой двухэтажный дом почетного гражданина Никиты Степановича Блинова, № 8 по 1-й линии Васильевского острова). Здесь Спиглазов, изучив до тонкости все компоненты, входившие в состав смеси Морнэ, превращающей русский табак в американский «Мэриленд», и, найдя поддержку среди своих сослуживцев, развернул производство собственной продукции, покупать которую ринулась лучшая часть мужского населения столицы.

О Спиглазове еще могу сказать, что у него была дочь, София Христофоровна, купчиха 3-й гильдии, «вдова поручика». Очевидно, к ней по наследству перешла фабрика отца, однако отношения с табачным производством у нее не сложились. В обширнейшем архиве петербургского 1-й гильдии купца и по совместительству немецкого археолога Генриха Шлимана, хранящемся в Афинах, мне удалось найти письмо Е. П. Лыжиной, жены Шлимана, в котором она сообщает следующее (сентябрь 1859 года): «*Sophie Spiglasoff* объявляют несостоятельной, и один из ее должников, некто Федоров, хочет ее садить в тюрьму... *Sophie*, у которой так много силы воли... лучше хочет идти в тюрьму, чтобы там окончить все хлопоты, которые у нее были с этой фабрикой и которых она избежит, если дела эти будут продолжаться; бедную женщину совсем замучили, и ей нет покоя ни днем, ни ночью... *Sophie* непременно запрут, но ужасно то, что они это все так тянут».

В другом письме, от 24 октября, Екатерина Петровна сообщила мужу: «Дела Спиглазовой все еще не кончены, и Бог знает, чем они кончатся. Печальный финал некогда успешного предприятия...» Но были другие примеры, когда женщины блестяще справлялись с делами куда более крупных табачных предприятий, – например, фабрика Е. Н. Шапошниковой, о которой отдельный рассказ.

А пока обратимся к не столь крупным фабрикантам, которые, тем не менее, оставили след в истории табачного дела в Петербурге, но прежде заметим, что в 1839 году в Петербурге державших «домашние заведения» табачных мастеров насчитывалось 94, а к 1857 году, когда эти заведения были упразднены, их число перевалило за 130.

В 1836 году в Петербурге было уже 122 табачные фабрики. Немногие из них, разумеется, оказались в поле зрения современников – попробуй, уследи за всеми (совсем другое дело в Ленинграде, где с послевоенных годов до 1980-х их было всего две). В 1840-х годах «Северная пчела» нахваливала «деятельного и старательного фабриканта Блинова» (в доме П. Ф. Меняева, за Аничковым мостом, на Невском пр., 93; с 1858 года поменялась нумерация, и дом получил № 90–92; кстати, в этом доме одно время жил редактор «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин). Продукция Блинова не уступала произведениям его гамбургских и бременских коллег, «а иные сорта даже выше немецких и притом гораздо дешевле».

В том же доме Меняева находилась в 1843 году сигарная фабрика Бернарда. Предваряя рассказ о ней, более похожий на рекламу, фельетонист «Северной пчелы» писал: «Петербург, вообще говоря, не может похвалиться этим изделием (т. е. сигарами. – *И. Б.*). У нас многие начинали делать хорошие сигары, но иногда, лишь только фабрика распространилась, качество сигар понижалось

от нерадения в их выделке. Иной фабрикант набирал деревенских мальчиков, почти детей, заставлял их скручивать сигарки и отпускал во внутренность России свежими, между тем как достоинства сигары состоят: первое, в качестве табака, второе, в свертывании сигарки и третье, в ее старости. Чем долее лежит сигарка, тем она лучше, и, напротив, как бы ни был хорош табак, но, если сигара свежа, она никуда не годится. Чтобы узнать, хороша ли сигара, сожмите ее между пальцами, и если она имеет упругость, то знак, что вылежалась. Хорошая сигара должна курить ровно, давать белую золу и докуриваться до конца. Настоящие любители не употребляют мундштуков для курения сигары, а курят из простых тросточек, хоть из русского тростника, или курят сигару *au naturel*, как она есть. Прежде думали, что сигара хороша, когда на ней есть пятна, но эти пятна легко сделать, побрызгав известковою водою. В Европе лучшие сигарки выдвываются на небольших фабриках, где работников мало, следовательно, можно за ними присмотреть, и где сам хозяин – мастер своего дела; таких фабрик немного».

И вот, наконец, финал, вот ради чего столь длинное предисловие: «Случайно узнали мы одну из таких фабрик, на Невском проспекте, за Аничковым мостом, в доме П. Ф. Меняева, № 93. Хозяин этой фабрики, г-н Бернард (содержатель магазина разных товаров), знаток ремесла, и выдвывает превосходные сигары из лучшего табаку, которые гораздо дешевле привозных. Это находка в Петербурге, где хорошие сигары чрезвычайно дороги. Решительно, вылежавшиеся сигары г. Бернарда ни в чем не уступают лучшим гамбургским; гаванские же сигары так дороги, что к ним нет и приступа людям небогатым!»

Первым хорошие сигары стал делать в Петербурге Яков Федорович Фаллер, но главным их производителем в первой половине XIX века был Василий Никитич Тули-

нов (1811–1854), фабрика которого находилась на Большой Мещанской улице, 10 (ныне ул. Плеханова). Тулинов производил сигар на 50 тысяч рублей в год.

В 1854–1855 годах, после смерти Тулинова, дом на Большой Мещанской был перестроен по проекту Густава Мартыновича Барча и Александра Иеронимовича Руска. Дом стал доходным и известен в истории Петербурга как «дом купца К. И. Глазунова».

К 1830-м годам в Петербурге выделялось пять тысяч ящиков сигар. Если составить их вместе или, скажем, сложить друг на друга... Но нет, ни того ни другого никто не делал, и скорее всего содержимое одного ящика уничтожалось быстрее, чем к нему успевали приставить другой.

Неслинд, торговавший, как уже говорилось, в другом доме К. И. Глазунова, у Казанского моста, производил сигар, курительного и нюхательного табака в начале 1840-х годов до 4500 пудов в год на сумму в 300 000 рублей и был одним из самых заметных деятелей табачного промысла.

Из воспоминаний современника описываемых событий следует, что курили тогда не только в городе, но и на природе, ибо петербуржцу «необходимо проветривать свой дачный воздух знаменитым жуковским табаком, папиросами Спиглазова и сигарами Тулинова, по причине дороговизны иностранных» (кое-кто и из наших современников тоже, приехав на дачу, первым делом закуривает и тотчас произносит: «Какой свежий воздух!»).

Находившиеся в тени своих более знаменитых коллег, прочие фабриканты также помогали петербуржцам дымить и в помещении, и на улице. Ни о продукции, ни о местонахождении фабрик Колобова и Головкина мы ничего не знаем. Однако известно, что в 1830-е годы купец Семен Елисеевич Козлов держал табачную фабрику в доме № 2 по Канонерскому переулку (переименован в 1965 году в улицу Пасторова – героя Великой Отечествен-

ной войны), упирающемся в Екатерининский канал, который в ту пору назывался «канавой». Рекламируя свою продукцию, изготовленную из «лучшего американского табака», Козлов так и указывал: «Можно получать по канаве, между Никольским и Аларчиным мостами, в собственном доме под № 2».

В 1830-е – 1840-е годы в Петербурге действовало и несколько трубочных фабрик, самая известная – фабрика Виттена (Петербургской части, 1-го квартала, № 158; это по «полицейской нумерации», существовавшей в то время). На ней производилось до 23 тысяч глиняных трубок «на голландский манер» на 1200 рублей в год.

28 июня 1839 года в Петербург из Лугано (Швейцария) прибыл двадцатидевятилетний Джованни Реццонико (1809–1871). Будучи механиком по профессии, он привез с собой проект машины для производства нюхательного табака. В Лугано тогда было 12 табачных фабрик, и табачная промышленность переживала бум. Реццонико направил свои стопы в российскую столицу, чтобы проявить свои способности на российском рынке.

Через три месяца после приезда, 19 сентября, Реццонико вместе с двумя своими знакомыми швейцарцами, проживавшими в Петербурге, подал в Департамент мануфактур и внутренней торговли прошение о предоставлении ему патента на «машину для производства различных сортов нюхательного табака». 12 октября 1840 года разрешение было им получено.

Спустя три года, в 1843 году, на мельнице, где мололи табак, случился пожар. Но этим дело не кончилось. В 1845 году фабрика Реццонико сгорела дотла (уцелела лишь запатентованная машина). Тогда фабрика находилась на северной окраине города, на Выборгской стороне, «в пределах дачи графа Ланского». Реццонико перебрался в центр города и обосновался в «доме Александрова», в Литейной

4. Фабрики и фабриканты

части, куда въехал с семьей и остатками имущества. Здесь он организовал новое табачное производство. На его фабрике работало не меньше двадцати пяти человек, а это по меркам того времени немало. На фабрике производили курительный и нюхательный табак и сигары.

Фабрика Реццонико проработала десять лет. 10 октября 1850 года закончился срок действия «привилегии», и в январе 1851 года Реццонико уже снова был в Лугано. В Петербурге он похоронил свою жену, Терезу Руска (умерла 8 ноября 1845 года), от которой имел троих детей. На родину Реццонико вернулся с русской женой – Александрой Ивановной Кузнецовой, от которой тоже имел троих детей. Имели ли потомки петербургского табачного фабриканта, уроженца Швейцарии, какое-либо отношение к табачному производству, мы не знаем.

До конца 1830-х года табачная промышленность России просуществовала без обязательного налогового обложения. Лишь 31 марта 1838 года было обнародовано «Положение об акцизе с табака», позволявшее, однако, беспошлинную заготовку его в небольших количествах для собственных нужд (без привлечения средств механизации). Привозной иностранный табак облагался специальной таможенной пошлиной. В целях лучшего надзора за рынком тогда же был утвержден Табачный устав, в соответствии с которым предприятия этой отрасли могли располагаться только в городах. После введения в 1838 году «бандерольной системы» (защищенная полоска бумаги, которую можно было купить только у государства)* многие мелкие мастерские разорились.

* Бандероль (или казенная бандероль) – ярлык в виде полоски бумаги установленного правительством образца, которым оклеивался товар. Покупка бандероли означала уплату акциза или пошлины за право продавать товар.

В 1838 году в Петербурге было 120 фабрик, в 1840-м стало 111, к 1842 году их число сократилось до 26 – главным образом за счет объединения одних и ликвидации других. На некоторых фабриках работало по триста и более рабочих; были заведены паровые машины, с помощью которых ежедневно готовилось несколько тысяч фунтов табака и изготовлялись сотни тысяч сигар. Всего же в 1842 году на 26 фабриках было изготовлено 43 773 пуда курительного табака, до 500 тысяч штук сигар и 6585 пудов нюхательного табака.

Крымская война 1853–1856 годов прервала ровный и непрерывный поток доходов от табака, текший в бездонные карманы табачных фабрикантов. Торговля табачными изделиями зависела от состояния дел на южных рынках империи и потому пришла в полное расстройство с заключением парижского мирного договора в 1856 году, после которого мы потеряли Крым и Причерноморье, но вскоре наша торговля оправилась и заняла на радость курильщикам прежние позиции.

В 1860 году на полную, как можно предположить, мощность работали фабрики П. Зайцева, К. Петрова. В 1861 году в Петербурге было зарегистрировано 48 предприятий, выпустивших тогда же 44 624 пуда курительного табака, 99 525,5 тысяч штук сигар, 168 088 тысяч штук папирос и 4110 пудов нюхательного табака. Оборот этих фабрик составил четыре миллиона триста семьдесят тысяч рублей, а трудились на них две тысячи триста человек. В 1862 году оборот петербургских табачных фабрик сократился почти вдвое, главным образом в результате кризиса сельскохозяйственного табаководства в 1860-х годах. Свое влияние на ухудшение дел в табачной промышленности сыграл и новый акцизный устав 1861 года, предусматривавший повышение налоговых ставок и усиление правительственного контроля над торговлей лис-

4. Фабрики и фабриканты

товым табаком. Начиная с 1860-х годов мелкое табачное производство практически сходит со сцены, уступая дорогу крупным – для своего времени – фабрикам.

Организация табачного производства, его механизация к началу второй половины XIX века оставались такими, будто на дворе стоял осмнадцатый век. «Помещения фабрик, – писал очевидец в 1863 году, – тесны и неудобны. По большей части они состоят из двух-трех комнат, а в южных губерниях нередко фабрикою является подвал, с выходом на улицу. Медленность производства, небрежность в отделке и нечистота суть неизбежные спутники малозначительных фабрик. Можно полагать, что устройство фабрики с одним резальным станком (а таких фабрик у нас очень много) потребует не более двухсот рублей».

Впрочем, петербургские фабрики выделялись из общего ряда предприятий табачной промышленности страны прежде всего высоким уровнем производительности труда. К тому же большинство из них осуществляло законченный производственный цикл – от получения сырья до упаковки готовой продукции, а то и сбыта продукции (многие фабрики не имели дел с торговцами-посредниками). На крымских фабриках, например, лишь крошили табак, все остальное делали надомники (или «квартирники»).

Однако потребителю и в голову не приходило посещать табачные фабрики и знакомиться с организацией производства. Ему важен был конечный продукт – недорогой, красиво оформленный, желательно, уже знакомый, а значит, полюбившийся.

В петербургском справочнике 1854 года упоминаются, в частности, следующие табачные фабриканты: Вильгельм Брунс (выпускал табак, сигары и папиросы на Литейной улице, 147), Теодор Витте (сигарная фабрика на 2-й линии Васильевского острова, в доме Мюллера), Джон Лоренц, «цигарный фабрикант и содержатель ма-

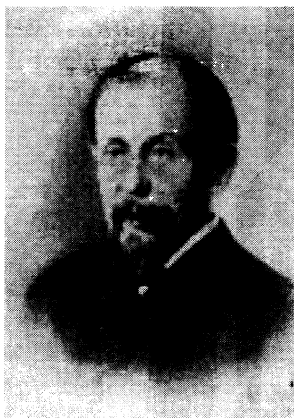
газина разного товара по Гороховой улице, на углу Красного моста в доме Таля», Семен Александрович Маньяков (Мещанская ул., 20), Саркис Богосов, торговавший «турецкими товарами» в доме 24, по Гороховой улице и в доме Армянской церкви (Невский пр., 40–42).

В 1864 году наибольшей известностью пользовались табачные фабрики Г. Геллера (Екатерингофский пр., 15; производила сигары с 1843 года под фирмой «Э. и Г. Геллер»), Василия Гребнева (Итальянская ул., 6, потом Гороховая ул., 37; основана в 1827 году), Й. Гупмана, А. Амиди, В. Г. Жукова, П. Захарова, П. Колобовой (Боровая ул., 9; производила курительный табак с 1830 г., с 1840-х – папиросы), А. Миллера, П. В. Тулинова (Гороховая, 57, потом Лиговский канал, 91; основана в 1833 году), Б. Крафта, М. Соколовой (Гончарная ул., 19; с 1826 года производила курительный табак), А. Тепфера (Малая Посадская, 6; основана в 1860 году, производила сигары; в 1909 году на месте этой фабрики возведен доходный дом), Мичри (Невский пр., 59; основана в 1861 году). Только на двух из названных фабрик (Гребнева и Жукова) производился нюхательный табак. А по объему производства фабрика Миллера уверенно занимала первое место.

Как нетрудно убедиться, к 1860-м годам сложились «табачные династии», сыновья и вдовы продолжали дело отцов и мужей.

Была табачная фабрика в 1860-е годы и у М. М. Достоевского, старшего брата великого писателя – тоже литератора. У него «дело шло не дурно, – пишет мемуарист. – Его папиросы с сюрпризами расходились по всей России». Между тем, занятия на фабрике не отвлекали Михаила Михайловича от литературы. Так в пик расцвета фабрики, в 1860-х годах, Достоевский перевел на русский язык один из романов В. Гюго. Однако «дело» М. М. Достоевского все-таки не принесло ему значительных доходов, после его смерти в 1864 году, в семье осталось всего

4. Фабрики и фабриканты

Основатель фабрики Александр Николаевич Богданов

триста рублей, на которые фабриканта и переводчика и похоронили. Уплату долгов брата (около двадцати пяти тысяч) и содержание его семьи взял на себя Федор Михайлович.

В 1868 году в городе действовало 36 табачных фабрик (1726 рабочих) с годовым оборотом свыше одного миллиона рублей. Перечислим некоторых табачных фабрикантов того времени: Амиди, А. Н. Богданов, П. Брунс (вероятно, сын упомянутого выше Вильгельма), Л. В. Верезунский, Ф. А. Витте, Габай и Мичри, Г. и Э. Геллер, В. Т. Гребнев, И. Гупман, О. Г. Жернакова (вдова купца К. И. Жернакова; фабрика находилась на Боровой ул., 34 в собственном доме табачницы), В. Г. Жуков, П. И. Зайцев, П. З. Захаров, А. И. Колобова, С. В. Крафт (сын купца 2-й гильдии Готлиба Крафта, производившего табак с начала 1850-х годов в доме 71 по Литейному проспекту), К. Ф. Кюн, Н. К. Ликберг, С. Лоренц (сын Джона Лоренца), С. А. Маньяков, А. Ф. Миллер, М. М. Митюшин, В. И. Пантелеев, И. Г. Патканьян, К. П. Петров, Сатир Константинович Попандопуло (стоит полностью воспроизвести это

редкое имя табачного фабриканта, имевшего магазин на Большой Морской улице в доме Жако), Л. А. Раковский, И. К. Соколов, А. М. Тепфер, А. Н. (брат упомянутого выше Василия Никитича) и П. В. Тулиновы, А. М. Шопфер, Г. Штернберг.

В 1870 году в Петербурге было 24 табачных фабрики, производивших около одного миллиона папирос в год. Они перерабатывали более 180 тысяч пудов листового табака ежегодно и уплачивали акцизы на сумму около 2,5 миллионов рублей. На этих фабриках трудилось 4034 рабочих. В 1871 году число фабрик достигло 27.

Фабрика братьев Крафт («за Московской заставой», 27), основанная в 1830 году, производила 11 700 сигар, шесть миллионов штук папирос и 25 тысяч фунтов табака на общую сумму 300 тысяч рублей. С конца 1860-х годов фабрикой владела София Вильгельмовна Крафт.

Фабрика Константина и Павла Петровых, основанная в 1864 году (находилась на углу Торговой, ныне Мастерской улицы, 8, и Екатерининского канала, 109; этот дом включен в построенный в 1902–1904 годах «доходный дом Л. М. Харламова», возведенный по проекту последнего), выпускала до двухсот миллионов штук папирос в год на миллион рублей. Любопытно описание этой фабрики, которое приводит в одной из своих книг историк П. Н. Столпянский.

Фабрика Петровых «занимала три этажа каменного дома и четыре этажа двух каменных флигелей. Фабрика занималась выделкой как русского, так и иностранного табака и папирос (махорка на фабрике не перерабатывалась). В первом этаже находились: прихожая, точильная, расчетная, сушильня в четырех комнатах, в которых [находились] 3 большие, широкие изразцовые печи, напоминающие саркофаги, для просушки табака; возле сушильного отделения мастерские, где стоят табако-резальные, гильзовые и другие машины и газомотор; тут же устрое-

4. Фабрики и фабриканты

ны набойные для каждого сорта табака в отдельности, гардеробная, комната главного мастера, фабричный магазин с выходом на набережную Екатерининского канала, дворницкая и 6 кладовых для листового табака русского и иностранного, крошеного табака, бумаги и табака 3 сорта. В гардеробных и набойных для 2 и 3 сорта имеются весы. Во втором этаже прихожая, кабинет управляющего, бухгалтерия, комната для акцизных чиновников, контора фабрики и мастерские: бумагорезальная в двух комнатах, сортовальня в 5-ти, далее две комнаты, где работали женщины над приготовлением папирос, упаковочная, клеельная табака 1 сорта, комната для записи работ папиросниц и выдачи табака мастерам, помещение для упаковки обандероленных изделий, 2 кладовые для хранения упакованных и неупакованных изделий 1-го сорта, столовая для рабочих и щипальная, где занимаются разборкой пачек листового табака (так называемых папуш). В 3-м этаже в 12-ти комнатах занимаются выделкой, в 1-й – насыпкой папирос, 2 кладовые для упакованных, но еще не обандероленных изделий, кладовая для хранения бумаги и 3 кладовые для хранения этикеток и коробок. Здесь же находится лазарет (приемный покой).

Во всех окнах первого этажа, а также в выходящих из 2-го и 3-го этажа на лестницу плотно вделаны проводочные сетки.

Что же касается до самого производства, то оно сравнительно очень несложно, а именно: табак русского и иностранного сорта, получающийся из складов и плантаций, предварительно разбирается и режется для получения табаку различной крошки и вкуса. Из приготовленного уже табаку делаются пачки в $\frac{1}{8}$ фунта и 1 фунт («русский фунт» составлял 409 граммов. – *И. Б.*) – и папиросы».

В 1896 году на фабрике Петровых было занято 637 рабочих – 60 мужчин, 550 женщин, 12 мальчиков и 15 девочек. Сортировщики и укладчики папирос зарабатыва-

ли от 4 до 7 рублей в неделю, получая за укладку папирос в коробки по две копейки с тысячи штук. Рабочий день продолжался 12 часов – с 7 утра до 7 вечера. В некоторых помещениях (например, в сушильне) постоянно висела табачная пыль, однако рабочие не любили пользоваться респираторами.

Немногие из перечисленных выше петербургских фабрик уцелели до конца XIX века. После 1885 года уже не действовали фабрики Зайцева, Жукова, Миллера. Те же, что остались, продолжали расширять производство.

Важное значение на всех фабриках придавалось упаковке папирос. Главное было – сохранить их от сырости (а это вообще главная задача всех петербуржцев во все времена – сохранить себя и все свое от сырости) и таким образом сохранить качество. Поначалу пачки были бумажными, что никого не устраивало (брызнул дождик, пролилось пиво – и пачки нет). В 1860-х годах в городе появилась первая фабрика по выпуску папиросных коробок. К 1874 году в Петербурге было уже 5 мастерских с 50 рабочими, а к 1885 году их стало 30, а число рабочих перевалило за 1200 человек. В середине 1880-х годов в городе на Неве производилось до миллиона папиросных коробок в год. Можем назвать и одну из самых известных тогда фабрик. Помещалась она в квартире 42, дома 1–47 на углу Забалканского (ныне Московского) проспекта и 7-й Роты (ныне 7-я Красноармейская ул.; это единственный в Петербурге дом, построенный московским архитектором Эдуардом Антоновичем Минде; год постройки – 1873-й). Хозяином мастерской был Павел Иванов. Дела у него, судя по всему, шли неплохо, ибо спрос на его продукцию не иссякал.

К 1887 году на петербургских табачных фабриках почти полностью отказались от выпуска нюхательного табака, зато в два раза больше стали производить кури-

тельного табака в сравнении с показателями двадцатилетней давности – 90 527 пудов. А вот сигар стали выпускать меньше – около двадцати тысяч штук. Самым популярным видом табачных изделий стали папиросы: их выпустили в те годы в Питере почти миллиард.

1893 год: в городе функционирует 13 табачных фабрик (8,8 тысяч рабочих) с годовым оборотом в 7,8 миллиона рублей. На все табачные фабрики приходилось 3 механических двигателя и 3 паровых котла. В 1895 году в Питере было 12 табачных фабрик, перерабатывавших 274 182 пуда листового табака.

1900 год: в Питере девять табачных фабрик, из которых самые крупные – товарищество «А. Н. Богданов и К^о» (Кабинетская, ныне улица Правды, 16, – здесь размещалась контора производства), фабрика «А. Н. Шапошников» (Клинский пр., 25), «Братья Шапшал» (Херсонская ул., 6) и «Лаферм» (9-я линия Васильевского острова, угол Среднего проспекта, 36/40).

1902 год: в Петербурге более десяти табачных фабрик (в России – 419). Помимо названных, – «Бобров и Колобов», Боровая, 34; «Босфор», В. О., Малый просп., 40; «Оттоман», Колокольная, 8; «Братья Петровы», Екатерининский канал, 109; «Шопфер», Чернышев пер., 22 и др. Продукция последнего, кстати, относилась к разряду средних, хотя была с претензией на доброкачественность, о чем можем судить по следующему замечанию героя одного из рассказов Н. А. Лейкина: «Иной притащит самые обыкновенные сигары Крафта или Шопфера, выдаст их за контрабанду и продаст вместо гаванских».

В 1868 году была основана фирма «Саатчи и Мангуби» (угол 4-й Рождественской, ныне Советской, ул., 6, и Дегтярной ул., 35–7). В 1870 году единственным владельцем предприятия стал одесский 2-й гильдии купец Давид

Берахович Мангуби (1841–1900), по национальности караим. Фамилия восходит к названию плато Мангуб в Крыму – месту проживания караимов. Первое время в Петербурге Давида Бераховича называли Мангубом.

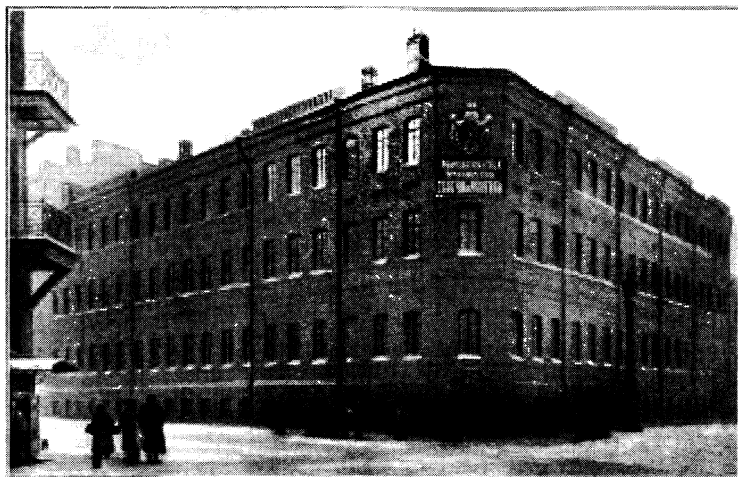
Харьковский 2-й гильдии купец Бабакай Бабович Саатчи (1832–?) компаньоном Мангуби был всего в течение двух лет. Но, несмотря на то, что сам Мангуби около тридцати лет был единоличным владельцем табачного предприятия, он сохранил в названии и фамилию своего компаньона.

Начиная с 1870-х годов продукция фабрики удостоивалась престижных международных наград (в 1873-м в Вене, в 1876-м – в Филадельфии, в 1878-м и 1889-м – в Париже, в 1894-м – в Боровичах). В 1894 году в Стокгольме фабрика получила звание поставщика Двора кронпринца Швеции и Норвегии, в 1895 году в Петербурге – звание поставщика Двора Его Императорского Величества.

Пока вручались награды, на фабрике не забывали о расширении производства. В 1889-м по проекту Вениамина Ильича Королькова был надстроен дом на Рождественской улице, в котором помещалось табачное предприятие.

Дом надстроили, объем продукции увеличили, качество не ухудшилось, и вот результат: в 1894 году фабрика получила право поставлять свою продукцию во Францию. В 1896 и 1897 годах были получены еще две золотые медали на выставках в Нижнем Новгороде и в Стокгольме. На Парижской выставке 1900 года, в год смерти Мангуби, фабрика «Саатчи и Мангуби», единственная из русских фабрик, получила за свои изделия золотую медаль.

Уже с первых лет существования фабрики ее владельцы поставили задачу – производить только высшие сорта табака и папирос (первое время на фабрике трудилось лишь двадцать человек). Эта задача неукоснительно соблюдалась в продолжение нескольких десятилетий, что могли бы подтвердить тогдашние курильщики.

Товарищество Табачной фабрики
СААТЧИ и МАНГУБИ
въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

В 1898 году хозяин фабрики учредил Товарищество с основным капиталом в один миллион рублей (тогда же Высочайше утвержденное). На фабрике к тому времени работали тысяча человек. Саатчи и Мангуби одними из первых стали размещать рекламу под потолком конки – изображение усатого турка, курящего самые популярные папиросы фирмы: «Султан» и «Люкс № 87».

К началу XX столетия фабрика располагала одиннадцатью резальными машинами, которые позволяли вырабатывать до 250 пудов табака ежедневно. «На полную катушку» работала и собственная электростанция, приводившая в действие 47 гильзовых и папиросных машин (в 1910-х годах в Петербурге работало около двухсот неболь-

ших частных электрических станций). Самыми известными «в публике» сортами в то время были «Пальма», «Египетские», «Бабочка», «Голубка». Одна из лучших российских табачных фабрик за всю историю табачной промышленности в нашей стране имела склады и магазины в Москве, Риге, Варшаве, Вильно, Гамбурге, Париже.

В 1901 году председателем правления фирмы «Саатчи и Мангуби» был барон Павел Федорович фон дер Остен-Дризен, директорами – Соломон Федорович (Шалом Юфудович) Кефели (тоже караим) и Павел Иванович Танеев. Ни о них, ни о самой фабрике сказать нам больше нечего, кроме того, что в 1913 году предприятие было приобретено фирмой «А. Н. Богданов и К^о» (о ней дальше); новые владельцы не пожелали сохранять прежнюю торговую марку. После 1917 года ни о фабрике «Саатчи и Мангуби», ни о выпускавшихся ею папиросах (их курил, например, Ф. М. Достоевский) уже не вспоминали.

Фабрика «Миллер» (Свечной пер., 1) была основана на несколько лет раньше, чем «Саатчи и Мангуби», – в 1849 году; но столь выдающихся успехов не достигла, хотя именно здесь впервые в Петербурге стали выпускать папиросы. В 1860-е годы на фабрике производили табака на сумму миллион сто пятьдесят тысяч рублей (40 миллионов сигар, до 114 миллионов штук папирос, 40 тысяч пудов табака). В 1860 году на ней было занято 700 постоянных рабочих и 300 «квартирников». При производстве папирос (до этого Миллер выпускал курительный табак) количество операций возросло с 10 до 23, что требовало значительных материальных вложений, но хозяин фабрики, на которой трудилось более тысячи рабочих, мог себе это позволить. На углу Большой Московской улицы и Малой Московской улицы (по Б. Московской – дом 10, по Малой – дом 1) до наших дней сохранился особняк

4. Фабрики и фабриканты

Основатель фирмы
Д. Б. Макгуби.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
ТОВАРИЩЕСТВА
СААТЧИ И МАКГУБИ
— ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ —
Высочайш. Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
и Высочайш. Двора КРОМЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

РЕКОМЕНДАЦІЯ ЦАРИЦЫ
СЕРТИФИКАТЪ — отъ 1 1/2 р. до 10 р. въ 1 1/2 фунт.
— ТРИЖЕЛІЕ — 2 — 4 — 6 — 8 —
— ДРОБНИКЪ — 2 — 4 — 6 — 8 —
ПОСЛАТЪ СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ — отъ 1 р. до 10 р. въ 1 1/2
— ЦИГАРЪ — и «НАВУШКАДЖІИ» — отъ 1 р. до 1 1/2 р.

Магдебургъ и Сигары Франц.
Въ С.-Петербургѣ, Невскій каналъ, № 10.
и Варшавѣ, Тополев. авен. Кавказская
и Рязан. Тополев. пр. № 2.
и Берлинѣ, Тополев. пр. № 10.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
ТОВАРИЩЕСТВА
СААТЧИ И МАКГУБИ
— ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ —
Высочайш. Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
и Высочайш. Двора КРОМЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

РЕКОМЕНДАЦІЯ ЦАРИЦЫ
«НАЛЬМА», «ЧАРДАНЪ», «КАПРИЪ» —
100 шт. 1 р. 25 шт. 20 к. 10 шт. 20 к.
«НАВУШКА», «НАСКОУЪ», «ФОНАРЪ» —
100 шт. 60 к. 25 шт. 25 к. 10 шт. 25 к.
«РОЗЕТКА», «КОМЕЪ», «НОВОСТЬ» —
100 шт. 50 к. 10 шт. 5 р.
«УДОБНЫИ», «КАРМАННЫИ», «РОСОВИЧНЫИ» —
100 шт. 30 к.
«СОУЪ», «КУМЪ», «НАНСКІИ» — 100 шт. 25 к.

купца 1-й гильдии Александра Федоровича Миллера, построенный в 1865 году по проекту Э. Г. Юргенса.

В 1908 году, помимо названных выше фабрик, известностью пользовались сигарная фабрика «Гаванера» (с капиталом около двух миллионов рублей), «Бельгийское общество табачного производства в России», выпускавшее сигары силами двухсот рабочих в доме 10 по Безбородкинскому проспекту (проспект, называвшийся так потому, что когда-то здесь находилась обширная усадьба графа А. А. Безбородко, в декабре 1918 года переименован в Кондратьевский, в честь героя Гражданской войны Саши Кондратенко), а также «Режи» (Васильевский остров, Малый пр., 38–40/угол 14-й линии). Этот дом, построенный в 1903–1905 годах по проекту И. П. Володихина, принадлежал Ф. Ф. Теодориди, о котором говорилось в предыдущей главе; здесь 250 рабочих производили разные табачные изделия.

В 1913 году в Петербурге осталось всего шесть табачных фабрик, зато годом раньше питерские табачники установили рекорд, выпустив 10 миллиардов 751 миллион папирос! Одновременно выработка курительного табака упала до 1200 тонн, при этом основная его часть предназначалась не любителям трубки. Он шел на ручную набивку папиросных гильз фабричного производства с помощью специальной машинки, приобрести которую мог всякий курильщик, готовый не раздумывая отдать деньги за табак и табачные принадлежности.

Цены на папиросы зависели прежде всего от сырья. Самым дорогим был турецкий табак. Чтобы сделать продукцию более качественной и одновременно более доступной для покупателей, его обыкновенно добавляли к отечественному материалу (украинскому, кавказскому, бессарабскому). Так было поставлено дело на фабриках А. Н. Богданова, «Лаферм», А. Ф. Миллера, братьев К. и П. Петровых. Папиросы 1-го сорта у них стоили от 50 ко-

4. Фабрики и фабриканты

пеек до рубля за сотню. Если же использовался только иностранный табак, то цена их могла подняться и до четырех рублей, а иногда и значительно выше. Такую продукцию предпочитали выпускать фабрики «Саатчи и Мангуби», «Фумлы Эгиз» (фирма «Оттоман») и «Эзры Эгиз» (фирма «Драма»). Последняя в 1888 году открыла на Невском проспекте свой магазин, в доме № 66, где покупателям предлагался обширный выбор «табаков европейской Турции». Вот как этот товар рекламировался: «Турецкий табак, обладающий мягким и приятным вкусом, не производит вредного влияния на здоровье... Принимая во внимание частые жалобы на кашель, горечь и изжогу от курения, мы предлагаем гг. потребителям, в видах собственной настоятельной пользы, курить и требовать произведения исключительно из турецкого табаку». Сотня крученых папирос из длиноволокнистого листа стоила от 6 до 20 рублей, а фунт трубочного табака обходился в 12 рублей.

Табачная фабрика фирмы «Оттоман» была основана Яковом Исааковичем Эгизом в ноябре 1882 года. В 1893 году, после его кончины, она перешла в собственность вдовы основателя, Фумлы Соломоновны Кальфа, и сына, Исаака Яковлевича Эгиза. Самыми популярными из выпускавшихся «Оттоманом» папирос были «Царские», по 10 копеек за пачку в десять штук; по мягкости вкуса и аромату они не имели себе равных лет двадцать. После «Царских» «Оттоман» наладил выпуск «Графских» по такой же цене, которые также пользовались большим спросом у курящей публики. Для менее состоятельных, но столь охочих до табаку петербуржцев фирма выпустила папиросы под названием «Бижу» (от французского слова *bijou* – «драгоценность», «сокровище»), по 6 копеек за 10 штук. К началу XX века в Петербурге не было более популярных папирос, чем «Бижу». «Оттоман», однако, на этом не успокоился и решил удовлетворить совершенно неиму-

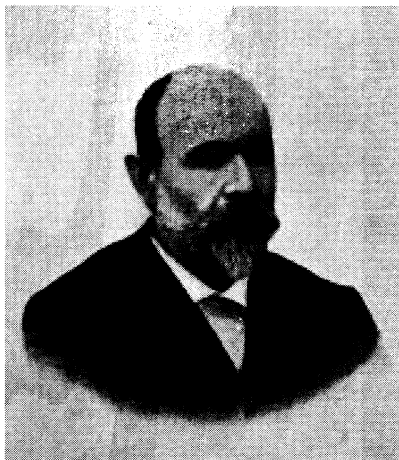

Основатель фирмы Яков Исаакович Эгиз

щий класс курильщиков, выпустив совсем дешевые папиросы: «Выгодные», ценою 6 копеек за 20 штук; они вызывали зависть у конкурентов, не сумевших дойти своим умом до столь незамысловатого коммерческого хода, но выпустивших папиросы, которые упаковкой походили на оригинал. «Оттоман» принял меры и вновь единолично воцарился на петербургском табачном рынке, как фирма, выпускающая папиросы исключительно из турецкого табака. Приобретя для своих нужд здание на Колокольной улице, 8, фирма впоследствии расширилась. К началу XX века в фирме «Оттоман» работало 750 человек.

Помимо Турции, важными поставщиками табачного сырья были острова Вест-Индии. Оттуда крупными партиями ввозился сигарный лист – ценный товар, использовавшийся только для выделки так называемой «рубашки» – наружного слоя сигары, иногда – и подлиста (ниже лежащего слоя); начинка же формировалась из более дешевого табака, выращенного в южных губерниях Рос-

4. Фабрики и фабриканты

Основатель фирмы Юфуда Моисеевич Шапшал

сии. Это практиковали самые известные столичные табачные фабриканты (Тулинов, братья Шапшал, Богданов и др.), а также табачники Риги, Москвы и Варшавы.

Когда-то в Питере говорили: «Не угодно ли “шапшала” покурить?» Или: «Мне пачку “шапшала”». Петербуржца, жившего в конце XIX века, подобный вопрос не мог поставить в тупик, ибо он знал – речь идет о продукции фабрики «Братья Шапшал».

Известная петербургская табачная фабрика «Торговый дом “Братья Шапшал”» была основана Юфудой Моисеевичем Шапшалом 12 октября 1873 года (родился в 1837 году, умер в мае 1902 года), караимским купцом 2-й гильдии (после 1880 года – 1-й гильдии, в купечестве с 1873 года), вместе с братьями Абрамом и Самуилом Моисеевичами. Юфуда Моисеевич содержал табачную фабрику в доме, где поселился, приехав в Петербург из Киева, – Рождественская часть, дом 13, 4-я улица (ныне 4-я Советская ул.; в 1913 году на этом месте возведен доходный

дом). Фирма была основана на скромных началах, с небольшим капиталом, и в первый год она принесла одни убытки. Однако Шапшал с братьями взялся за дело энергичнее, и уже к 1878 году фабрика вышла на одно из первых мест в России по объему производства.

К 1884 году фабрика размещалась в собственном доме Шапшала (в Перекупном переулке, 6; в 1910 году на этом месте возведен доходный дом), к 1917-му – на углу Херсонской ул., 6, и Перекупного переуллка, дом 13. Это здание, принадлежавшее товариществу табачной фабрики «Братья Шапшал», построено в 1878–1879 годах по проекту архитектора Ивана Иудовича Буланова, перестраивалось в 1883 и 1890 годах.

15 декабря 1889 года петербургские купцы 1-й гильдии Ю. М. Шапшал и Иоанн Триандафилович Триандафилидис (он же Янко Триандафилли) пришли к взаимному соглашению прекратить действия учрежденного ими для совместных действий Торгового дома на правах полного товарищества (договор от 1 декабря 1886 г.) под принадлежащей Шапшалу фирмой «Братья Шапшал». Принадлежавшая Ю. М. Шапшалу фирма «Братья Шапшал» после прекращения действия товарищества осталась в исключительном распоряжении Шапшала как полная его собственность.

16 декабря 1889 года петербургский 1-й гильдии купец Ю. М. Шапшал, торговавший под фирмой «Братья Шапшал», и его жена Бекенеш Самуиловна (в купечестве с 1873 года «при муже», самостоятельно – с 1903 года) учредили на правах товарищества на вере Торговый дом под фирмой «Братья Шапшал».

С 1902 года фабрика перешла к наследникам Ю. М. Шапшала, к его жене, детям и зятю.

6 марта 1904 года отделом торговли Министерства финансов было разрешено учредить товарищество на паях под наименованием «Товарищество табачной фабри-

ки «Братья Шапшал». Устав товарищества был утвержден 26 февраля 1904 года.

30 декабря 1904 года состоялось первое общее собрание пайщиков. Учредителями товарищества названы Б. С. Шапшал, инженер-технолог Б. М. Ганагар и восемь пайщиков.

Директорами правления избраны Б. М. Ганагар, Л. Ю. Шапшал-Кушлю, А. С. Кукуричкин, кандидатами в директора – Б. С. Шапшал и Е. Ю. Шапшал, членами ревизионной комиссии А. А. Протопопов, А. М. Шапиро, И. Ю. Шапшал, Я. Ю. Шапшал, Б. С. Оксюз. Контора торгового дома «Братья Шапшал» находилась на Невском пр., 30 (ныне здесь Малый зал Филармонии им. М. И. Глинки).

Капитал бывшего торгового дома «Братья Шапшал» был распределен поровну между его шестью бывшими владельцами.

В протоколе общего собрания пайщиков товарищества от 20 марта 1907 года записано решение о приобретении в собственность товарищества у вдовы купца 1-й гильдии Цецилии Моисеевны Паппе складских помещений по Калашниковскому проезду Мытного двора.

В списке пайщиков товарищества табачной фабрики «Братья Шапшал» от 27 марта 1915 года значились Е. Н. Шапошникова и И. И. Филиппович. Оба имели по 400 паев. Согласно спискам пайщиков от 29 февраля 1916 года – Шапошникова и Филиппович имели по 500 паев, к 7 декабря того же года – по 1500 паев каждый, а к 20 декабря – Шапошникова имела 100 паев, Филиппович – 15.

Рекламные плакаты для этой фабрики делал художник Петр Николаевич Троянский (скончался в 1920 году). Те, кому довелось побывать в доме А. И. Куприна в Гатчине еще в то время, когда здесь жил хозяин, могли увидеть исполненный Троянским плакатный портрет графика-карикатуриста П. Е. Щербова под названием «Дядя Михей». Есть основания предположить, что это не единственная работа художника на «табачную» тему (см. главу 7).

К 1917 году в Питере осталось семь табачных фабрик, из них крупнейшая – «А. Н. Богданов и К^о».

Товарищество «А. Н. Богданов и К^о» было основано в 1864 году кандидатом коммерции Александром Николаевичем Богдановым как табачная фабрика (с шестнадцатью рабочими) на базе фабрики «Франц Генрих», существовавшей с 1856 года. Как уже говорилось, производственные сооружения, выстроенные в 1870-е годы по проекту А. В. Знобишина, разместились на Кабинетской улице – сначала в доме 14, а потом в доме 16. Утвердившись в роли крупного предпринимателя (в 1872 году оборот фабрики достиг 350 000 рублей), почетный гражданин Богданов взял во владение большой участок земли между Николаевской улицей (№ 69; ныне улица Марата) и Кабинетской улицей (ныне улица Правды). Табачная фабрика занимала большой четырехэтажный дом с тремя надворными флигелями; отдельно, внутри двора, имелось небольшое каменное здание для паровых машин. Въездные ворота на фабрику со стороны Николаевской улицы были обозначены одноэтажными павильонами. В доме 71 по той же Николаевской улице одно время жил Богданов с семьей. В этом же доме круглые сутки работали Богдановские ясли на 60 детей фабричных работниц. На этой фабрике, как и на всех других, имелась кухня с огромной плитой и кубом кипятка.

В 1867–1868 годах Богданов жил по адресу Колокольная улица, 16, квартира 1, да не один, а с женой Настасьей Федоровной, хозяйкой спичечной фабрики. В те годы в Петербурге было три спичечных фабрики, две другие принадлежали С. Ф. Пономареву и И. А. Чурилову.

В 1873 году Богдановым было образовано Товарищество на вере под фирмой «А. Н. Богданов и К^о». Результат деятельности Товарищества – увеличение производства; к 1883 году оборот достиг 3-х миллионов рублей.

4. Фабрики и фабриканты

В 1883 году фабрика была преобразована в паевое товарищество с основным капиталом в 1 500 000 рублей, и в том же году инженер-архитектор В. М. Некора перестроил здание табачной фабрики Богданова. Затем товарищество приобрело фирму «Саатчи и Мангуби», которая, как нам известно, оставила след в истории табачной промышленности, выпустив несколько полубившихся горожанам сортов папирос. Сам Богданов обитал в особняке на Лиговском пр., 197, построенном по проекту гражданского инженера И. П. Макарова.

Товарищество Богданова регулярно публиковало отчет правления о своей деятельности, в котором находилось место и расходам на содержание фабричной лошади, и на жалованье дворникам; учитывался и «остаток провизии в столовой». В отчете за 1885 год была названа выручка за проданный товар – 2 771 748 рублей 96 копеек.

В 1896 году на фабрике Богданова было занято 257 мужчин, 2405 женщин; малолетние на работу не принимались. Оплата труда была сдельной: от 35 до 60 копеек за тысячу крученных папирос и 50 копеек за развешивание табака в ящиках в 50 фунтов. Крошительщики табака получали в месяц до 30 рублей. В день мужчины в среднем зарабатывали 90 копеек, женщины – 55.

Большинство работников фабрики составляли женщины, притом семейные. Обычно работница приходила на фабрику в половине восьмого утра и работала до 11–12 часов вечера, затем шла домой, чтобы приготовить еду для мужа и детей. Получали эти женщины 25–30 копеек в день.

На фабрике был создан фонд, проценты с которого шли на вспомоществование рабочим, нуждавшимся в лечении или в отдыхе в деревне; был организован ежедневный амбулаторный прием с бесплатной выдачей лекарств.

В начале 1900-х годов на фабрике Богданова были машинное отделение, несколько сортировочных, отделе-

ние для овлажнения, резки, сушки, упаковки табака, производства гильз, папирос, сигар. Среди 1200 рабочих были и мастера по смешиванию разных сортов табака.

В 1908 году на фабрике А. Н. Богданова было занято уже 2300 рабочих, а вскоре их число возросло до 2685 человек. Предприятие располагало рядом складов и табачных магазинов в Петербурге и Москве. В 1903 году основной капитал составил 1,5 миллиона, чистая прибыль – 205,3 тыс. рублей. В правление товарищества входили: Николай Николаевич Богданов (директор-распорядитель), Дмитрий и Алкивиад Ивановичи Петрокино, Николай Петрович Вязмитинов.

Фирма принимала участие во Всероссийских выставках в Москве в 1882 году, в Нижнем Новгороде в 1896 году и была удостоена права изображения государственного герба на своих изделиях и вывесках. Она также участвовала во всемирных выставках в Вене, Париже, Амстердаме и Чикаго и получила там медали.

К 1913 году основной капитал возрос до 3,5 миллионов рублей, а балансовая стоимость имущества составила 12 416 944 рублей. В 1917 году, последнем году существования фабрики, на ней были заняты две тысячи семьсот рабочих.

Мне остается лишь порадоваться успехам своего однофамильца, погоревать, что он мне не родственник, выразить удовлетворение, что фабрикант высоко держал марку нашей фамилии и посетовать, что Богданов уступал по объемам торговых оборотов своим конкурентам (хотя и немногим). Например, «Лаферму» – самой крупной табачной фабрике не только в Петербурге, но и в России.

К рассказу об этом табачном исполине и можно было бы перейти, если бы появление «Лаферма» не предвосхитил Василий Григорьевич Жуков.

5. ЖУКОВ ТАБАК

- А вы, полковник, кажется, Жукова курите?
- Да, привык к нему, но с каждым днем все труднее доставать старый жуковский табак, а нынешний куда хуже прежнего.
- Я могу вам послужить: недавно разыскал в одном приисковом амбаре с полпуда жуковского еще от пятидесятых годов, – просто роскошь, а не табак.

Л. Ф. Пантелеев. «Воспоминания»

Сколько в России было Жуковых, а в истории остались два – маршал Георгий Константинович Жуков и известный отнюдь не на полях сражений предприниматель Василий Григорьевич Жуков (1795–17 декабря 1882)*.

Современники просто говорили – Жуков, не называя имени-отчества, и всем было ясно, о ком речь. В. Г. Жуков – отличительный знак довольно длительного промежутка времени российской истории, примета целой эпохи, герой своего времени, торговая марка, или, – если кто знает, – брэнд. Как «Беломор», только еще лучше, ибо Жуков затмил дымом своего крепчайшего табака все современные ему марки, не оставив им и шанса на бессмертие или хотя бы на то, чтобы о них вспоминали мемуаристы.

Василий Григорьевич открыл табачную фабрику двадцати семи лет от роду, в 1822 году, на левом берегу

* В. Г. Жуков был первым церковным старостой стоявшей на Митрофаниевском кладбище церкви Митрофана Воронежского. На его средства к кладбищу была проложена дорога, обсажена ветлами, выстроена ограда. Он и похоронен на этом кладбище, очевидно, вместе с сыном, М.В. Жуковым (могила не сохранилась).

Фонтанки, между Чернышевым и Семеновским мостами (д. 74; дом перестроен в конце XIX века); тогда адрес Жукова звучал иначе: в Московской части, 3-го квартала, в собственном доме.

В молодости будущий фабрикант работал в Большом (Каменном) театре (ныне на его месте здание Консерватории) плотником, в обязанности которого также входило передвигать декорации. Известный актер П. А. Каратыгин именно там впервые увидел будущего предпринимателя. Тогда это был «низенький черноволосый парень... но какой прозорливый мудрец мог бы тогда предвидеть, глядя на Васюху Жукова в грязном зипуне, что он сделает себе такую блестящую фортуна, будет ходить в мундире, вышитом золотом и с регалиями на шее. Такие превращения почище театральных... Через несколько времени он вышел из театра, открыл табачную лавку и впоследствии сделался фабрикантом, купцом I-й гильдии, миллионером, градским главой, коммерции советником и кавалером нескольких орденов... К чести Василия Григорьевича Жукова надо сказать, что он не только не скрывает своего прежнего звания и горемычной бедности, но как человек, правдивый, чуждый тщеславной гордости, зачастую вспоминает о ней в кругу своих гостей...»

Когда Жуков служил плотником, папирос в продаже не было, а в театрах не было курительных комнат. Гвардейские офицеры забегали к Жукову выкурить в антракте трубочку «вокштафа» (или «вакштафа», как называли в Петербурге доставлявшийся на берега Невы из Гамбурга табак). Сметливый молодой плотник подметил любовь офицеров к куренью, и к одному из спектаклей припас для них табачок собственного изготовления. Когда молодые люди пришли к нему в очередной раз, Жуков предложил им попробовать своего табаку. Офицерам табак понравился, и они стали делать заказы. Все требования

5. Жуков табак

Василий Григорьевич Жуков (1795-1882)

Жуков, однако, удовлетворить не мог, тогда офицеры сложились и собрали для него сто рублей, на которые он и открыл домашнюю фабрику.

На фабрике Жукова выпускался преимущественно курительный (трубочный) табак в огромных по меркам того времени количествах, притом не чисто турецкий, а по большей части персидский. Поступавший на фабрику Жукова табак был в основном двух сортов – мэрилендский и из Огайо. В 1837 году им было изготовлено 40 909 пудов

курительного табака более чем на миллион рублей, нюхательного, по причине падения спроса, – всего 300 пудов. Жукову удалось наладить весь цикл работ, от первичной обработки сырья до упаковки готового продукта. Вот как об этом рассказывал сам хозяин в докладной управляющему Департаментом мануфактур:

«Обращаясь к порядку производства работ, я должен предупредить, что в этом отношении особенное внимание мое обращено к тому, чтобы всякий рабочий, определенный в известной части производства изделий, каждый день возвращался к одному и тому же занятию, и хотя вообще табачная фабрикация не представляет слишком сложной искусственности, тем не менее, при надлежащем распределении труда, вследствие полезной привычки к известной работе производство ее идет гораздо успешнее и в количестве, и в качестве.

Следуя этому внушенному мне не теориями, но опытом правилу, я распределил рабочих моих, со всевозможною в табачном производстве удобностию, таким образом:

Мальчики и женщины под надзором опытного мастера занимаются непрерывно разборкою табачных листов по сортам предполагаемого к выделке табаку.

Одни из рабочих мочат и варят американские табачные стебельки (стебли или «корешки», писал посетитель фабрики, «придают табаку крепость, значение, как соль в кушанье». – *И. Б.*).

Другие пластят (т. е. разворачивают. – *И. Б.*) эти стебельки между цилиндрами.

Третьи занимаются резкою их на особо устроенных для того машинах (в 1843 году на фабрике Жукова было восемь ручных крошильных станков. – *И. Б.*).

Четвертые режут листы на машинах (и этих машин было восемь. – *И. Б.*), подобных же предыдущим.

На фабрике Жукова

Пятые просушивают на печи особого устройства нарезанный табак и стебельки (печей было шесть. — *И. Б.*).

Шестые, большею частью непосредственно под моим наблюдением, мешают табак, окончательно приводя его в сорты (табак на фабрику поступал в бочках, в которые был уложен пучками или пачками и почти не требовал сортировки, так как Жуков выписывал только самый лучший табак. — *И. Б.*).

Седьмые разрезают и мочат бумагу.

Восьмые на трех типографских станах печатают фирмы для обертки картузов.

Девятые, также мальчики, складывают печатную бумагу, подготовляя ее к обертке.

Десятые наворачивают бумагу на жестяные формы картузов, припечатывают картузы книзу и передают их набивальщикам.

Одиннадцатые набивают картузы и печатают их сверху.

Двенадцатые прикладывают сбоку каждого картуза сургучную печать моего имени и фамилии, причем одни намазывают сургуч, другие кладут печать.

Тринадцатые погружают табачные картузы для отправления в деревянные ящики и ставят на них клеймо.

Четырнадцатые обивают эти ящики рогожами и начинают тюки сокращенными знаками имени и фамилии фабриканта, а также имени и фамилии лица, к которому товар отправляется.

Пятнадцатые – последние, наблюдают за освещением фабрики, они чистят, наливают и хранят лампы».

Прервем Жукова и расскажем о производстве на табачной фабрике того времени подробнее, но прежде заметим, что процесс приготовления курительного табака состоял в то время из следующих действий, некоторые из которых не упомянуты Жуковым: сортировка (важнейшая операция, которая поручалась опытному сортировщику), увлажнение (для придания табачным листьям эластичности), выщелачивание (для улучшения качества табака), удаление нервов из листьев (с помощью острого выгнутого ножа), прокатывание (на тот случай, если остались нервы), травление (обработка листьев различными веществами, сообщающими им определенный вкус и запах; вот что добавляли в «соус» в XIX веке: сахар, винные ягоды, алоэ, анис, апельсин, бузину, валериану, ваниль, гвоздику, корицу, лавр, лимон, бальзамы, янтарь, мускус, шафран и пр. – «букет» можно было создать любой, притом с помощью только натуральных продуктов!), окрашивание (желтый или светлый цвет табака всегда считался особенно привлекательным), резка, сушка, охлаждение и просеивание, упаковка. Усилия многих людей были направлены только на то, чтобы результат их нелег-

кого, трудоемкого, вредного для них труда кто-то запалил и превратил в дым. Фигурально выражаясь, пустил на ветер. Притом с удовольствием.

В процессе приготовления табака на фабрике Жукова, особенно в сушильных помещениях, работникам приходилось нелегко от едкой, удушливой пыли, и они вынуждены были накрываться с головой покрывалами. Тяжел труд был и у тех рабочих, которым приходилось грузить листья из бочек в корзины и нести их под ножи десяти машин. Специальный механизм, приводившийся в действие вручную, подталкивал под острие целый лист. Крошку затем несли в сеяльную, где с помощью девяти «грохотов», или квадратных решеток, еще раз пересеивали; пересеянный табак затем смешивали с корешками; от пропорции того и другого зависела крепость табака.

Приготовленный таким образом табак отправлялся на «стулья» – так назывались места для «набойщиков». В их распоряжении были бумага, свеча и сургуч, в колоде – отверстие, с воронкой. Всего «стульев» было сорок, за каждым – два набойщика, и эти восемьдесят человек умудрялись набить в картузы (объемом в фунт, полфунта или четверть фунта), завернуть и опечатать 250 пудов табака в день (4 тонны!). На одного набойщика приходилось в день 3 пуда!

Бумага для картузов, с виньетками и надписями, готовилась тут же, на фабрике, в собственной типографии, на втором этаже, где в светлом и чистом зале стояли четыре печатных станка.

Табак в картузах поступал в бандерольную, где тридцать четыре работника резали бандероли, заклеивали их и скрепляли печатью. Ежедневно из бандерольной выходило 200 ящиков табаку.

А вот каковой, со слов Жукова, была дисциплина труда на его фабрике:

«При сем разделении каждый отдел работ имеет своего мастера, отмечающего на особой черной дощечке мелом количество произведенной работы, считая ее от утра до завтрака, от завтрака до обеда, а от послеобеденного отдыха до вечернего прекращения работ. Из этих отметок по окончании работ каждый день составляется главным приказчиком краткая рапортничка о количестве принятого в тот день на фабрику и изрезанного листового табаку и стебельков, число набитых картузов и самой выручки денег по магазинам за дневную продажу табаку. В этой рапортничке включается также и сделанный по какому-либо требованию значительный отпуск с означением лица требователя и подрядчика, также и известие о всяком необыкновенном на фабрике случае. Рапортничка сия каждый день вечером доставляется мне, живу ли я зимою в доме, где находится фабрика, или летом на даче в Екатерингофе. В последнем случае, кроме вечерней, доставляется ко мне еще и рапортничка утренняя собственно о благосостоянии дома и фабрики. Таким образом, движение фабрикации и состояние фабрики каждый день известны мне во всей их подробности и не может произойти никакого неустройства, противу которого не предстояло бы скорой возможности.

Во время производства работы старший, прохаживаясь по всей фабрике, находится в ней безотлучно, наблюдая, чтобы, с одной стороны, работы не останавливались без основательной причины, а с другой, чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословия и препирательства».

Жуков выпускал табак двух сортов: табак 1-го сорта был в белых бумажных пакетах, продавался по три рубля ассигнациями за фунт, табак 2-го сорта продавался в синих пакетах по два рубля за фунт, как менее ароматный,

более крепкий, но пользовавшийся наибольшим спросом. Современник писал:

«Потребление “вакштафа” Жукова 2-го сорта, удовлетворяющее невзыскательным потребностям наших курильщиков, было чрезвычайное, чтобы не сказать чудовищное, так что не было почти на всем пространстве Русского государства ни одного захолустного городка, присутственного места, воинской команды, господской усадьбы в деревнях или же трактирного заведения, где бы этот излюбленный табак не расходовался десятками и сотнями фунтов в месяц».

В 1840-е годы, когда предприятие Жукова достигло наивысшего расцвета, у него на фабрике было занято около пятисот рабочих, которые ежедневно выпускали до тысячи фунтов трубчатого табака (четыре тысячи четвертьфунтовых картузов). Кроме того, у Жукова в год производилось силами двадцати рабочих 1,5 миллиона сигар и до пятисот пудов нюхательного табака. «Жуков табак» вывозился и за границу. «Жукова», разумеется, курили по всей России.

Высококачественные сорта готовились на фабрике Жукова по специальным заказам, примерно раз в неделю.

Но продолжим цитировать самого хозяина фабрики:

«Работы вообще начинаются всеобщей в 6 часов утра молитвою и продолжаются до 8 часов; 9-й час употребляется для завтрака (и отдыха. – *И. Б.*), 10, 11, 12 продолжается работа; для обеда и отдыха назначено 2 часа; с 2-х до 8 часов вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвою и пением какого-либо церковного песнопения или народного гимна о здравии и долгоденствии государя императора.

Таким образом, сохраняя молчание и изредка прерывая его, по желанию хозяина или почетного посетителя какую-нибудь пристойною русскою песнею, рабочие состоят (так в тексте. – *И. Б.*) 11 часов в сутки».

Весьма напряженный получается рабочий график, однако Жуков смотрел на дело иначе:

«11-часовой труд, несмотря на упомянутое выше разделение труда, облегчается для рабочих следующим образом.

Как во всяком производстве нельзя избежать, чтобы одна часть труда не была тяжелее другой, то и в табачной фабрикации резка табаку и стебельков оказывается требующею большего по сравнению с другими работами напряжения сил, а потому для облегчения резальщиков, с одной стороны, существует в сутки две перемены рабочих, с другой – занимающиеся резкою пользуются некоторым отдохновением при натачивании ножей. Промежуток времени, занимаемый сказанными посторонними от резки занятиями, мог быть устранен дальнейшим подразделением работ, но оставлен мною именно для того, чтобы облегчить резальщиков если не полным отдыхом, то, по крайней мере, трудом гораздо легчайшим».

Говоря современным языком, Жуков – топ-менеджер высшей квалификации, и лучше не перебивать его, когда он говорит о том, как организовано его производство:

«Точно такой же порядок, исключая смены, соблюдается в отношении и ко всем прочим работам, т. е. каждая пара, сделав известную часть своей работы, убирает произведение оной и относит по назначению, принимает новый материал для работы, располагает его и опять продолжает работать, переменяя только по взаимному согласию часть труда, лежащего отдельно на каждой паре, например, набивать картузы труднее, нежели подвертывать их, а потому подвертыватель и набойщик взаимно сменяют один другого в общей их работе».

Даже о производственной дисциплине проницательный Жуков позаботился:

«Достигнув с моими рабочими того со стороны их ко мне отношения, которое заставляет стыдиться всякого известного мне их поступка, я не имел более надобности для поддержания их во всегдашнем послушании употреблять мер строгости; у меня не было никогда ни тюрьмы, допущенной на многих иностранных фабриках и необходимой там по причине буйства рабочих, ни штрафов, которые, будучи для бедняков разорительны, унижают и ожесточают их, ни телесных наказаний, ни даже жалоб в полицию: все эти меры столько же неприятные, сколько почти бесполезные, заменяются на моей фабрике бдительным надзором, который делает мне известным всякий добрый и худой поступок каждого моего рабочего. Для этого надзора и вместе для содержания внутри фабрики чистоты и осторожности от огня учреждены мною дневальные. День и ночь исполняя свою обязанность, они извещают ныне особо учрежденного старшего, а прежде конторщика утром и вечером обо всем, что происходило на фабрике с полным убеждением, что утайка истины будет причиною непременно исключения из фабрики самого дневального. С этих словесных донесений прежде конторщик, а ныне старший, из заслуженных и украшенных крестами и медалями отставной унтер-офицер делает отметки в особом реестре о поведении каждого рабочего.

Говоря здесь о старшем, нужным считаю заметить, что к учреждению сей должности и избранию в оную унтер-офицера руководила меня та причина, что люди этого звания, прослуживши с похвалою и отличием узаконенный срок по привычке к строгой субординации и точности в исполнении приказаний, особенно способны к надзору, управлению крестьянами, которые по уважению к заслугам, отличиям и опытности старых воинов, людей одно-

го с ними происхождения, гораздо охотнее повинуются им, нежели другим всякого рода приставникам».

Лучше не скажешь! И не сделаешь лучше! А ведь Жукову пришлось быть первым в организации передового, по меркам того времени, производства. Никакого опыта у него не было, университетов он не кончал, но – ни одна мелочь не упущена, все человеческие, материальные и надзирательные ресурсы брошены на достижение лучших в стране производственных показателей:

«Не менее того принятая мною система надзора обеспечена учреждением постоянных часовых у ворот, определенных к этой должности также из отставных военных, которые обязаны видеть, отмечать в тетрадке и доносить прямо мне о несвоевременной отлучке со двора каждого рабочего, не препятствуя, впрочем, их выходу без особенного на чье-либо лицо приказа».

А ну как понадобилось задержаться рабочему с возвращением домой, на фабрику (многие из них жили тут же, как и хозяин) или – упаси Бог! – случилось выпить лишнего. И это Жуков предусмотрел, равно как и нерешенную спустя век советской властью проблему с «несунами»:

«Такие же отметки делаются ими на счет позднего возвращения рабочих в квартиру, небытности в ней во время ночи и нетрезвого состояния возвращающегося. Кроме того, они наблюдают, чтобы ничто, принадлежащее хозяину и живущим в его доме, не было выносимо за ворота, и ничто, не принадлежащее к дому, в них не вносилось, особенно же вино, исключая дней праздничных и свободных от работы, с отношением к лицу рабочего по мере доверенности, которою он пользуется, чтобы иметь право послать за вином».

К чему такие строгости? Прежде всего для пользы самих рабочих – у каждого из них появляется возмож-

ность сделать себе прибавку к жалованью (при этом никто другой о прибавке и не узнает, разумеется):

«Означенные меры надзора дополняются окончательно безусловным убеждением каждого рабочего: 1) что за сокрытие в товариществе буйства, непотребства и похищения, сокрыватель непременно увольняется вместе с сокрываемым и что 2) открытие одного из подобных поступков непременно вознаграждается или единовременную выдачею суммы, соразмерной важности открытия...

О сказанных преступлениях как старший, так часовые и всякий рабочий имеют обязанность доносить мне немедленно, о прочих же менее важных проступках старший и часовой представляют мне письменные замечания свои в присутствии провинившихся ежемесячно при выдаче жалованья. При сем нужным считаю дополнить, что для поддержания взаимного согласия между рабочими доносители, кроме старшего, и часового, и дневальных, остаются неизвестными».

А вот как на фабрике Жукова происходил процесс выдачи жалованья, становившийся настоящей церемонией – чем-то средним между набором в театральную студию или футбольную школу, собеседованием перед приемом в органы надзора, аудиенцией у папы Римского, вызовом к завучу, начальнику тюрьмы или участием в судебном процессе в роли обвиняемого без адвоката и надежды на снисхождение, не говоря уже о помиловании:

«Выдача жалованья производится каждый месяц в первый после 1-го числа воскресный или праздничный день, вечером, непременно в моем присутствии. В это время рабочие, призываемые по списку, входят в контору поодиночке. При сем случае я вменяю себе в обязанность: 1-е, осведомиться от каждого вновь принятого рабочего о его состоянии, семействе, прошедших занятиях, причинах, побудивших оставить дом или какую-либо пре-

жнюю по найму службу, также не имеет ли новопринятый каких-нибудь особых сведений в ремесле и искусствах или же телесных недугов. И это объяснение служит мне верным средством не только полезному для рабочих личному с ними знакомству, но и к возможному определению, с первого раза, умственных способностей, характера и нравственных направлений каждого из моих рабочих. Сверх того, новопринятый получает от меня всевозможное ободрительное наставление с указанием на тех из рабочих моих, примеру которых он должен следовать для достижения собственной пользы, а чаще всего указанием на меня самого, как прежде бывшего работника, сделавшего хозяином посредством труда, честности и послушания старшим; 2-е, в отношении к тем, которые находятся на фабрике моей уже в продолжение некоторого времени, обязанности мои состоят в том, что при входе получателя жалованья тотчас делается справка по книгам старшего, часовых и по моей о его в течение прошедшего месяца поведении и, судя по взятым за тот месяц деньгам, наводится справка и о самых издержках его. В это время, не ограничиваясь строгим выговором за всякий проступок для исправления проступившегося, я назначаю одну из следующих мер преграждения к проступкам, например, человека, замеченного в наклонности к неумеренному употреблению вина, запрещается часовым выпускать некоторое время со двора; кроме того, из числа следующего выдается ему только столовый вклад, а остальные деньги удерживаются до следующего месяца в кассе с тем, чтобы вручить ему по удостоверении в исправлении или отослать их прямо через старосту для доставления его семейству, или же поручается старосте купить неполучившему в собственном его присутствии какие-либо нужные ему вещи, как-то: кафтан, шапку, сапоги и пр. Сверх того, призывается один из доверенных земляков провинивше-

гося и ему поручается непрерывный за ним надзор с тем, чтобы при случае выхода со двора к обедне он выходил и приходил обратно с тем, кому об нем сделано поручение. Такие же меры применяются к исправлению рабочих, склонных к мотовству и излишеству в щегольстве. Проводящие ночь вне дома лишаются права выходить на некоторое время со двора, а потом отпускаются с провожатыми, ленивые назначаются в черные работы, которыми занимаются обыкновенно вновь поступающие, и потом, смотря по радению, переводятся к занятиям более и более чистым; 3-е, в то же время рабочие хорошего поведения и отличившиеся особою ревностью к труду, кроме словесного ободрения, получают или единовременную награду или прибавку к жалованью».

В 1843 году на фабрике Жукова работали 19 мальчиков; для них была отведена спальная. В два часа все обедали, в три снова принимались за работу. По субботам работа заканчивалась в семь часов вечера, и певчие пели: «Коль славен наш Господь в Сионе», или «Боже, Царя храни», или «Отче наш», после чего все приступали к вечерней трапезе.

Взрослые работники фабрики завтракали, обедали и ужинали в две смены в столовой, в которой помещалось одновременно 120 человек. Завтрак, обед и ужин ничем не отличались друг от друга – щи с говядиной и каша, с «обильным прикладом хлеба». По воскресеньям давали пироги.

У мальчиков была своя столовая, но меню примерно то же: щи с говядиной, каша и жаркое и пироги по воскресеньям.

В здании фабрики была устроена больница на 8 кроватей. При больнице состояли доктор, фельдшер и прислужник. Амбарный Илья Сергеевич Смирнов всегда готов был провести по фабрике посетителей – вот только

неизвестно, нужно ли было записываться на экскурсию заранее и всем ли это было дозволено или же только лояльно настроенному журналисту.

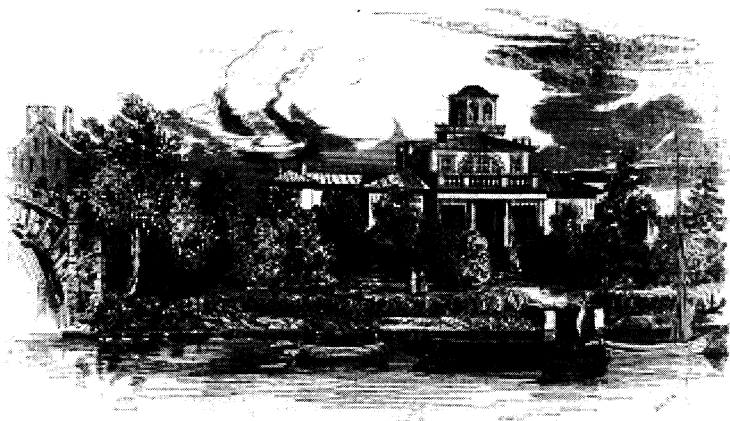
Певчие (или, как тогда говорили, «песенники») Жукова пользовались такою же известностью, что и его табак; они были работниками фабрики. Жуков нередко приглашал их с собой на загородные прогулки. Их можно было послушать и на даче знаменитого табачника. Например, 1 мая в Екатерингофе, где происходили ежегодные гуляния, на которых бывала и царская семья.

Жил Жуков на широкую ногу, как и подобает настоящему фабриканту, устройтелю крестьянского банка на своей родине, в Порхове, и петербургскому городскому голове. Его состояние превышало 20 миллионов рублей, да и государственная казна благодаря деятельности предпринимателя получала значительное приращение к ежегодному бюджету.

У Василия Григорьевича была в Екатерингофе дача «около моста, ведущего в Волынкину деревню, – как писал современник. – Дача эта была роскошно убрана, с великолепным садом, в пруде которого между живыми лебедями плавали искусно сделанные. В торжественные дни, когда у Василия Григорьевича собирались гости, из этих искусственных лебедей выпускались ракеты».

К этому рассказу тот же современник прибавляет, что к Жукову в загородный дом заходил император Николай I и «милостиво разговаривал с его женою Марией». Вспомним, что сам Николай не курил, но, видимо, отдавал должное деловым качествам табачного фабриканта. Впрочем, деловые интересы Жукова распространялись не только на табак.

Еще в 1847 году на Екатерининском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова), 117, по проекту архитектора Н. П. Гребенки были поставлены торговые бани В. Г. Жу-

Дача В. Г. Жукова в Екатиринофе

кова, прозванные горожанами, разумеется, «жуковскими»; бани дожили до наших дней, правда, не раз капитально переоборудованы и известны как «Лоцманские», ибо находятся на углу проспекта Римского-Корсакова и Лоцманской улицы (по тогдашней нумерации эти бани числились под номером 12 по Калининской, ныне Репина, площади). Жуков также держал бани на Обуховском проспекте, 11 (так тогда называлась часть Московского проспекта; здание не сохранилось).

В середине XIX века во владение надворного советника, потомственного почетного гражданина В. Г. Жукова перешел дом на углу Невского проспекта и Владимирской улицы (в известном «Атласе» Н. Цылова 1849 года этот дом числится под номером 63 по Владимирскому проспекту или 48 по Невскому проспекту). Помимо этого строения, Жуков держал также дом 4 на Михайловской площади – в 1844 году он продал его известным меценатам братьям, Михаилу и Матвею Виельгорским; этот дом

до сих пор называют «домом Виельгорских». Также он владел домом 94 по набережной Фонтанки, домами 22, 33 и 34 по Гороховой улице*, домами 12 по Обуховскому (Московскому) проспекту, 12 и 19 на Калинковской площади, 11 по Петергофскому (ныне Старо-Петергофский) проспекту, 87 по набережной Фонтанки, 1, 11 и 18 по Лештукову переулку (последний – на углу Загородного проспекта).

Еще Жуков содержал богадельню и приют в Псковской губернии.

К середине 1850-х годов Василий Григорьевич был коммерции советником, членом совета Коммерческого училища, почетным членом Демидовского дома призрения трудящихся, членом медико-филантропического комитета, попечителем и главой комитета Санкт-Петербургской детской больницы, почетным старшиной Жуковского приюта, названного, естественно, в честь Василия Григорьевича. Попечительницей приюта была Ю. В. Шереметева, а ее помощницей супруга Жукова – Мария Александровна.

А. С. Пушкин прославил домовладельца, фабриканта и благотворителя в следующих строках:

...Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завести...
И снискивать в труде себе барыш и честь...

Участник кружка М. В. Бугашевича-Петрашевского, пропагандиста социалистических идей 1840-х годов Д. Д. Ахшарумов в 1849 году оказался в Петропавловской крепо-

* Дом 34 – четырехэтажное здание, выстроенное по проекту Н. П. Гребенки в 1845 году (он также числится под номером 31 по Садовой улице).

сти (отнюдь не по доброй воле). Привожу отрывок из его воспоминаний:

«Однажды с ветром залетел ко мне в фортку табачный дым, и запах этот, которого я давно не слышал, был мною воспринят с особенным удовольствием. Я курил в то время, и хотя лишения этого ввиду лишения вообще свободы я почти не чувствовал, но при ощущении приятного запаха прежде любимого мною курения я пожалел, что у меня нет нужных для того припасов, и при первом же отворении двери я спросил об этом дежурного офицера. Он очень любезно ответил, что курение дозволяется, но только на свой счет. Я сказал, что в день ареста у меня был в кармане кошелек с несколькими рублями, и просил его купить мне какую-нибудь простую, небольшую трубку – тогда папирос еще не было (ошибка мемуариста! – И. Б.) – и Жукова табаку. Желание это было исполнено в тот же день; не помню я, какая трубка у меня была, но четвертьфунтовую, в синей бумаге, пачку знаменитого желтого «Жукова кнастеру» едва ли кто из куривших его в прежние времена может забыть. Аромат его, кажется мне, и теперь я узнал бы из множества в природе существующих запахов так же, как и впоследствии *Mariland* (правильно: *Maryland*. – И. Б.) *doux* и соломенных пахитос. Как мне ни было тоскливо и отвратительно на душе, но, набив трубку милейшим табаком и потянув его, я почувствовал как бы разлившееся по жилам моим приятнейшее ощущение».

Потом, правда, «оно сделалось обыкновенным», но так и всегда бывает с курением – сначала хорошо, а потом плохо.

Говоря об успехах Жукова, «Северная пчела» писала: «Он развил эту отрасль промышленности, распространил, усовершенствовал и довел до того, что делаемый в России табак стали выписывать как лакомство за границу». И разумеется, в заслугу «русскому самородку» следу-

ет отнести то, что он практически вытеснил с отечественного табачного рынка «вакштаф», «канастер» и в особенности «дрейкениг» («три короля»). Этот последний табак назывался так в память «Священного союза трех монархов» – российского, австрийского и прусского, заключивших 26 сентября 1815 года союз в Париже. Иностранные табаки, уносившие за пределы Российской империи ежегодно миллионы рублей, доставлялись в Петербург из Гамбурга в период навигационного сезона, что обходилось чрезвычайно дешево и без конкуренции.

Во второй половине XIX века дела у Жукова пошли на убыль (уже в начале 1860-х годов «вакштаф» его фирмы трудно было приобрести в Петербурге, не говоря уже о провинции), ибо петербургские курильщики переориентировались на папиросы. Жукову не удалось наладить их производство, хотя такие попытки им и предпринимались. В справочнике по Петербургу, вышедшем в свет в 1874 году, его фабрика упоминается как «одна из старейших... Лет 30 назад пользовалась огромной известностью; ныне производит на сумму не свыше 140 тыс. руб.».

В 1870-е годы, не выдержав папиросной конкуренции, предприятие Жукова прекратило существование. Фамилию удачливого фабриканта, однако, будут вспоминать еще долго, ибо она увековечена его современниками, в частности, литераторами. Так В. В. Крестовский, автор «Петербургских трущоб», писал: «Пар от пуншевого стакана и дым “жукова”, выпускаемый из длинного черешневого чубука, наполняли комнату особенным благоуханием».

Современник фабриканта, между тем, справедливо отмечает: «Успех Жукова возбудил ревность в других, и мало-помалу развелось у нас столько табачных фабрик, что теперь их по несколько на каждой улице».

5. Жуков табак

Все так, однако табак Жукова еще долго спрашивали не только в Петербурге, но и далеко за его пределами.

С начала 1850-х годов Жуков жил в доме 2 по Лештукову переулку (ныне переулок Джамбула), в квартире 19 – тогда дом числился под номером 71 по набережной Фонтанки, а ныне по набережной Фонтанки, 80. На этом переулке Жуков владел в разные годы как минимум тремя домами. Право, стоило бы отметить последнее пристанище Василия Григорьевича мемориальной доской в память об этом поистине уникальном человеке, без которого история Петербурга неполна (а история Лештукова переулка – тем более!). Переулку Джамбула, носившему с конца XVIII века фамилию лейб-медика Ж.-А. Лестока, до неузнаваемости искаженную петербуржцами, давно бы пора вернуть его исконное имя. Как и нынешней улице Жукова (не путать с проспектом Жукова, названным в честь маршала Г. К. Жукова). Улица Жукова впопыхах была наименована 4 августа 1923 года в честь безликого и давно и заслуженно забытого коммунистического функционера. Не следует ли и ей возратить ее родное название – Варваринская улица?

6. «ЛАФЕРМ», или БАЙКИ ДЯДИ КОРНЕЯ

В 1840-е годы в Петербург в качестве специалиста-гидропата* прибыл немецкий барон Йозеф Гоффман. Не найдя работы по профессии, он в начале ноября 1852 года открыл на Невском проспекте, в «Пассаже», небольшую табачную лавку с мастерской и занялся в ней изготовлением папирос на продажу. В Петербурге выходца из Галиции, бывшего католического священника, ставшего к 1850-м годам бароном Йозефом Гупманом де Балбелла, несостоявшегося гидропата, сделавшегося табачником, стали называть на русский манер – Осипом Михайловичем.

В 1868 году московский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Роберт Шпис (1819–1897) и фридрихсгамский, а также Санкт-Петербургский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Вильгельм Стукен (1821–?; занимался биржевыми операциями в фирме «Стукен и Шпис») совместно с временным Санкт-Петербургским 2-й гильдии купцом** Йозефом Гупманом (в учредительных документах он также назван

* Т. е. специалист в области гидротерапии или водолечения.

** Во временные купцы зачислялись предприниматели других сословий – крестьяне, мещане, дворяне или иногда купеческие родственники, представлявшие торговые интересы фирмы в другом городе. Временные купцы, выбрав купеческое свидетельство, приобретали торговые права, но при этом продолжали числиться в своем прежнем сословии.

«австрийским помещиком») основали табачную фабрику «Общество табачных изделий “Лаферм”» (Гупман, правда, в то время находился в Дрездене, где владел другой табачной фабрикой, что не помешало ему стать основателем и петербургского производства). Первое время фабрика помещалась на Невском проспекте, 46 (дом купца Лихачева, на месте которого в 1902 году по проекту Л. Н. Бенуа было построено здание Московского купеческого банка). С целью расширения дела В. Стукен и Р. Шпис в 1870 году купили земельный участок площадью 447,5 акров на углу 9-й линии и Среднего проспекта Васильевского острова, принадлежавший немецкому архитектору Карлу Ивановичу Лоренцену.

В 1874 году Шпис приобрел дрезденскую фабрику Гупмана «Лаферм» («*Laferme*»), а в 1881 году получил и долю Стукена в петербургской фирме. В том же году из-за разногласий между компаньонами фирма «Стукен и Шпис» прекратила свое существование. Новые таможенные пошлины на импорт табака, введенные для более успешного развития табакводства на юге России, привели к кризису фирмы «Лаферм», которая импортировала табак с Балкан и из Турции. Сын Роберта Шписа, Альберт, взял на себя руководство с намерением восстановить репутацию фирмы. В 1889 году фабрика купила 486 квадратных метров производственной площади у Я. Н. Цизирева на 11-й линии Васильевского острова, в 1898-м – 600 квадратных метров у Е. Н. Попова на Среднем проспекте, в доме 38, и в 1906 году – 600 квадратных метров у англичанина Шеперсона на 9-й линии. В 1892 и 1895 годах на табачную фабрику «Лаферм» работали архитекторы Юлий Юльевич Бенуа и Рудольф Карлович Мюллер (Миллер). По их проектам были надстроены производственные корпуса и возведен домовый флигель (впоследствии вошел в состав других зданий). Кроме того, в конце XIX века фирма регулярно

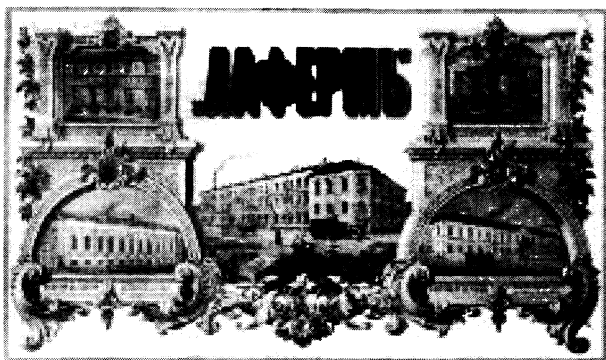
приобретала земельные участки на побережье Черного моря, где находились большие табачные плантации.

Фабрика «Лаферм» добилась права именоваться «Поставщик Высочайшего двора» и помещать герб Российского государства на своих изделиях. В 1870 году она стала паевым товариществом (устав его был утвержден Александром II в январе). Это первое в мире производство по выпуску сигарет.

Папиросы на фабрике выпускали меньшей величины, чем у Миллера, и из лучшего табака. Тонкие и длинные назывались «Ферезли», короткие и толстые – «Пажеские», на две или три затяжки – «Антракт». Успех этих папирос, в особенности «Ферезли», был исключительный. Эти папиросы курили все, независимо от возраста и положения. В водевиле «Нет действия без причины» (француза Ж.-Ф.-А. Байяра в обработке П. С. Федорова) актриса М. В. Самойлова приводила зрителей в неописуемый восторг исполнением куплетов на избитый мотив какой-то польки, начинавшихся так:

Папироска, друг мой тайный,
Как тебя мне не любить,
Не по прихоти ж случайной
Стали все тебя курить.

«Приобретенные нами американские паровые машины вырабатывают по 200 000 папирос в сутки», – сообщала реклама товарищества «Лаферм» в 1890 году. И предлагала попробовать новые папиросы «Барские»: «Ни одна фабрика в России не в состоянии отпустить за такую цену таких превосходного качества папирос». Наверное, так и было. В 1913 году руководители фабрики писали, что «начало папиросной промышленности было положено фабрикой “Лаферм” в России, и опять-таки Т-вом “Ла-

ферм», в середине прошлого столетия эта промышленность была перенесена в Германию и благодаря продаже русских папирос «Лаферм» проникла почти во все страны мира». Действительно, к началу XX века папиросы и сигареты «Лаферм» были хорошо известны в Европе (прежде всего следующие марки – «Друг», «Ира», «Дюшес», «Прима»).

С 1898 по 1912 год оборот фабрики утроился, особенно быстро росла прибыль. Альберт Шпис писал брату Георгу, что «Лаферм» – исключительно выгодное предприятие, приносящее прибыль аж до 33%. О реакции брата удачливого предпринимателя на эту цифру мы ничего не знаем, но нам она внушает некоторое сомнение – уж слишком велика.

В чем сомневаться не приходится, так это в том, что возведенные в 1908–1913 годах производственные корпуса фабрики (архитектор Роман Иванович Кригер; Васильевский остров, Средний проспект, 36/40) – не просто табачная фабрика, а памятник архитектуры в стиле «модерн».

В начале XX века на петербургской фабрике «Лаферм» было занято 1500 рабочих, а перед началом Первой мировой войны их было уже 2560.

Поначалу на фабрике не было никакой механизации. Для резки табака использовался так называемый «греческий станок», состоявший из корыта и прикрепленного к нему ножа, который поднимался и опускался вручную. Коленом левой ноги табак прессовался в корыте и ладонью левой руки подавался под нож. За 10–12 часов работы выработывалось 40–50 фунтов (около 20 килограммов) табака. Позднее появился станок с рычагом-ножом, который также приводился в движение рукой, но нога в работе уже не участвовала. За 10 часов с помощью этого станка можно было приготовить уже до 100 килограммов табака. Потом у этого станка появилось маховое колесо, которое приводил в движение рабочий, называвшийся «вертельщиком».

Раструска табака производилась на столах вручную. Вручную изготовлялись, клеились и набивались табаком гильзы. Вручную укладывались папиросы в коробки. Только в 1892 году на фабрике появилась первая гильзовая машина, правда, мундштук в гильзу по-прежнему вставляли вручную. К концу века появилась папиросонабивная машина, облегчившая нелегкий труд табачников.

Фабрика имела четыре специальных магазина в Петербурге и один в Москве. В 1912 году, когда фабрика по производству сигарет стала второй по оборотам в России (первой была симферопольская «Сисма»), руководство фирмы решило расширить предприятие и основать «Общество русских табачных фабрик под фирмой Лаферм», с каковой целью были поглощены конкуренты: в январе 1913 года за 340 000 рублей была куплена табачная фабрика общества «Оттоман» с основным капиталом в 5 миллионов рублей. Спустя некоторое время Шпис купил Товарищество «Богданов А. Н. и К^о» с основным капиталом 3,5 миллиона рублей, с двумя тысячами работников, а потом и «Дукат. Товарищество табачной фабрики» с основным капиталом в 1,5 миллиона рублей. Эта фабрика

6. «Лаферм», или Байки дядюшки Корнея

находилась в Москве. Основной капитал самого «Лаферма» возрос таким образом до 8,5 миллионов рублей. Шпис на этом не остановился и обратился к правительству с просьбой разрешить ему увеличить основной капитал нового общества до 15 миллионов рублей, однако правительство решило, что может произойти монополизация рынка, вслед за чем последует повышение цен. В конце концов «Общество русских табачных фабрик под фирмою Лаферм» было зарегистрировано, однако увели-

чение основного капитала до 15 миллионов рублей и объединение с «Дукатом» не были разрешены.

К началу Первой мировой войны товарищество «Лаферм» поглотило многих своих конкурентов и превратилось в трест, вобравший в себя 14 крупнейших фабрик России и контролировавший две трети производства табачных изделий. Трест захватил всю скупку сырья и мог эффективно влиять на табаководческие районы Закавказья, Крыма, Харьковской, Бессарабской и других губерний.

В 1914 году фабрика выпускала около 22 миллионов сигарет в день (в общем объеме российского производства сигарет доля фирмы достигала 20%). И хотя дела ее шли успешно, на фабрике понимали, что без рекламы не обойтись, и был придуман образ некоего «дяди Корнея». Вот какими виршами потчевали питерскую публику со страниц газет хозяева «Лаферма» устами дяди Корнея в первые дни 1909 года:

«Молодец», «Трезвон», «Фру-фру»*
В народившемся году –
Всем желают лишь удач,
Без потерь и неудач.
И «Медок» с «Зефиром» вместе
Прочат выигрыш тысяч в двести –
Тем, кто им любовь свою
В новом сохранит году.

А вот еще образец рекламного стихотворчества:

Если зубы одолели,
Сразу хором заболели,
Нуют и сверлят на смену,
И вы лезете на стену,
Если лопнуло терпенье,
Мой совет Вам как лечение
«Яр» курите, и тогда
Остальное – ерунда.

* «Фру-фру» – от фр. *frou-frou* – шелест (шелкового платья).

В своих финансовых делах товарищество «Лаферм» придерживалось принципа прозрачности. Согласно отчету за 1915 год (председателем правления товарищества тогда был Морис Эмилиевич Верстрат, бывший также вице-председателем правления Русско-азиатского банка, крупнейшего коммерческого банка России), от продажи изделий было выручено в том году 19 миллионов рублей, а расходы составили более 16 миллионов рублей (на листовую табак, уплату акцизов, жалованье служащим и рабочим и пр.). Валовая прибыль предприятия составила 2 миллиона 700 тысяч рублей. «На разного рода нужды войны» было пожертвовано 35 тысяч рублей, а на рекламу затрачено 269 тысяч – наверное, в расчете на то, что даже те, кто не курит, должны были знать назубок названия папирос, выпускавшихся «Лафермом». Например, «Незабудка» – «из турецких табаков последнего урожая высоких качеств». Или «Набат».

Папиросочка «Набат»
Лучше многих во сто крат,
Упаковочка с умом,
И отменный вкус притом,
Словом, сорт хорош собой
И доступен всем ценой,

– эти строки тоже из «собрания» дяди Корнея.

Однако перейдем от высокой поэзии к суровой и – увы! – печальной прозе, ибо всякому делу, даже самому успешному, приходит конец.

Генеральным директором фирмы долгое время был Альберт Робертович Шпис (1859–1930). Взяв на себя руководство предприятием в 1889 году, он сохранял его до 1914 года. Вначале Шпис жил на 2-й линии, в доходном доме В. Ф. Штрауса (№ 9), построенном в 1873–1874 годах по проекту И. С. Китнера и В. А. Шретера, позднее – на Биржевой линии, в доме 1 (ныне здание Библиотеки Академии наук) и наконец – на 1-й линии, в доме 28. Это весьма примечательный дом в истории немецкого Петербурга. Он выстроен в 1858–1859 годах по проекту Людвига Людвиговича Бруни, планировкой квартир в нем занимался Александр Константинович Бруни, с 1860 года домом владел гофмаклер С.-Петербургской биржи Константин Карлович Фелейзен, а среди жильцов дома был петербургский 1-й гильдии купец Генрих Шлиман, первооткрыватель Трои.

В начале Первой мировой войны Шписы уехали из России, лелея надежду вернуться в Петербург.

В октябре 1918 года, согласно декрету Совнаркома, от 28 мая фабрика «Лаферм» стала называться «1-й Госфабрикой/бывшей “Лаферм”», а в 1922 году – «1-й Государственной фабрикой им. М. С. Урицкого». В соответствии с декретом Совнаркома о национализации про-

6. «Лаферм», или Байки дядюшки Корнея

мышленности от 28 июня 1918 года имущество Шписов было конфисковано.

Альберту Шпису так и не довелось возвратиться в Россию. Он умер в Финляндии в 1930 году, где до самой смерти был директором «*British-American Tobacco Company*». В Дрездене табачная фабрика под названием «Лаферм» продолжала существовать до конца Второй мировой войны.

7. ФАБРИКА А. Н. ШАПОШНИКОВА, или БАЙКИ ДЯДИ МИХЕЯ

Основание фабрики А. Н. Шапошникова связывают с именем Екатерины II.

Существует легенда, будто гулял как-то в теплый августовский день 1763 года в лесу под Петербургом (по другим сведениям – близ Загородного проспекта) действительный статский советник Г. Н. Теплов, назначенный, как мы помним, Екатериной II надзирать над отечественной табачной промышленностью. И повстречался ему старец, который изрек: «Да будет славно имя твое! Знай, что на этом месте через 150 лет будет процветать табачная фабрика – величайшая и первая по качеству своих изделий».

Все сбылось, правда, старец ошибся в сроках – фабрика Шапошникова появилась в этом месте не через полтора столетия, а раньше. А легенда эта была отображена на самых популярных шапошниковских папиросах – «Осман» и «Тары-бары».

В 1868 году Александр Николаевич Шапошников получил в наследство от матери, Пелагеи Шапошниковой, приехавшей некогда с сыновьями (другого сына звали Владимиром) в Петербург из Коломны, табачный магазин на Караванной улице, 22. Дело оказалось прибыльным, и Шапошников, когда встал вопрос о продолжении карьеры, решил открыть собственное производство.

2 января 1873 года купцами Адольфом Михайловичем Шопфером и Александром Николаевичем Шапошниковым была основана табачная фабрика «А. Н. Шапошников и К^о». Поначалу она разместилась в Чернышевском переулке, в доме Ларионова, у Обуховского моста. До этого дом был занят сигарной фабрикой Шопфера. Шапошников заключил с Шопфером договор на три года, согласно которому 12 рабочих на двух ручных станках будут крошить табак и изготавливать папиросы. С этого времени началась история табачной фабрики и компании «А. Н. Шапошников».

Первые три года фабрика выпускала курительный табак и папиросы под маркой «Шопфер и Шапошников», но в 1876 году Шапошников перевел фабрику на Забалканский проспект, в дом Жукова, у Обводного моста. Здесь фабрика начала работу 9 сентября 1876 года, и с этого времени все ее изделия выпускались под маркой «А. Н. Шапошников».

Начиная дело, купец 2-й гильдии А. Н. Шапошников (родился в 1832 году, в купечестве состоял с 1869 года) располагал лишь доходами от табачной лавки на Караванной улице, больших денежных средств у него не было. Первоначальным капиталом Александра Николаевича стали его личные качества: неиссякаемая энергия и настойчивость, способность доводить начатое дело до конца, знание всех тонкостей табачного промысла и предприимчивость. Нельзя было забывать и о конкурентах, ведь когда Шапошников основал свое производство, в Петербурге было 24 фабрики.

Шапошников начинал дело с дюжиной работников и двумя ручными станками для крошки табака. Однако уже в первый год работы фабрики ее годовой оборот составил 52 980 рублей. К 1877 году на ней было занято уже около двухсот человек.

Основным принципом деятельности своей компании Шапошников считал обязанность «всегда выходить навстречу вкусу потребителя, насколько он ни был бы разнообразен», чтобы «угодить покупателю и качеством, и дешевизною изделий, а главное... дать потребителю хорошие папиросы по недорогой цене». Помимо этого, Шапошников поставил перед собой задачу познакомить российского потребителя, привыкшего курить папиросы ручной набивки, с настоящими фабричными папиросами.

В первые несколько лет после начала производства папиросы и табак Шапошникова продавались только в Петербурге. Однако со временем ему удалось завести обширный круг связей в купеческой среде Петербурга и Москвы. В этот круг в начале 1870-х годов в Петербурге входили пользовавшиеся широкой известностью табачные компании С. И. Андреева и Г. С. Семенова, в Москве – братьев Шемшуриных, В. Белоусова, А. Викторсона, С. Калинина.

В 1874 году фабрика стала сбывать свои изделия в города Прибалтики, а в 1875 году начали развиваться торговые отношения с Варшавой и другими городами Царства Польского и Западного края, а также с Германией.

Немалое значение фабрикант придавал и попечению о нуждах рабочих и заботам об улучшении их быта. Требуя от рабочих исполнительности, Шапошников снисходительно относился к их промахам и ошибкам, но не к нерадению. Будучи натурой широкой, Александр Николаевич стремился щедро вознаградить каждого труженика за работу. Установленная им заработная плата была выше, чем на других петербургских табачных фабриках. Шапошников устроил на территории фабрики кухню и столовую. Рабочие относились к своему хозяину с уважением, и многие, особенно те, кто начинал работу у него

А. Н. Шапошников

со времени основания фабрики, навсегда связали свою судьбу с ее деятельностью.

Неизменное доверие покупателей и торговцев придавало Шапошникову новые силы в деле упрочения и расширения производства. Растущий спрос на табак и папирсы фабричного производства требовал увеличения масштабов деятельности; фабрике стало не доставать места в занимаемых ею помещениях.

В 1880 году на предприятии Шапошникова было переработано уже 4800 пудов листового табака и выпущено около 75 миллионов штук папирос. В том же году Шапошников решил приобрести земельный участок и здание под фабрику на Клинском проспекте, 25, для организации производства и занятости 800–900 рабочих. Однако купленный им дом изначально не был приспособлен для размещения фабрики и требовал значительных переделок. К тому же пришлось дополнительно построить несколько производственных помещений. Не прерывая управле-

ния производством на фабрике, Шапошников руководил новым строительством, оставаясь на стройке по несколько часов в любую погоду, не щадя здоровья, не ведая усталости.

Строительные работы были закончены в начале 1881 года, и к 10 апреля машины, станки и все имущество фабрики было перевезено в новое здание. Все было готово для открытия работ, но сделать это основателю фабрики и «первому ее труженику» было не суждено. Простудившись, Шапошников получил осложнение в виде брюшного тифа и скончался 18 апреля 1881 года на 50-м году жизни.

После смерти А. Н. Шапошникова осталось немало имущества – собственный дом на Клинском проспекте, где он жил, склады в Мытном дворе и на Боровичской улице (ныне не существует) в Петербурге, а также склады в Крыму, в Ялте. Все это перешло во владение его жены, 32-летней Екатерины Николаевны. Она родилась в 1849 году, в девичестве Богданова, в купечестве состояла «при муже» с 1869 года, самостоятельно – с 1882 года по 2-й гильдии, с 1899-го – по 1-й гильдии. Войдя в дело мужа, она унаследовала и его неутолимую жажду деятельности, предприимчивость и неиссякаемый интерес ко всему тому, что относится к делу (с табачным производством она начала знакомиться еще при жизни мужа, будучи ему верной помощницей). К этому добавились и ее личные качества – дальновидность, цепкость, восприимчивость к новшествам – что дало ей возможность не только приумножить богатства фабрики, но и сделать ее одной из крупнейших в России. Ближайшими сотрудниками Шапошниковой стали брат Константин Николаевич Богданов и Богдан Петрович Муркен, служивший на фабрике при покойном муже (оставил фабрику в 1895 году).

Повея дело самостоятельно, при поддержке близких людей, Шапошникова быстро сделалась профессио-

7. Фабрика А. Н. Шапошникова, или Байки дяди Михея

А. Н. Шапошников

Е. Н. Шапошникова

налом и заслужила прозвание «табачной королевы». Она интересовалась решительно всем, что происходило на фабрике: сортировкой и резкой табака, качеством мешков, дегустировала производимую продукцию, пробуя на вкус табак и папиросы. Не оставляя без своего внимания ни одной мелочи, она считала своей обязанностью осмотр каждой партии поступавшего на фабрику табака. Вдова-наследница сама вела торговые переговоры с поставщиками листового табака, не тяготилась продолжительными и частыми путешествиями на юг России для закупки сырья. Неоднократно бывала в Москве, Варшаве, других городах, знакомясь с положением дел в табачной торговле, и брала на себя переговоры с представителями торговых компаний. Со стороны партнеров к преемнице Шапошникова утвердилось такое же доверие, какое они питали к основателю производства.

Выпускавшиеся на фабрике табачные изделия были в основном средних и низших сортов, что позволяло вы-

пускать более дешевые папиросы, пользовавшиеся спросом у большинства покупателей. Ставка была сделана на массовое потребление, вполне в соответствии с бытовавшей тогда в России (и – увы! – канувшей в Лету) присказкой: «Третий сорт не хуже первого».

Екатерина Николаевна тщательно следила за качеством выпускаемых изделий, направляя деятельность компании на дальнейшее развитие и совершенствование производства. На фабрике широко использовались самые передовые по тем временам усовершенствования в области технологии табачного производства, позволявшие экономить труд и оберегать здоровье рабочих. На смену ручным станкам, требовавшим тяжелого труда при крошке табака, в 1880-е годы пришли специальные механические станки с двигательной силой от газового мотора; ручная раструска крошеного табака для устранения едкой табачной пыли стала производиться машиной в закрытых барабанах. Ручная клейка гильз для папирос постепенно заменялась машинным способом приготовления гильз без клея. Первые гильзовые машины на табачных фабриках Петербурга были поставлены на фабрике «А. Н. Шапошников» в 1888 году – значительно раньше, чем на других подобных предприятиях. И тут надо сказать несколько слов об одном из механиков, работавшем на фабрике Шапошникова.

Иван Александрович Семенов, выпускник Технологического института, поступил на фабрику в 1887 году, а уже спустя два года сконструировал более производительную гильзовую машину для табачной промышленности. Спустя несколько лет при материальной поддержке фирм А. Н. Шапошникова и А. Н. Богданова он открыл на углу Обводного канала и Серпуховской улицы собственную механическую мастерскую по производству гильзомундштучных и табачно-набивных машин. Накануне Первой

мировой войны Семенов являлся владельцем механического завода табачных машин с 450 рабочими. Продукция этого завода, основанного в 1890 году на Карповке, была отмечена золотыми медалями на Всемирной выставке в Париже в 1902 году и на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге в 1903 году. Семенов, кроме того, владел лесопильным заводом и столярной фабрикой в Старой Деревне, основным пайщиком которых была Шапошникова. Уже в советское время, в 1922 году, на базе механического завода Семенова был создан механический завод им. Макса Гельца (деятель германского рабочего движения), а в 1946-м – Ленинградский завод полиграфических машин (позднее – производственное объединение «Ленполиграфмаш»).

Радея о развитии производства и улучшении качества продукции, Шапошникова не забывала о рабочих, неизменно откликалась на их нужды, помогала работникам фабрики и их семьям в случае болезни кого-нибудь из них. По возможности щедро награждала рабочих, проявлявших особое прилежание и трудолюбие.

В 1883 году при фабрике были устроены для рабочих лечебница и аптека с бесплатным отпуском лекарств и перевязочных материалов, имелись свои врач и фельдшер. Для матерей, работавших на фабрике и не имевших возможности оставлять малолетних и грудных детей дома в рабочие дни, были устроены ясли. В праздничные дни на фабрике проводились религиозные православные беседы, которые посещали и те, кто на фабрике не работал. Была открыта и библиотека с бесплатным отпуском книг на дом. В 1898 году, в память двадцатипятилетия со дня основания фабрики «А. Н. Шапошников», Екатерина Николаевна сделала пожертвование отделению Всероссийского общества трезвости на устройство дешевых квартир, которыми могли пользоваться и некоторые из

отличившихся усердием рабочих фабрики. Екатерина Николаевна была председателем Забалкано-Нарвского отделения Общества попечения о бедных и больных детях. В праздничные дни, чтобы отвлечь рабочих от пьянства, им предлагалось принять участие в беседах религиозно-нравственного содержания, и многие (в том числе и посторонние) откликнулись на эти приглашения.

Развивавшееся производство табачных изделий, прежде всего папирос, давало возможность хозяйке фабрики установить хорошее жалованье значительному числу рабочих, особенно женщинам.

В 1875 году число рабочих на фабрике составило 80 человек, в 1896-м – более тысячи, в том числе около 850 женщин (точнее – 125 мужчин, 7 мальчиков, 825 женщин и 17 девочек). Дети занимались оклейкой бандеролью пакетов и присматривали за механическими станками, зарабатывая от двух до трех рублей в неделю.

В 1897 году было развернуто строительство во дворе фабрики: построены новые здания рабочих общежитий, отвечающих всем санитарным и гигиеническим нормам того времени (архитектор В. П. Цейдлер).

Увеличение объемов производства фабрики в 1880-е годы вызвало необходимость расширения складского хозяйства фирмы. Были устроены склады листового табака в Крыму и на Кавказе. Первый склад был открыт в Бахчисарае в 1885 году. Устройство таких региональных складов избавляло производителей табака от необходимости иметь дело с сезонными спекулянтами.

Сбыт фабричной продукции не ограничивался уже освоенными рынками, а распространялся на всю Россию и на рынки иностранные. С 1873 по 1898 год главный рынок сбыта находился в Варшаве, где компания сотрудничала со многими известными торговыми домами. Это взаимовыгодное сотрудничество и обоюдное доверие на

почве общих интересов служили развитию и укреплению авторитета фабрики в Царстве Польском.

Производительность фабрики в 1889 году выразилась в следующих показателях: было переработано 18 718 пудов листового табака, выпущено 13 084 пудов курительного табака и 176 миллионов папирос. Фабрика уплатила в казну 437 258 рублей акцизного сбора. Штат фабрики составлял 850 человек. В 1897 году фабрикой было переработано листового табака 24 078 пудов, выработано курительного табака 15 122 пуда и выпущено 264 933 000 папирос. В том году фабрикой Шапошникова уплачено акцизов 600 564 рубля, а годовой оборот составил 1 430 840 рублей. В 1901 году показатели работы фабрики составляли соответственно 25 083 пудов листового табака, 15 240 пудов курительного табака и 305 миллионов папирос. Акцизный сбор составлял 696 453 рубля, штат – 1100 человек. Годовой оборот фабрики, составлявший в 1873 году 53 000 рублей, в 1901-м превысил 1,5 миллиона рублей.

Не забывали на фабрике «А. Н. Шапошников» и о рекламе, и для этой цели был придуман «дядя Михей». Под этим псевдонимом скрывался стихотворец, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов Сергей Аполлонович Короткий.

«Дядя Михей» извещал «почтенную публику»:

Сегодня утром почтальон
Принес письмо, в письме – поклон
И целых пять рублей!!!
Богат, как сам Пьермон Морган,
Курю я «Пери» и «Осман»,
И никаких гвоздей!!!

Про упомянутые папиросы «Пери» «дядя Михей» сочинил и стихи, помещенные на коробке, в которой они продавались:

От Москвы вплоть до Батума,
От Варшавы до Сухума,
От Архангельска до Твери
Всюду курят только «Пери»,
Даже строгий Питер «Пери»
Распахнул широко двери.

А вот как «дядя Михей» в 1916 году на страницах петербургских газет расхваливал папиросы «Золотая соломка»:

«Златая соломка» – табачный цветок.
Пахуч он и нежен, как розы листок.
От гурии рая несет Вам привет!
Такой папиросы не видывал свет!

А поскольку шла Первая мировая война, рядом со стихами были изображены батальные сцены и крупно набраны патриотические лозунги. Во время войны увеличился выпуск махорки – самого популярного «окопного курева». Изменения затронули и оформление пачек папирос: все настойчивее проявлялась военная тематика.

В «Записках старого петербуржца» писатель Лев Успенский вспомнил вагоновожатого Ваню Герасимова, называвшего себя «поетом». Стихи самоучки не были «творением высокого таланта», что позволило Успенскому отметить – «образцом ему был скорее “дядя Михей”, чем кто-нибудь из классиков».

И, тем не менее, петербуржцы с интересом читали, например, сенсационное сообщение о том, что в Нижнем Новгороде, на реке Оке, будто бы появился морской змей. Бесстрашно погнавшийся за чудовищем некий чин речной полиции сразил его метким выстрелом наповал. И выяснилось: «Будучи прибуksирована к берегу, она (змея. – *И. Б.*) оказалась колоссальной длины, и самое

7. Фабрика А. Н. Шапошникова, или Байки дяди Михея

Репертуаръ Дяди Михея.			
Понедѣльникъ.	К У Р Е Т Ы	„Я Е Р И“	П Е Н И С И Л
Вторникъ.		„О С М А Н Ъ“	
Среда.		„Д Е С С Е Р Т Ъ“	
Четвергъ.		„Е В А“	
Пятниця.		„Н А П Р Ъ“	
Суббота.		„К Р Е М Ъ“	
Воскресенье.		„Е Г И П Е Т С К И Й“	
<p>Высшая катедра въ Римѣ и германск. фабрик Т-ва А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К^о. Имя: Турец. Шерки и Меланжъ и др. марокъ Носилки: Абиди и друг. французск. фабрикъ. Декорации: Кайенн, Марусъ и Шарки. Папки: выданы Н. А. Савиной и А. Г. Меланжъ, посланы на выставку въ Моск. выставку 1909 г. и др. марокъ</p>			

удивительное то, что от ее головы по всему туловищу шла надпись: «Курите только вкуснейшие папиросы “Осман”».

Тут же, в следующих строках заметки, возникал дядя Михей, который утверждал, что, разумеется, и без этой страшилки публика предпочитает папиросы «Осман» всем другим маркам. И, конечно, он был прав – «Слово дяди Михея твердо как сталь». И как же ему не верить, если даже будто бы французский президент Пуанкаре, со слов дяди Михея, поблагодарил его за превосходные папиросы «Осман» и «Меланж», поднесенные им высокому гостю.

«Дядя Михей» старательно расхваливал едва ли не всю продукцию шапошниковской фабрики:

Всегда вперед
«Десерт» идет:
То качество причиной.
За вкус «Каир»
Берет весь мир;
Сработан он машиной.

Подобные рекламные ходы использовались как в периодической печати, так и в специально отпечатанных листках и на открытках, распространявшихся по всему Петербургу. Рифмованные двустушия стали регулярно появляться на пачках шапошниковских папирос:

Курите «Еву» – наслаждение!
Гласит общественное мнение!

В начале XX века в Петербурге было установлено много табачных ларьков, в которых продавались папиросы фирмы «А. Н. Шапошников». И это тоже реклама крупной табачной фирме, просуществовавшая, в виде отдельных киосков, не разобранных буйной новой властью, до 1920-х годов.

Развитие папиросного дела, между тем, отвечало и интересам казны, которая получала весьма значительные доходы в виде акцизных сборов. Так средний акциз, уплачиваемый с продукции фабрики «А. Н. Шапошников», был выше средних акцизов других российских фабрик. По установлению Акцизного Ведомства на совещании в Департаменте неокладных сборов в октябре 1893 года, он доходил до 58–66 копеек с фунта, в то время как средний табачный акциз по всем фабрикам Империи составлял только 48 копеек с фунта.

С 1873 по 1902 год на фабрике «А. Н. Шапошников» было переработано листового табака всего около 404 314 пудов, в доход казны было уплачено 10 735 609 рублей акциза серебром.

Шапошниковские папиросы и в самом деле продавались «от Москвы до Батума». Например, в Екатеринбурге. В тамошней газете «Деловой корреспондент» представители петербургской фабрики поместили 1 января 1895 года следующее рекламное объявление: «Розничные магазины Торгового дома “Братья Агафуровы” в Екатеринбурге и Тюмени просят господ любителей табаку обратить внимание на особенно выдающиеся качества и свежесть табаков “Экстра-Заказной”, приготовленный исключительно для розничной продажи в $1/2$ -фунтовых пачках ценою 1 рубль 20 копеек, 1 рубль 50 копеек, 2 рубля 50 копеек, 3 рубля, 4 рубля и 5 рублей за фунт фабрики А. Н. Шапошникова в Санкт-Петербурге, цены оным табакам по бандероли без скидки, а на другие сорта делается скидка при покупке не менее фунта».

Впечатляющие результаты хозяйствования фирмы не остались без внимания правительства и купеческих гильдий Российской империи. За расширение производства табачных изделий, их высокое качество и за попечение о нуждах рабочих табачная фабрика «А. Н. Шапошников» была награждена серебряной медалью на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 году и золотой медалью на выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году.

Побывавший в 1904 году на фабрике Шапошниковой специалист по производству табака М. Смолич увидел «обширную чистую кухню и столовую на верхнем этаже, горячую пищу, кипяток». Не прошло мимо его внимания и отделение для подростков, которые занимались заклеиванием папиросных коробочек. То были дети работников фабрики. Не имея возможности оставлять их дома без присмотра, родители брали детей с собой, где для них организовывали что-то вроде детских игр. В самом деле, заклеивание папиросных коробочек и пребывание в ат-

мосфере табакопроизводства – едва ли не лучшее приобщение к табаку с молодых ногтей; в то время на воспитание подрастающего поколения смотрели иначе, чем теперь. Во всяком случае, те, кто работал на табачной фабрике Шапошниковой.

В 1906 году были надстроены 3-й и 4-й этажи к построенному в 1897 году двухэтажному зданию и 4-й и 5-й этажи к трехэтажному флигелю. В 1912–1913 годах фабричные и служебные здания были перестроены с включением существовавшего дома по Бронницкой улице, 11 (архитектор В. П. Цейдлер).

К 1910 году на фабрике выпускалось более 20 марок папирос, среди которых особой популярностью пользовались «Тары-бары», «Осман», «Меланж», «Жасмин», «Шик», «Каир», «Десерт». Изделия фабрики продавались по всей России, а также за границей, в основном в Германии.

В 1909 году была предпринята попытка создания акционерного общества в составе табачных фабрик «Лаферм», «Товарищество А. Н. Богданов и К^о» и «А. Н. Шапошников». Соглашение о слиянии этих фабрик Е. Н. Шапошниковой было подписано, однако союз не состоялся.

5 февраля 1910 года было утверждено акционерное общество «Товарищество табачной фабрики А. Н. Шапошников и К^о». В уставе общества говорилось, что оно «создается для приобретения, содержания и развития действий принадлежащей купчихе 1-й гильдии Е. Н. Шапошниковой табачной фабрики “А. Н. Шапошников”», находящейся в Петербурге, по Клинскому проспекту, 25, а также «вообще для производства всякого рода изделий из табака, бумаги и других материалов, равно для торговли товарами как собственного, так и чужого производства как в России, так и за границей». Уставной капитал общества составил два миллиона рублей (двадцать тысяч акций по 100 рублей каждая). Первым общим собранием ак-

7. Фабрика А. Н. Шапошникова, или Байки дяди Михея

ционеров, состоявшегося 22 января 1911 года, избраны: директором-распорядителем – Е. Н. Шапошникова, директором и председателем правления – Василий Иванович Тимирязев, директорами – Константин Николаевич Богданов и Иван Иванович Филиппович, кандидатами в директора – Эрнест Эрнестович Ган и Иван Ассигкритович Корсаков.

Один из видных деятелей петербургского табачного дела, коммерции советник К. Н. Богданов скончался в

1912 году. Более 30 лет он был пайщиком фабрики Шапошникова, а потом и администратором. Но не только в табачной промышленности оставил он след. Вот что писал о Богданове журнал «Ресторанное дело»: «Симпатичный, отзывчивый и милый человек, он свои досуги посвятил Мельпомене и стяжал репутацию хорошего артиста-любителя. Много учащейся молодежи и артистов вспомнят старого «друга Костю», щедрой рукой оказывавшего им помощь и поддерживавшего их в трудные минуты. Состояние, оставшееся после скончавшегося... пойдет, за исключением, весьма немногим, на дела благотворения. Проводить прах усопшего пришла буквально «вся» фабрика, масса лиц коммерческого и артистического мира».

К началу 1910-х годов фабрика Шапошникова, несмотря на столь чувствительную потерю, настолько окрепла, что начала поглощать другие производства. Первой ее жертвой стала московская фабрика «Товарищество Габай», все пай которой были приобретены к 1913 году. Второй – петербургская табачная фабрика «Братья Шапшал». В списке пайщиков Товарищества табачной фабрики «Братья Шапшал» Е. Н. Шапошникова и И. И. Филиппович появились 27 марта 1915 года. Они имели по 400 паев. К 7 декабря 1916 года Шапошникова и Филиппович имели уже по 1 500 паев, т. е. фабрика «Братья Шапшал» уже фактически была поглощена фабрикой Шапошникова, хотя и продолжала работать.

В 1913 году «Товарищество табачной фабрики А. Н. Шапошников и К°» вошло в состав Русской табачной компании.

26 января 1917 года в возрасте 69 лет скончалась Е. Н. Шапошникова, к счастью для нее, не дожив нескольких месяцев до осени, когда обезумевшие толпы вчерашних поклонников «Тары-бары» и «Жасмина» примутся крушить и грабить и ее фабрику, и всю страну, чтобы по-

7. Фабрика А. Н. Шапошникова, или Байки дяди Михея

том всю жизнь курить махорку и крутить козьи ножки. Директором правления общества стал И. И. Филиппович. Долго ли он заправлял делами на одной из самых знаменитых русских табачных фабрик, неизвестно. 1917 год положил конец многим предприятиям, набравшим силу десятилетиями.

На этом история фабрики Шапошникова заканчивается, и начинается история уже другого предприятия, под другим названием – фабрики имени Клары Цеткин*, предприятия, работавшего в других экономических и политических условиях.

* Клара Цеткин (1857–1933), деятель международного рабочего движения, инициатор празднования Международного женского дня 8 марта (1907 год). Ее отношение к табаку неизвестно, а несколькими поколениям курильщиков неизвестно, кто такая Клара Цеткин.

8. «...ПАПИРОС ДАЙТЕ!», или КТО ТАКИЕ «ЗАПЕЧНЫЕ ТАРАКАНЫ»

Дым табачный воздух выел...

В. В. Маяковский. Лиличка!

Иногда возникает ощущение – особенно когда смотришь на фотографии двадцатых, тридцатых, сороковых годов прошлого века, – будто в советское время курили все, кроме младенцев, пионеров и Владимира Ильича Ленина. Наркомздрав Н. А. Семашко (в этой главе будет много порожденных советской властью аббревиатур, так что читателю придется поднапрячь воображение, дабы догадаться, что к чему) вспоминал: «Владимир Ильич не только не курил сам, но строго запрещал курить другим во время заседания. Закоренелым курильщикам, томящимся выдерживать пост во время длительных заседаний СНК, разрешалось курить лишь за печкой, где они пускали дым в печную отдушину. Ильич в шутку тогда называл курильщиков «запечными тараканами».

А однажды при встрече с Семашко Ленин сказал ему: «Что вы не поведете борьбу с табачным зельем? Я поддержу вас». И, наверное, поддержал: в 1920 году Семашко убедил военное руководство страны, что курение вредно, и выдачу табака в армии отменили.

Однако широким фронтом советская власть так и не вступила в неравную борьбу с табакокурением. К тому же «чадили» врачи, твердившие о вреде курения, пускали дымок члены правительства, попыхивали часовые и пограничники, дымили с экранов и в жизни артисты набравшего популярность кино, «важнейшего из искусств».

8. «...папирос дайте!», или Кто такие «запечные тараканы»

А певцы? «Шалапин жадно курил», – пишет мемуарист. Это не прошло мимо внимания Маяковского. «Что вы делаете? Разве вам можно курить?» – упрекнул как-то Владимир Владимирович Федора Ивановича. А между тем, и сам Маяковский был не безгрешен. Тот же мемуарист (А. Н. Тихонов, писавший под псевдонимом Н. Серебров) увидел однажды Маяковского таким: «Голову он подпирал кулаком, а в углу рта висела папироса». Образ Маяковского с папиросой настолько вжился в сознание всех знающих его по фотографиям и мемуарам (хотя поэт бросил курить в 33 года), что народный художник СССР Н. А. Соколов изобразил поэта в 1988 году с папиросой во рту.

Вот еще любопытный факт из истории поэзии: одно из самых известных стихотворений в русской поэзии XX века, написанное в 1930-е годы Александром Кочетковым, со знаменитыми строками «С любимыми не расставайтесь» (не менее известна и пьеса А. Володина под таким же заглавием) называется... «Баллада о прокуренном вагоне».

Вывод напрашивается такой: и поэты курили. Как и писатели. Как-то группа известных литераторов собралась для встречи Нового, 1924 года. Б. А. Пильняк (мы-то, читавшие его, думали – человек серьезный) подошел, по свидетельству мемуариста К. Л. Зелинского, к Л. Ю. Брик и «папироской прижег [воздушный] шар – глушительная вспышка». А вот еще случай: именины В. Д. Розановой. Те же двадцатые годы: «Сыт, пьян и нос в табаке! – вот как полагается. Вымазал я нос Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым». Вот как, по воспоминаниям А. М. Ремизова, жилось в то время курящим людям.

«Смолили» шпионы – в жизни, на страницах книг и на киноэкранах, еще больше чадили контрразведчики, размышляя в прокуренных кабинетах над тем, как этих

шпионов изловить; а размышляя, непременно свешивали голову над пепельницей, полной окурков (эту гору специально сооружали все курящие члены съёмочной группы – а курили все киношники – для того, чтобы продемонстрировать, сколько дум передумал хозяин кабинета). А еще курили (и в кино, и в книгах, и в жизни) шахтеры, учителя, геологи, рыбаки (о, эти вообще страшные куряки!), сексоты, футбольные тренеры, старпомы, завучи, помрежи, торгпреды, комсорги, физруки, повара, комэски, главбухи, старлеи, землешапцы, сталевары, парторги, комдивы (как командующие дивизиями, так и комсомольские дивы), ассенизаторы (этим без табаку никак нельзя), патологоанатомы (а поставьте-ка себя на место одного из них, если вы некурящий, а вам предначертано по долгу службы произвести вскрытие), гэпэушники, энкавэдэшники, кагэбэшники, гаишники и представители множества других нужных и ненужных, редких и распространенных профессий, населявшие необъятный СССР. Курили даже пенсионеры, оседлавшие все завалинки необъятной Родины, окутанной клубами табачного дыма! Пожарники, и те курили – работа такая, хотя могли бы и не курить – столько дыма, бывало, за смену наглотаешься.

Притом надо заметить, что «наверху», во властных структурах (там, между прочим, тоже курили и курят до сих пор), отдавали себе отчет в том, что советский человек без курева не может. В 1931 году нарком пищевой промышленности А. И. Микоян в одном из своих выступлений заявил от лица представителей многих рабочих профессий: «Рабочий, крестьянин изнывают в труде и просят: дайте хоть немножко покурить. Трактористы, шахтеры хотят покурить – ведь без этого тяжело... На лесозаготовках говорят: “Дайте махорки!” На уборке – то же самое. Зернотрест прямо заявляет: “Хотите наладить уборку – папирос дайте”. Инженеры, приезжая с ново-

строек, говорят: “Все сделаем, дайте только папирос”. Нам заявляют: “Нужно заготовить масло, яйца и так далее – дайте папирос – все сделаем”. Вот какое орудие теперь для экономической политики государства папиросы... А без махорки даже воевать нельзя. Махорка – это оборона. Это, правда, не пушка, не аэроплан, но и без нее на фронте трудно. После хорошего боя надо хорошо закурить. Считаться с этим надо... Когда люди перестанут курить – другое дело, а сейчас нужен табак».

Нужен-то нужен, да вот как сделать так, чтобы хоть в этой области обошлось без взлелеянного советской властью дефицита, пустившего корни даже там, где прежде было полное изобилие?

Перемены в области табачной промышленности начались после принятия декрета Совета народных комиссаров от 28 июня 1918 года, по которому все табачные фабрики перешли в собственность государства. Некоторые фабрики были национализированы (в Петрограде – только в сентябре), некоторые закрыты, оставшиеся получили порядковые номера (то же было большевиками проделано с банями – а ведь бани веками были известны по фамилии владельца либо по месту расположения, и вдруг разом вся их история, все своеобразие были зачеркнуты).

С 10 по 15 октября (целую неделю!) в Москве проходил первый Всероссийский съезд работников табачного дела. Из протоколов съезда видно, с какими трудностями столкнулась налаживавшаяся десятилетиями табачная промышленность страны. Прошел всего год после «победоносного» большевистского переворота, и вот какими ощущениями от работы в новых условиях делится один из депутатов съезда: «Если мы хотим вывезти какой-нибудь товар из Петрограда... и обращаемся в Совет Народного Хозяйства, то мы ходим по 380 комнатам 5 или 6

недель и не можем добиться разрешения этого вопроса». Эх, знал бы товарищ депутат, что для того, чтобы добиться разрешения этого, да и многих других, крупных и мелких вопросов (и не только в близком ему табачном деле), придется ходить «по комнатам» еще много десятков лет! Табачная промышленность, по словам другого депутата, «представляет собою разбитое корыто». Жаркие прения разгорелись даже по поводу того, «где продавать и кто должен продавать папиросы». Видимо, депутаты успели за год забыть, как это было организовано совсем недавно. Наверное, в перерыве бегали в табачный ларек, на котором еще сохранилась вывеска какой-нибудь знаменитой прежде фирмы.

В 1921 году было образовано товарищество «Ларек» для розничной продажи табачных изделий. И сделано это было по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Тогда он был председателем Деткомиссии ВЦИК. «Ларек», собственно, был создан главным образом с целью борьбы с возроставшей детской спекуляцией. Табачные изделия, особенно в пору дефицита на них, – ходкий и доходный товар, и дети первыми это понимают (пенсионеры – вторыми, после них в дело вступают правоохранительные органы, но очень неохотно, очень). В 1922 году Петротабактрест открыл в Петрограде шесть табачных магазинов. Оставалось ждать, когда наладится работа фабрик.

К 1918 году в стране осталось 11 табачных фабрик (из них 5 в Петрограде). Вот несколько характерных фраз из полемического выступления на съезде еще одного депутата: «Главное, что нас подкузьмило в Петрограде, это отсутствие электрического тока. Все фабрики в Петрограде зависят от различных электрических обществ, и благодаря отсутствию тока некоторые фабрики работают 2 дня, как «Лаферм», правда, по 24 часа, другие работают 4 дня». Не было тока, не было также фанеры для ящиков, не было

8. «...папирос дайте!», или Кто такие «запечные тараканы»

папиросной бумаги (стали завозить из Финляндии), и, главное, «подкузмили» специалисты, которые растворились, как табачный дым, вместе с током и фанерой.

Еще в 1917 году в Петрограде была не одна сотня табачных лавок (только Е. А. Семенова и П. С. Андреев держали по 10 магазинов), не говоря уже об уличных киосках, фирменные магазины были у Шапшала, «Оттомана», Богданова. А к 1918 году вдруг встал вопрос – «где продавать папиросы»? (Вопрос «что продавать» был менее актуален, т. к. оставалось множество старых запасов.)

6 октября вышло постановление петроградских властей о «муниципализации» (т. е. принудительной передаче в ведение органов местного самоуправления) торговли табачными изделиями с запрещением продажи их частными торговыми предприятиями. Вслед за тем появилось правительственное распоряжение, установившее полную государственную монополию на ряд товаров, и среди них видное место принадлежало «изделиям фабрик желтых табаков, махорочных, сигарных и гильзовых».

Одним из следствий этих распоряжений и запрещения частной торговли (на смену которой пришел натуральный обмен, то есть советское государство взяло на вооружение экономический порядок первобытного общества) явилось то, что только на толкучих рынках можно было «разжиться» «старорежимными» папиросами и махоркой-самосадом, производившейся в деревнях. В годы нэпа сигареты не курили, но разнообразных папирос, остававшихся от прежнего времени было немало. Торговали ими в ларьках Лентабакторга (Петротабактрест, как водится с трестами, лопнул). Обыкновенно в таком ларьке сидел инвалид Первой мировой войны, торговавший «Сафо» (эти сигареты курил С. А. Есенин до отъезда в Ленинград в декабре 1925 года, и есенинская

пачка сохранилась до сих пор!), «Невой», «№ 6», «Трезвоном», «Октябриной», «Купишь-куришь», «Тары-бары». В табачных магазинах выбор папирос был больше – тут были еще и «Сальве» (что, кстати, в переводе с латинского значит «Здравствуй!» – несколько, я бы сказал, язвительное пожелание любителю подымить), и «Каприз», и «Зефир», и «Жемчужина Крыма», и «Америкен», и «Коминтерн», и «Дюбек». А еще были «Пушки», «Медок», «Эльтет», «Смычка», «Совет», «Ада», «Степан Разин», «Выгодные», «Штандарт», «Осман № 3», «Босфор», «Деловой клуб», «Новый сорт», «Кадо» (от французского *cadeau* – «подарок»), «Юю», «Бабочка», «Цыганка» – кури не хочу!

Перемены затронули и названия табачных фабрик. Число фабрик сократилось, а те, что остались, стали называться так: фабрика Шапошникова в 1918 году стала «3-й государственной табачной фабрикой им. тов. Троцкого». В 1917 и 1918 годах в городских справочниках указывалось, что здание по Клинскому проспекту, 25, по-прежнему принадлежит товариществу табачной фабрики «А. Н. Шапошников и К^о». В документах архивного фонда Земельного подотдела Ленинградского губернского отдела коммунального хозяйства, в описании земельного владения по Клинскому проспекту, 25, указано: «Бесплатно предоставлено 3-й государственной табачной фабрике им. Троцкого отдельных зданий или строений числом – 1».

В документах архивного фонда Ленинградского табачного треста, в деле о регистрации устава треста за 1927–1928 годы, в описи земельных участков, предоставленных ленинградскому государственному табачному тресту, имеются сведения, что постановлением Ленинградской губернской комиссии по рассмотрению списков национализированных строений Ленинграда от 19 января 1927 года участок по Клинскому проспекту, 25, признан национализированным и закреплен за 3-й гостабфабрикой имени Троцкого.

ПАПИРОСЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОС. ТАБАЧН. ТРЕСТ

В 1920 году на этой фабрике было произведено около 285 миллионов папирос и 1,2 миллиона фунтов табака, а в 1921 году папирос – 390 миллионов и табака – 1,8 миллиона фунтов. С введением новой экономической политики (НЭП) табачное производство стало расти, но к концу 1920-х годов оно резко пошло на спад. Тут еще и перемена в названии фабрики произошла. В 1928 году, в связи с тем, что Троцкий попал в опалу, фабрика стала называться «3-ей табачной фабрикой им. Клары Цеткин».

В 1930 году, 1 мая, вышел в свет первый номер «газеты рабочих и служащих 3-й государственной табачной фабрики им. К. Цеткин» – «Голос табачника». Тон газете задал материал, опубликованный в номере от 15 мая под названием «Молодцы, сигарочницы!»: «На первомайской демонстрации комсомольская ячейка сигарного цеха послужила примером всем остальным. В то время как другие комсомольцы, постояв *продолжительное* (курсив мой. – И. Б.) время у Технологического института, понемногу стали расходиться, комсомолки сигарочницы до конца были на демонстрации.

Молодцы, сигарочницы! Стыд и позор комсомольцам других цехов, покинувшим нашу колонну».

Почерпнуть какую-то информацию о производстве табачных изделий из этой напичканной пропагандистс-

кой шелухой газеты с портретами большевистских вождей невозможно. Перелистываешь номер за номером, год за годом – и все одно и то же: «... комсомолки-ударницы сознательно приходят на работу с накрашенными губами и намазанные». «В рабоче-крестьянской стране нет места эксплуататорскому празднику рождества христова» (именно так, с маленькой буквы!). В цехах, между тем, пыль столбом («за 3 шага не видно работницы»), кругом «вредители», прогульщики, пьяницы, воровство... Картина по прочтении этих газет складывается такая, будто люди только тем и занимались, что постоянно боролись с мнимым врагом или друг с другом и не помышляли ни о чем другом. Жуткая, безрадостная, мрачная картина под названием «социализм»... Пролистав эту газету за несколько лет, я лишь однажды наткнулся на сообщение о том, что табак на фабрику поступал из Кахетии, Мингрелии, Гурии и Аджарии, что на фабрике производились папиросы «Нева», «Девиз». Все остальное – лозунги, призывы, требования:

Чтоб качества кривая вверх летела, –
Не стой в цеху, разинув рот без дела!

Находились – в духе Маяковского – поэтические строки и для ударниц:

Штрихами своего пера
Я имя ваше
В памяти дней
Готов высечь
За то, что миллион папирос
Ты дала вчера,
А сегодня – миллион и сто тысяч.

«Лаферм» в 1918 году, по предложению правления Петроградского табачного комитета, превратился в «1-ю народную табачную фабрику». В ноябре 1923 года она ста-

ла «1-й табачной фабрикой им. Урицкого». Моисей Соломонович Урицкий был убит в 1918 году. Ему так и не доведется узнать, что его фамилия еще долгие десятилетия будет жить в названии одного из крупнейших табачных производств страны. Не узнаем и мы, кому пришлось в голову назвать табачную фабрику, известную всей Европе, именем председателя петроградской ЧК.

В 1918 году на фабрике появился первый рабочий клуб, названный в честь большевика Д. Яковлева, некогда трудившегося на «Лаферме» (погиб в Гражданскую войну). И в том же году на фабрике была создана одна из первых комсомольских организаций в городе.

А вот с производством табачных изделий дела здесь шли плохо. В 1921 году оно составило 15% от уровня 1913 года. Зато в 1924 году на фабрике была открыта поликлиника, ставшая со временем одной из лучших в Василеостровском районе.

В ноябре 1924 года вышли в свет первые три номера стенной газеты табачников 1-й государственной фабрики им. тов. Урицкого (сохранились до сих пор, хотя и стенные). В 1925 году газета была переименована в «Табачник Урицкого», в 1926 году не выходила вовсе, а в 1927 году стала называться «Красная табачница».

После нескольких лет застоя в табачной промышленности в 1920-е годы началось оживление частного предпринимательства, что способствовало насыщению рынка табаком – поначалу, правда, одной махоркой. На прилавках петроградских магазинов стало появляться курево московского и ростовского производств. Постепенно встали на ноги и задымили фабрики им. Урицкого и Клarry Цеткин, год от года увеличивавшие объемы производства. В 1925 году фабрика им. Урицкого превысила объем производства на «Лаферме» 1913 года.

В 1926 году возобновился экспорт табака в Финляндию. Так называемый «сигарный» табак, культивированный в Автономной социалистической советской республике Немцев Поволжья, поставлялся в Ленинград, и здесь его доводили «до ума» – готовили для продажи финским крестьянам для изготовления ими жвачки и трубочного табака.

Что же до самих трубок, то и они стали достоянием прошлого. Их никто не делал, да и мало кто курил. Ностальгией пронизаны строки И. Г. Эренбурга в одном из рассказов цикла «Тринадцать трубок»: «Трубку содержал в должном виде, счищая перочинным ножом нагар, вытирая дерево старым носком, оставшимся после давней стирки во вдовстве и служившим для многих посторонних целей. Трубка обкурилась, утратив элегантность, приобрела солидность, добротность».

Перечисленные качества – солидность, добротность – принадлежали прежней жизни...

В 1928 году на фабрике им. Урицкого были установлены самые совершенные по тем временам папиросонабивные и папиросоукладочные машины, а на фабрике Клары Цеткин в том же году впервые в советской практике было налажено производство сигарет, которые, правда, еще долгие годы не будут пользоваться спросом.

Снабжение Ленинграда табачными изделиями, да и не только ими, было куда лучше, чем других городов страны, не говоря уже о глубинке, откуда народ периодически наезжал в столицы, в частности, и за табаком; однако когда в конце 1920-х годов частника, основного поставщика сырья в эпоху НЭПа, вновь объявили вне закона (и уже навсегда), ситуация в целом по СССР стала безрадостной, как намокшая сигарета. Табака постоянно не хватало, и в него подмешивали суррогаты: хмель, бадыль (расти-

тельный стебель, часть волокон которого сильно одревенела), кукурузный лист. Постепенно к концу 1930-х годов удалось наладить работу больших табакководческих хозяйств в южных регионах СССР (на Украине, Северном Кавказе, в Средней Азии). К тому времени в табачную промышленность стали вкладываться значительные средства, и это дало возможность выпускать не только папиросы, курительный табак, но и сигареты, и даже сигары (что советскому человеку, в общем-то, не к лицу, ибо сигара, если верить художникам единственного в СССР русскоязычного юмористического журнала «Крокодил», – непременная принадлежность буржуа). Наркомпищепрому приходилось денно и нощно следить, какую продукцию производят на фабриках, ибо там старались сбывать некачественное курево, и главным образом это касалось папирос.

В 1930-е годы прекратила свою деятельность фабрика А. Н. Богданова. После 1917 года там еще какое-то время выпускали табачные изделия, а потом на ее производственных площадях разместилась фабрика «ТЭЖЭ», где витали совсем иные запахи – парфюмерные. В 1937 году она была переименована в 4-ю парфюмерную фабрику, а в 1982 году стала комбинатом «Северное сияние».

Между тем, в центральной печати в начале 1930-х годов появилось большое число публикаций, в которых восхвалялись новинки табачного рынка, и прежде всего ленинградских фабрик. Вот, например, что говорилось о «безмундштучных папиросах» (т. е. сигаретах), перейти на которые ленинградцы не спешили: «Они имеют бесспорные преимущества перед мундштучными папиросами: портативны, имеют большую курку, – следовательно, обладают большей насыщаемостью для курильщиков; более гигиеничны, так как все процессы их производства полностью механизированы; они более транспортабельны благодаря занимаемому ими меньшему объему... Прав-

да, испокон веков у нас курят мундштучные папиросы. Но, с одной стороны, умело составленная реклама, а с другой стороны – большая гибкость нашей товаропроводящей сети создадут необходимые условия для появления спроса на безmundштучные папиросы. Кроме того, советский курильщик настолько уже культурно вырос, что сам очень быстро сориентируется во всех преимуществах сигарет, в совершенной ненужности бумажного мундштука, который с успехом можно заменить постоянным дешевым деревянным мундштуком». Пользоваться популярностью сигареты будут только после войны, в 1950-е годы.

В 1920–1930-х годах табаком занялся известный русский селекционер, заядлый курильщик Иван Владимирович Мичурин (1855–1935), недовольный тем, что советские люди курят самосад. Ученый стал культивировать некоторые сорта табака в северных широтах, и это ему блестяще удалось. Кроме того, он изобрел бытовую машинку для резки табака. Его изобретение пользовалось в СССР успехом долгие годы. В последние годы жизни Мичурин курил только свой табак. Он также является автором нескольких научных статей о культивировании табака. Интересующихся отсылаем к его полному собранию сочинений 1934 года, а не к школьным учебникам, где он представлен как автор гибрида яблони и груши.

В 1930–1940-е годы в Ленинграде производились папиросы «Ракета», «Норд», «Пушки», «Дели», «Красная звезда», «Спорт», «Парашютист», «Селям», «Казбек». В знаменитом стихотворении Владимира Агатова «Шаланды, полные кефали...» есть и такие строки:

Тогда достав «Казбека» пачку,
сказал ей Костя с холодком:
«Вы интересная чудачка,
но дело, видите, не в том...»

8. «...папирос дайте!», или Кто такие «запечные тараканы»

Эти строки впервые спел Марк Бернес (курильщик) в фильме «Два бойца».

Главный курильщик СССР И. В. Сталин набивал трубку табаком, который сам извлекал из дорогих папирос «Герцеговина Флор», являя собою, надо заметить, дурной пример для физкультурников, ибо был их лучшим другом. Однажды он уснул, забыв погасить трубку, но на помощь пришла жена. Трудящиеся страны Советов о происшествии ничего не узнали, как не знали вообще ни о каких происшествиях, ибо руководство страны происшествий не любило.

В 1932 году на базе фабрики им. Урицкого был создан Ленинградский учебный комбинат табачной промышленности со ВТУЗОМ, техникумом и рабфаком. Во ВТУЗЕ готовили инженеров-технологов, в техникуме – техников-регулирующих. Выпускники этих заведений со временем стали начальниками цехов, бригадами.

В связи с постоянными изменениями государственной структуры управления, или, лучше сказать, полнейшей неразберихой и в этой области, отличавшей советское время, фабрику Клары Цеткин передавали из одного ведомства в другое. В 1936 году она стала называться Ленинградской табачной фабрикой имени Клары Цеткин. За несколько лет до этого эпохального, но, в общем-то, ничем не примечательного события, в 1933 году, была произведена реорганизация фабричного управления, вследствие чего административный аппарат сократился на 30 человек и усилилось единоначалие. К 1934 году на фабрике была сформирована вертикальная система управления. Доведись дожить до этих печальных времен Е. Н. Шапошниковой, ее бы никто не спросил, как так получалось, что под ее началом фабрика работала как часы, постоянно наращивая объемы производства и улучшая качество и ассортимент продукции.

На фабрике Клары Цеткин сохранялись машины образца начала XX века, однако они были столь надежны, что позволяли достигать нужной большевикам производительности. Так, в 1933 году среднедневная норма бригады по производству папирос «Автодор» составляла 2 025 тысяч, а папирос «Балтиец» – 675 тысяч при 7-часовой рабочей смене. При перевыполнении задания на 103% и при снижении плановой себестоимости продукции каждый член бригады получал дополнительно до 25% от основной зарплаты. Премия бригаде выплачивалась 22-го числа каждого месяца за предыдущий месяц. Или должна была выплачиваться – так точнее, ибо при Советах отчеты и цифры утратили всякую объективность.

В 1930-е годы на фабрике К. Цеткин, как и на большинстве более или менее крупных предприятий СССР, выходила многотиражка – «Голос табачника». Тираж газеты был 1800 экземпляров, и работники фабрики обязаны

были покупать ее по 5 копеек за экземпляр. Как и все тогдашние подобные издания, оно носило пропагандистский характер и было призвано настраивать работников исключительно на положительную динамику производства, ориентируясь на идеи светлого коммунистического будущего. Среди множества безликих стандартных материалов в глаза бросается статья, посвященная Ефиму Сквороде, который проработал на фабрике 50 лет. Рабочего премировали двухмесячным окладом, путевкой в санаторий, а дома ему установили радио.

В 1937 году на фабрике Урицкого приступили к производству сигар. С легкой руки Гоголя, их куривал еще Хлестаков, но об этом после 1917 года как-то забылось. И о сигарах пришлось рассказывать как о диковинке: «Это, по существу, для большинства нашего населения продукт новый. Не зная о том, что сигарой не надо затягиваться или о том, что зажигаться она должна обязательно с обрезного конца – иначе развалится в руках, – курильщик, испытав неприятности, связанные с его неосведомленностью, может после первой неудачной попытки отказаться от дальнейшего употребления сигар».

Настоящий знаток сигар точно бы отказался, ибо технология их производства на этой фабрике по сравнению с тем, как это делали в предыдущем веке – предварительно растирая табачные листья на обнаженном бедре, – была упрощена до предела. Любителей сигар местного производства в СССР так и не завелось, хотя высокие чиновники и любили подымить «гаваной» за высокими же кремлевскими стенами или у себя на даче, на террасе, о чем мечтал еще Илья Ильич Обломов.

Хочешь не хочешь, а задумываться над оформлением табачной продукции ее производителям приходилось. Такого разнообразия табачных изделий, которое существовало в старом, прокуренном не одним поколением яд-

реного «Жукова табака» Петербурге, – в Ленинграде, разумеется, не было, к тому же то, что выпускалось, советские курильщики покупали и так, не обращая особого внимания на то, красивая пачка или нет. Дядя Михей советской власти не понадобился.

Были, правда, и дорогие изделия, красочно оформленные, но в советском обществе было не принято «красоваться», да и денег лишних у большинства курильщиков не было, поэтому дорогая продукция составляла незначительную долю в общем объеме производства. К тому же печатники десятилетиями испытывали нехватку сырья должного качества, и им приходилось довольствоваться «макулатурной» бумагой, которая иногда шла даже на папиросные мундштуки. Рабочий люд (шоферы, например), купив пачку папирос, перекладывали ее содержимое в металлический портсигар с серпом и молотом, иначе пачка, положенная в карман, тотчас превращалась в кулек с рассыпавшимся табаком. Остатки табака невозможно было извлечь из кармана никакими силами и подручными средствами, и тем более курильщики старались не привлекать на помощь жену, ибо можно было нарваться на ее неудовольствие.

В специальном журнале, посвященном табачной промышленности, в 1938 году отмечалось, что «внешний вид и качество пачечной бумаги почти всех фабрик непригодны для печатания этикеток литографским способом, а также для изготовления готовых пачек... Применение макулатуры, забитой клеем, грязью и углем, пропитанной смолой и маслом, неизбежно сказывается на готовой бумаге, а это, естественно, ухудшает внешний вид этикета, и, что особенно нетерпимо, препятствует получению нормальных оттисков».

На табачных фабриках обсуждались не только решения коммунистической партии, но, даже, случалось, и

производственные вопросы – элементы упаковки, шрифт, орнамент и сюжетный рисунок; не забывали и о культурно-исторической особенности города, идеологических установках и тотальной цензуре, после чего рабочие материалы передавались на утверждение в наркомат.

Наркоматом, между тем, были предъявлены жесткие требования к оформлению табачных изделий: «Названия и этикет для папирос должны: а) быть легко воспринимаемы; б) быть легко запоминаемы и в) удовлетворять вкусам широкой публики. Поэтому при выборе названия и этикета необходимо найти лучший вариант удовлетворения вкуса публики; папироса с удачным названием и удачным этикетом сразу нравится, сразу запоминается и пользуется спросом со стороны широких масс. С другой стороны, массовое распространение папирос дает возможность при помощи этикета воздействовать на развитие художественного вкуса у потребителя. Однако это воздействие ни в коем случае не должно перерасти в самоцель».

Уму непостижимо, как предшественники ленинградских табачников умудрялись обходиться до 1917 года без подобной назидательной демагогии и при этом насыщать рынок яркими, красочными коробками, при оформлении которых было проявлено немало творческой фантазии, не скованной указаниями сверху, сбоку или снизу.

Первое время после 1917 года продолжали жить названия, завоевавшие популярность в предыдущие, богатые на выдумку и широкий ассортимент разнообразных товаров годы – шапошниковские «Тары-бары», «Добрый молодец», прославленный ценителями продукции «Лаферма». В 1920-е годы им на смену пришли папиросы «Сафо» 2-й Государственной табачной фабрики, «Смычка», символизировавшие «союз рабочего класса и трудового крестьянства», «Красная звезда» с двумя инертными красноармейцами на этикете (фабрика им. Урицкого) – один за рулем

мотоцикла, другой в мотоциклетной коляске, «Северная Пальмира», «Нева»; потом появились «Трактор», «Совет», «Блюминг» и даже «Шарикоподшипник»!

Во второй половине 1930-х годов, в эпоху «больших строек», советские курильщики получили марку папирос, затмившую все другие на долгие десятилетия – «Беломорканал». Если человека – курящего, не курящего, неважно – спросить, какие ассоциации у него вызывают слово «папиросы», он непременно скажет: «Беломор». Вот это, говоря современным языком, брэнд! Беломорканалу, таким образом, посвятили не только книгу, хотя бы поддержать в руках которую до сих пор мечтают многие библиофилы (Беломорско-Балтийский канал имени И. В. Сталина. М., 1934), но и лучшую марку папирос. А поколения курильщиков отдали за него свою жизнь.

Художники фабрики им. Урицкого, где впервые в 1937 году начали производить эти папиросы, прочертили на папиросной коробке с изображением географической части Европы и Средиземноморья трассу сооруженного в 1933 году руками эзков Беломорского канала, помельче обозначив крупнейшие зарубежные каналы, появившиеся намного раньше советского, – Кильский (в Германии, соединяет Балтийское и Северное моря, построен в 1895 году) и Суэцкий (открыт в 1869 году). Спустя полтора десятка лет на коробке осталась только карта европейской части СССР, а к Беломорскому каналу прибавился очередной искусственный водный путь – Волго-Донской канал им. Ленина (открыт в 1952 году) и канал им. Москвы (до 1947 года – канал Москва-Волга). На коробке папирос в конечном итоге остались упомянутыми три канала – «Беломорский», «Им. Москвы» и «Волго-Дон». Эта карта изучена не одним поколением курильщиков, да, наверное, и многими некурильщиками, которым случилось полюбоваться «замечательной картинкой».

В дальнейшем производство «Беломорканала» было налажено на десятках советских табачных фабрик – от Молдавии до Сибири и Средней Азии; завоевавшие невиданную популярность папиросы пользуются огромным спросом и в наши дни, а иностранцы уже не одно десятилетие изумляются, как можно курить такое. Наши это не смущает. По некоторым источникам, четыре процента российских курильщиков просто не признают ни легких папирос, ни сигарет с фильтром, – по причине дешевизны, по идейным соображениям, ну, и, разумеется, в силу привычки (какой же курильщик без нее) – и отдают предпочтение куреву, ставшему в СССР культовым.

«Беломор» фабрики Урицкого, по мнению знатоков, всегда отличался от «Беломора» других фабрик, ибо считался «настоящим». Говорили – «затянулся урицким» – и все ясно. В общежитиях всей страны на «Беломор» Урицкого играли в карты чаще, чем на деньги. «Беломор» – не просто отражение эпохи великих строек и грандиозных жертв; это – отличительная черта, характерная примета, «марка» огромного промежутка времени, известного как «советское». «Беломор» такой же «советский», как полет человека в космос, Чернобыль, как «Столичная» водка, автомат Калашникова, как все достижения и неудачи страны под названием СССР.

А папирос, между тем, в пачке двадцать пять штук, а не двадцать – если курить по одной в день, так почти на месяц хватит, особенно если этот месяц – февраль, но кто же такое удовольствие будет на месяц растягивать? Пачка в день – вот доза настоящего любителя «Беломора»! Даже шоферы-дальнобойщики, большие охотники подержать в зубах беломорину (руки-то заняты), и те не ограничивают себя ни в удовольствии, ни в привычке.

Поклонников «Беломора» можно смело разделить на две группы: представители первой отрываю угол пач-

ки и потом как бы скручивают ее в трубочку по мере уменьшения. Другие открывают пачку сразу и извлекают из нее первую попавшуюся папиросу. Приверженцев «Беломора» можно разделить и по другому принципу – по тому, как одни, прежде чем закурить, дуют в мундштук (раньше его называли еще и «куркой»), а другие постукивают по коробке, чтобы вытряхнуть попавший в мундштук табак. Некоторые еще и сжимают пальцами мундштук, делая своего рода фильтр или создавая помеху дыму, который предстоит запустить в легкие. А есть и такие, кто сжимает мундштук дважды, крест-накрест. Вот сколько возможностей к собственной трансформации таит в себе обыкновенная, на взгляд непосвященного, папироса! Главное для папиросы – попасть в руки настоящего поклонника и ценителя, и крепкий союз – без измен, скандалов, упреков и подозрений – обеспечен на десятилетия. Одно сплошное удовольствие!

Оформление пачек «Беломора» (а также популярных в свое время «Севера», «Байкала», «Прибоя») было весьма неказистым и не требовало сколько-нибудь значительных затрат. А вот «Казбек» в твердой картонной упаковке выглядел солиднее; эти папиросы курили представители высшего звена советской номенклатуры.

В 1930-е годы на Ленинградской государственной табачной фабрике им. К. Цеткин начали выпускать... лечебные папиросы «Астматол» из лиственной травы под названием «дурман» (выпускались несколько десятилетий). Дело, меж тем, шло к войне не только с астмой, но и с совсем другим врагом, и на фабрике наладили выпуск папирос «Краснофлотские», «Борцы», «Охотники», «Боевые». Иногда на фабрике случайно перемешивали табаки, но потребители этого не замечали – все эти папиросы были в принципе одинаковые на вкус, лишь пачки разные.

8. «...папирос дайте!», или Кто такие «запечные тараканы»

В декабре 1940 года на фабрике Цеткин прошла дегустация папирос собственного изготовления, и первое-третье места заняли «Борцы», «Прибой» и «Дели», а сталинская «Герцеговина Флор» не попала в тройку призеров, уступив даже «Боевым» (время было боевое). Среди сигарет первые два места заняли «Прибой» и «Дели».

В феврале 1941 года на этой фабрике выпустили папиросы «Делегатские» – для делегатов XVIII Всесоюзной партийной конференции, а также приступили к выпуску папирос «Дерби», «Палехский Баян» (отличались качеством оформления, но не содержанием); ко Дню международной солидарности трудящихся появились «Первомайские». В мае задумали было порадовать советского курильщика тонкоформатными папиросами «Сулико» и «Звездочка», но до 22 июня оставалось меньше месяца...

На фабрике им. Урицкого в 1940 году выпускались папиросы «Тачанка», «Ракета», «Спорт». В среднем дневная норма составляла 250–255 тысяч папирос. «Дадим 1 миллион папирос в день!» – с таким устрашающим (с точки зрения противников табака) лозунгом вышел один из последних номеров многотиражки «Красная табачница». Кстати, непонятно, почему многотиражка фабрики, носившей женское имя, называлась «Голос *табачника*», а фабричной газете, рупору фабрики с мужским именем, дали название «Красная *табачница*».

В 1941 году пришлось притормозить с миллионом, так как потребители «урицкого» стали жаловаться на качество товара, и в одной из городских газет даже появился такой стишок:

«Звездочку» в киоске я купил,
Дым глотнул,
дымок необычайный,
вкуса тухлой редьки и чернил.

И. Богданов. Дым отечества

Вечером с приятелем собрались.
Точный мы произвели анализ
внутренности горьких папирос.
Мы работали без микроскопа,
но нашли букетики укропа,
пакли пук и завитки волос.

В одном из выступлений главный инженер фабрики П. И. Эбер заявил: «В 1941 году фабрика должна работать так, чтобы потребитель сказал:

...от Ленинграда
до Турксиба
плотники,
танкисты,
слесаря –
«Фабрике Урицкого –
спасибо!» –
говорили,
«Звездочку» куря.

Может, кто-то и говорил спасибо, «Звездочку» куря, но проколы в работе случались чаще, чем хотелось бы: то забыли доложить папиросы в пачках (сортировщицы раскладывали их по пачкам руками, захватывая разом ровно 25 штук, но ровно не всегда получалось даже у передовиков производства), то случайно напечатали на пачках «Норда» «Нордер». А потом в свет выпустили папиросы, запомнившиеся только названием – «Альпениада». Впрочем, разве такое название запомнишь, даже если вчера эти папиросы покупал...

Но прежде чем продолжить рассказ о советском куреве и курильщиках, вспомним, каково было положение в Ленинграде на табачном фронте в годы блокады.

9. «МАТРАС МОЕЙ БАБУШКИ»

Бумажку дашь – табак ваш,
Огоньку добудешь – вот и покуришь.

Поговорка 1940-х годов

В годы блокады Ленинграда, в 1941–1944 годах, многие ленинградцы вели дневники, записывая по свежим следам то, что было пережито за день, в последние часы. Сегодня практически никто не знает, что ведение дневников в блокированном городе каралось жестоко – вплоть до расстрела (об этом рассказывают блокадники, хотя об этом никогда не писали). Но люди нарушали этот запрет.

Какие-то из этих записей сохранились до наших дней, некоторые опубликованы, некоторые еще нет. Не будь их, мы бы никогда не узнали, особенно по прошествии стольких десятков лет, что происходило на самом деле в осажденном городе и, помимо прочего, как курильщики обходились в то тяжелое время без табака, и чего он им стоил. А табак оказался жизненно необходим в блокаду, он тогда ценился наравне с хлебом и для многих был дороже хлеба. Тяжелые времена по-иному высвечивают простые вещи.

К сожалению, что-либо узнать из газет, издававшихся на двух крупнейших ленинградских табачных фабриках, у нас нет возможности – многотиражка фабрики имени К. Цеткин «Голос табачника» прекратила свое существование 26 июня 1941 года, а последний номер «Красной табачницы», печатавшейся на фабрике им. Урицкого, вышел 4 июля; в нем, как и во всех других газетах страны, было опубликовано выступление по радио И. В. Сталина.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда. Перебои с табаком, между тем, начались в городе уже через два дня. 10 сентября 1941 года писатель П. Н. Лукницкий сделал такую запись в своем дневнике: «Вчера в Табакторг на Большом проспекте привезли немало папирос – удалось купить мне четыре пачки». А ведь с начала блокады прошло только два дня!

19 декабря 15-летний Миша Тихомиров, живший на улице Достоевского, записал: «Канун моего дня рождения... На завтра мама достала за 10 пачек папирос маленький кусочек дуранды (дорого!), из него и из бобов она устроит праздничную кашу». Сколько ни писали историки о блокаде, а из одной этой фразы можно почерпнуть больше, чем из десятков томов о том времени.

Когда начались настоящие трудности, многие стали менять хлеб на табак – считалось, что это противоязвенное средство. Кроме того, многие блокадники были убеждены, что курение дает ощущение сытости, пусть и кратковременное, хотя и одновременно обостряет мысли о еде, которые не давали покоя ни днем ни ночью, лишая остатков сил. Из воспоминаний блокадника Н. Вальтера: «Люба поднимает опухшие веки и смотрит на меня с мольбой и надеждой. Я знаю, ей хочется есть, но еще больше ей хочется курить. Курить нечего. У меня есть еще на одну закрутку махорочной пыли, и мы по очереди, обжигая пальцы и губы, затягиваемся жадно и глубоко едим горьким дымом... От курения на время притупляется чувство голода, но потом с новой силой голодная спазма сжимает желудок».

Табак служил и своего рода валютой. Уже в феврале 1942 года курево за деньги не продавали. В марте 1942 года предприимчивые мальчуганы меняли билеты в театр (например, в Пушкинский театр, который тогда работал) на папиросы, получая за каждый билет от 5 до 10 штук па-

пирос; иногда соглашались продавать билеты и за деньги, но требовали в таких случаях пятикратную стоимость. Среди посетителей театров в те дни преобладали военные, официантки из столовых, продавщицы продовольственных магазинов, т. е. те, кто в голодные дни 1942 года был обеспечен не только хлебом, но, наверное, и чем-то еще.

Заядлым курильщикам приходилось проявлять изобретательность, чтобы не остаться без табака. В январе 1942 года А. И. Винокуров, курящий ленинградец, житель осажденного города, внес в свой дневник следующую запись: «Обрезаю ножницами папиросные мундштуки, деформирую их ладонями и делаю гильзы, осторожно освобождая картон от покрывающей его тонкой бумаги. Набивая эти гильзы табаком, получаю из одной папиросы две сигаретки с короткими мундштуками. Какое счастье, что у меня сохранился небольшой запас табаку и мундштук из пластмассы».

Тогда же, в январе, в городе появились объявления, вроде следующего: «Доставляю воду с соблюдением правил гигиены за умеренную плату хлебом или табаком».

К февралю уже можно было определенно сказать, что город испытывает острую нужду в табаке. На рынке восьмушка махорки стоила 200 рублей вместо 40 копеек; или требовали 500–600 граммов хлеба. Папиросы «Звезда», стоившие до войны один рубль, теперь продавали по 5 рублей за штуку, но цена на них возрастала с каждым днем. Винокуров отметил: «Почти никогда не удается спокойно выкурить папиросу, проходя по улице или стоя в очереди, непременно кто-нибудь подойдет и начнет слезно умолять, чтобы ему дали докурить». В один из дней Винокуров видел проходившую по Невскому проспекту толпу красноармейцев – «остатки какого-то полка. Некоторые из красноармейцев самовольно выходили из строя и пытались выменять на табак хлеб у выходящих из булоч-

ных. Странно смотреть на этих изголодавшихся, еле бредущих людей, подгоняемых своими командирами».

А. Адамович и Д. Гранин рассказывают в «Блокадной книге» о ленинградце С. Миляеве, который в феврале 1942 года записал в своем дневнике следующее: «Людочка сходила за покупками, достала за 50 рублей пачку “Норда”, я лежал и блаженствовал. А вот сегодня обещают дать 12 грамм (двенадцать – не путать!) табака в честь праздника (23 февраля. – И. Б.), и я эти крохи, живя без курева с 18.2, т. е. 4 долгих дня, жду как манны небесной».

Многие страшно мучились из-за невозможности курить. Главный дирижер симфонического оркестра Радиокomiteта К. И. Элиасберг 9 февраля оказался в стационаре гостиницы «Астория» с диагнозом «алиментарная дистрофия 2-й степени». Вот выписки из истории его болезни: «...больной пониженного питания... Сейчас очень ограничен в курении. Страдает от этого очень... Нервничает, плохо спит, появилась несдержанность, раздражительность... Быстро устает, с трудом ходит». 28 февраля: «Плохое общее состояние. Вялость, апатия. Лежит целый день в постели... Отсутствие табаку переживает мучительно».

В апреле 1942 года табак впервые с начала блокады стал поступать в продажу. Винокуров вспоминал: «Я уже три раза пытался получить табак, но не мог. Его разбирают очень быстро. Ходят слухи, что многим получить табак не удастся, т.к. Горсовет распорядился выдавать табак не по продовольственным карточкам, а по промтоварным, и не учел, что население будет пользоваться карточками умерших и эвакуировавшихся. В случае смерти или эвакуации эти карточки, выданные в январе на полгода, разрешалось не сдавать. Теперь население пользуется ошибкой, допущенной Горсоветом».

Художница А. Е. Мордвинова в письме к коллеге от 6 мая 1942 года отметила, что за свою работу (реставра-

ция портретов и пр.) получила, среди прочего, 50 граммов табаку. Но это была уже редкая, неожиданная удача.

Многие предприятия стали переходить на выпуск продукции, которой не занимались до войны. В войну даже ходила легенда, будто диаметр у советских папирос точно такой, как у патронов, чтобы в случае необходимости можно было на тех же станках запустить выпуск боеприпасов.

В блокаду редкостью был не только табак, но и спички. На 3-й государственной конфетно-шоколадной фабрике выпускали в первые годы блокады так называемые «спичечные книжечки», покрытые серой рифленые картонные полоски – чтобы воспользоваться спичкой, надо было оторвать ее от других. Спички также выпускали на «Минерале», «Опытном заводе», Петроградском промкомбинате и в Грузино, под Ленинградом.

В 1941 году часть оборудования фабрики Урицкого, выпускавшей еще в первой половине года папиросы «Фестивальные», «Зефир», «Северная Пальмира», была эвакуирована на Урал; производственная мощность предприятия существенно сократилась. Да и с сырьем возникли проблемы. Вместо табака стала поступать махорка, обработка которой требует иного оборудования. Только к 1942 году удалось наладить производство махорки, однако сырья поступало все меньше.

В 1942 году на фабрике было налажено производство мин, снарядов, ручных гранат и другой военной продукции – и одновременно производство суррогата махорки из опавших листьев, изготовление медикаментов. Махорку, смешанную с листьями клена и дуба, выпускавшуюся фабрикой Урицкого, в народе называли «матрасом моей бабушки». Но в этом «матрасе» были не только листья клена и дуба. Потом к ним стали добавлять листья осины и липы.

На заводе Макса Гельца, упоминавшемся в главе о фабрике А. Н. Шапошникова, во время войны выпускали пулеметы. Из-за недостатка металла заводские умельцы решили заменить металлические колеса на деревянные. На фронте такой пулемет прозвали Максимом Ленинградским.

Солдаты и матросы, защищавшие Ленинград, ежедневно получали 20 граммов махорки или 10 граммов табака на человека. Бойцам на фронте курево лучше всего помогало скрашивать тяготы походной жизни и однообразие пребывания в землянке. Речь, таким образом, шла о моральном факторе, о настроении в армии. Дело было чуть ли не стратегической важности. Солдаты мрачнели и нервничали, когда им нечего было курить, даже перебои в снабжении пищей сносили спокойнее, чем отсутствие табака. На Ленинградский фронт табак, естественно, поступал из города. Но запасы табака в городе подходили к концу. Оставить фронтовиков без курева даже на короткое время было недопустимо. Поиск заменителей табачных листьев велся в институтских лабораториях.

На пивоваренных заводах Ленинграда обнаружили 27 тонн хмеля. Он был полностью использован как примесь (10–12%) к табакам. К табаку, как уже говорилось, стали примешивать сухие опавшие листья осины, березы, дуба, клена и других деревьев. Пробные партии табаков с примесью каждого вида листьев показали, что наиболее приемлемыми для курения являются листья клена. Эти листья собирали работницы фабрик и школьники. Листья просушивали на ветру, упаковывали в мешки и на военных машинах доставляли на фабрики, где после технологической обработки примешивали (до 20%) к табакам. Всего было использовано около 80 тонн листьев. Под полами цехов фабрик собирали табачную пыль и как никотинную «приправу» смешивали с табаком. Бумаги не

было, поэтому табак по пачкам не расфасовывали, а упаковывали в мешки весом до 20 килограммов.

Большую изобретательность при изготовлении суррогатов табака проявил тогда главный табачный мастер фабрики имени Урицкого, В. И. Иоаниди. Обработанные в определенных пропорциях с хмелем и табачной пылью листья деревьев напоминали курильщикам вкус натурального табака. Успешное применение суррогатов дало возможность снабжать солдат куревом бесперебойно.

По желанию солдаты могли обменять 300 граммов табака на 200 граммов шоколада, или 300 граммов сахара, или 300 граммов конфет. Однако желающих пойти на такой обмен почти не находилось. Хотя эрзац-табак при курении трещал в трубке или «козьей ножке», словно туда подсыпали пороху, и оставлял во рту неприятный привкус, бойцы предпочитали табачное довольствие кондитерским изделиям.

Блокадные остряки не оставили без внимания табачные суррогаты. Папиросы, изготовленные из сухих древесных листьев, получили название «Золотая осень». Махорку, приготовленную из мелко истолченной древесной коры, в зависимости от степени крепости называли по-разному: «Стеноглаз», «Вырви глаз», «Память Летнего сада», «Смерть немецким фашистам», «Сено, пропущенное через лошадь». Табак из березово-кленовых листьев назывался «беркленом», а самого низкого качества эрзац-табак – БТЩ (бревна, тряпки, щепки).

Фольклор напоминал забывчивым, что в обстреливаемом городе нужно постоянно быть начеку: «Завернул козью ножку – получай “зажигалку”». Стоило на минуту расслабиться, и происходила трагедия.

Во время войны на упомянутой выше фабрике Урицкого работал детсад. На Нюрнбергском процессе в качестве одного из обвинительных документов фигурировала

пленка, на которой была случайно заснята гибель 13 детей из этого детсада в возрасте 4–6 лет. В 12 часов 40 минут 9 мая 1942 года воспитательница детского сада вывела ребят погулять, погреться на весеннем солнышке. Один из снарядов, разорвавшийся около дома 55 по Среднему проспекту Васильевского острова, убил их всех. Дети были похоронены на Смоленском лютеранском кладбище. В 1966 году на могиле сооружен памятник (скульптор В. И. Гордон, архитекторы Н. Г. Эйсмонт, Л. Н. Линдрот).

Табачники фабрики им. Урицкого участвовали и в оборонных работах. По распоряжению военного командования, фабрике было поручено построить два ДЗОТа, а они построили четыре. Созданная на фабрике команда МПВО оказывала горожанам бытовые услуги и посильную медицинскую помощь. На фабрике был организован стационар. Работницы (а на фабрике в блокаду работали преимущественно женщины) собрали большие средства в фонд обороны и на строительство танка «Ленинградский табачник».

Со снабжением ленинградцев табаком становилось, между тем, все хуже, да и спички давно вышли. Изредка кому-то удавалось достать пачку папирос «Богатырь», «Метро», «Луч». Еще реже попадались папиросы в пачках без названия. 9 июля 1942 года Лукницкий записал: «Все крутят самокруты, у всех вместо спичек – лупы, в солнечные дни чуть не все население пользуется для добывания огня линзами всех сортов и любых назначений». Спички к тому времени стали делать и на фабрике при Лесотехнической академии им. С. М. Кирова.

14 июля 1942 года с упоминавшимся выше Винокуровым случилась неприятность – он потерял пластмассовый мундштук. Он отметил в своем дневнике: «Обойтись без мундштука трудно: неприятно брать в рот табак, да к тому же много табаку пропадает напрасно.

В городе на рынке, если поискать, то можно купить мундштук кустарного производства, но в город я попаду не скоро, а кроме этого, вряд ли решусь израсходовать на покупку даже такой важной вещи 200 г хлеба – почти половину дневной порции.

Попытался сделать мундштук самостоятельно. Вырезал складным ножом из дубовой палочки подобие этой принадлежности для курения и отчасти прожег, отчасти просверлил дыру. Получилась грубая вещь, но вполне пригодная для употребления».

15 июля Лукницкого, проходившего по Невскому проспекту, окликнула какая-то женщина: «Товарищ военный! Папирос не нужно?» – «Не нужно!» Выяснилось, что пачка папирос в те дни стоила 150 рублей.

Во второй половине 1942 года в Ленинграде утвердилось слово «дистрофик». Все слабое, небольших размеров называли «дистрофичным». Папиросы небольших размеров, выпуск которых наладили в городе в том году, называли «дистрофиками» – так называли и подавляющее большинство горожан.

В конце сентября 1942 года в воинских частях и на военных заводах прекратили выдачу табака ввиду истощения запасов, поэтому цены на него выросли вдвое, сто граммов табака приравняли в цене к килограмму хлеба. Пациенты больниц, лишившись табаку, начали курить все, что только можно, – дубовые и липовые листья, хмель, чай и т. д.

В ноябре табак стал еще дороже – сто граммов отдавали уже за два килограмма хлеба или 700 рублей, т. е. вчетверо дороже, чем тремя неделями раньше. Да и такими большими партиями, как сто граммов, уже почти никто и не пытался торговать. Обычно владелец стограммовой пачки делил ее на 5–10 частей и продавал в розницу. «Очень мучаюсь из-за отсутствия табака. Страшно хочет-

ся курить, а курить нечего», – записал в дневнике художник В. И. Малагис 13 ноября 1942 года.

7 апреля 1943 года писатель Вс. Вишневский, который тоже вел дневник, отметил, что в Ленинград «пришел кавказский табак, – работает табачная фабрика», однако не сказал – какая, хотя мы знаем: имени Урицкого. Между тем, из этого замечания становится ясно, что в городе появился настоящий табак, что начали делать курево из настоящего табака, а не из суррогата и кленовых листьев. «Кавказский» же табак – это папиросы табачной фабрики № 2 в Тбилиси, откуда они поставлялись в Ленинград уже с 1942 года вместе с курительным «Грузтабаком».

Но к осени с табаком опять начались перебои. На фабрике им. Урицкого осенью 1943 года все силы были брошены на сбор листьев. В экспозиции Музея обороны Ленинграда можно увидеть копию плаката (оригинал хранится в фондах Музея истории Петербурга), который был выпущен в предпоследний блокадный год на фабрике. Вот его текст:

«Табак поступал к нам из Крыма. Из Кавказа, из Узбекистана и из других юго-восточных республик.

В прошлом году завоз табачного сырья в Ленинград был чрезвычайно затруднен.

Но... фабрика должна была работать. Фронт должен получать курево.

Вот тогда-то, осенью 1942 года, на фабрике зародилась мысль смягчить потребность в дефицитном сырье.

Используя древесный лист как дополнительный к махорочному сырью, мы значительно увеличили объем выпуска готовой продукции для фронта, дали немалый доход в государственный фонд.

За октябрь 1943 года нам надлежит собрать и просушить 35 тонн кленового листа.

Собирать надо исключительно кленовый лист!

Кленовый лист более эластичен, пластина листа очень выгодна для обработки и дает хорошее волокно.

По вкусовым качествам кленовый лист как дополнительный компонент в махорочный табак не только не меняет вкусовые качества, аромат и крепость махорки, но значительно смягчает и облагораживает курительные свойства махорочного табака.

Трудящиеся фабрики им. Урицкого!

Торопитесь выполнить свой долг!

17 дней осталось до конца октября!

Собирайте листья!»

В тексте этого обращения поражает цифра – 35 тонн! Столько нужно было собрать листьев, каким-то образом доставить их на фабрику, высушить, обработать... Собирали листья преимущественно на бульваре Большого проспекта Васильевского острова.

5 января 1944 года в Ленинграде было разрешено выдавать «спичек – рабочим, ИТР и служащим по 15 книжечек, иждивенцам по 8 книжечек». По сравнению с 1942 годом, когда выдавали по 3 «книжечки», это служило знаком того, что жизнь налаживается, ибо без огня, что без хлеба. Бывали случаи, когда люди радовались тому, что им удалось достать пару спичек.

И в заключение этой самой печальной главы в истории нашего города – о том, о чем, к сожалению, мало кто сегодня знает. 30 апреля 1944 года в Соляном переулке открылась выставка «Героическая оборона Ленинграда», которая в 1946 году была преобразована в музей. Тысячи ленинградцев приносили сюда предметы и документы блокадной поры. Со временем музей занял площадь в 37 тысяч квадратных метров.

В начале 1949 года по указанию Сталина его припешник Маленков прибыл в Ленинград с бандой соратников для уничтожения музея. Организатор блокадного

музея ученый-историк Л. Л. Раков был отправлен в лагерь, погромщики ежедневно увозили экспонаты на «полуполтора» в «неизвестном направлении». Скульптуры и бюсты защитников города коммунисты тут же разбивали, документы сжигали...

Только в 1989 году музей начал возрождаться. Он располагается по тому же адресу – Соляной переулок, 9, но занимает ныне площадь всего в одну тысячу квадратных метров. То, что было разворовано или уничтожено сталинистами, уже не восстановить. Но и сегодня в фондах музея хранятся самодельные зажигалки блокадного времени, сделанные из патронов безвестными умельцами, портсигары с выбитыми на них словами «Смерть фашистским оккупантам!», пачки папирос, табака, спички. В экспозиции представлены папиросы «Nord», любительский табак «Ялта», курительная махорка «Танк» (ну и убойная, наверное, была!), карточки на получение 100 граммов табака или 200 штук папирос, кيسеты с вышитыми словами: «Знай, что сердцем я с тобою и горжусь, что ты в бою!» или «От детей Ленинграда», записки, на которых карандашом кем-то в блокаду написано: «Когда нет хлеба, курящему человеку невыносимо без табака, и на заводе составлялись бесчисленные списки курящих на получение табака, чтоб облегчить их жизнь, полную трудностей...» или «Кто мало работает, учсть при выдаче табака».

Все это – лишь малая толика того, чем когда-то был замечателен этот уникальный музей, экспонаты которого собирали участники обороны Ленинграда. Отчасти поэтому так скуп наш рассказ о «бабушкином матрасе» и прочих атрибутах блокадной поры. Осталось лишь сказать, что о табаке в годы войны сочинялись песни (упомяну «Махорочку» К. Листова и «Давай закурим, товарищ мой» М. Табачникова), которые потом ветераны пели в дружеском кругу как воспоминание о нелегкой военной поре.

10. ИЗ «КОСМОСА» В СТРАНУ «МАРЛБОРО»

«Табак исключительно служит человеку для удовлетворения его прихоти и составляет нередко, если не всегда, несчастье того же человека».

Академик И. М. Догель

И надо, видно, докурить
Остаток табака...

А. Галич. «Легенда о табаке»

В первые послевоенные годы курили даже те, кто прежде не курил, – многие пристрастились к зелью во время войны и расстаться с этой привычкой уже не могли. Курили повсеместно на улицах, на стадионах, в школах, на заводах, в больницах, в банях. Таблички «Место для курения» по распространенности в миллионы раз превосходили редкие надписи – «Не курить!», на которых остряки меняли букву «к» на «д». Ленинградцы с удовольствием дымили дома и в гостях, на лестничных, детских, смотровых, съемочных и строительных площадках, в садах и парках, в рюмочных и в фойе театров, дожидаясь трамвая и выходя из него, а также на природе – на даче, на берегу Финского залива и Ладожского озера, в лесу, собирая грибы и ловя рыбу.

В пригородных электричках после войны первый и последний вагоны были для курящих; в них, не выходя в тамбур, курили все, что тогда можно было курить, – «Ракету» («для шкета»), «Норд», «Пушки», «Дели», «Красную Звезду», «Спорт», «Парашютист», «Лейтенантские», «Ан-

тракт», «Ленинградские», «Девиз»; те, кто побогаче и попижонистее, дымили вечно измятым «Беломором» или более скромным «Севером» (пачки поменьше, чем у «Беломора»). Сразу после войны «Север» переименовали в «Норд», а потом – без каких-либо объяснений – опять в «Север», как и одноименное кафе и магазин тортов и пирожных на Невском проспекте, 44, существующий до сих пор.

Продолжали вовсю дымить в фильмах и литературных произведениях. Курение помогало режиссерам и литераторам отразить чувства, которые владели героем в конкретной ситуации. Вот взятый наудачу пример из шпионской книги 1956 года: «Челноков смял папироску и старательно погасил в пепельнице каждую искру отдельно». Действия Челнокова призваны передать его волнение и показать, что он тщательно обдумывает положение, в котором оказался. Да что там Челноков! Уважающий себя литературный герой и шагу не сделает, и рта не раскроет, прежде чем не закурит. Вот какими замечательными фразами пестрит издававшаяся в 1950–1960-е годы популярнейшая «Библиотечка военных приключений»: «Файн презрительно поджал губы и выпустил струю дыма прямо в лицо Крыжу». «Подполковник, лежа на траве, курил и думал. Когда аккуратно выкопанная им ямка оказалась, точно заседательская пепельница, полна окурков, Жилин сказал...» «Комов взял предложенную ему папиросу, закурил и выжидающе посмотрел на подполковника». «По тому, как Жилин мял в беспокойных пальцах погасшую папиросу, Комов понял, что подполковник взволнован». «Вот, скажем, иностранец – он курево по-нашему нипочем курить не станет. Иностранец пачку возьмет, щелкнет по доньшку, губами сигарету вытащит – он это с большим форсом сделает – и закурит так, как ни один русский человек никогда не закурит». «Курите! – предложил он пач-

ку сигарет “Астра”». «Выпустив кольцо дыма, Евсюков ловко нанизал его на палец». «Перед экспертом был поставлен вопрос: “Были ли эти сигареты выкурены одним лицом или это окурки сигарет, выкуренных разными лицами?”» «Подполковник молча выкурил папиросу, сплющил в беспокойных пальцах гильзу и сосредоточенно свернул ее. Это не предвещало ничего хорошего». «Сколько стоит пачка сигарет “Астра”? – Два шестьдесят. (В 1957 году; после реформы 1961 года – двадцать шесть копеек. – И. Б.)». «Аккурат в воскресенье, – ответил Макасов, ловко сворачивая пожелтевшими пальцами большую цыгарку самосада». «Ступак достал портсигар, закурил». «Опять закурил! Как увидит военный объект, так ему сразу курить хочется. Не кажется тебе, что это не только портсигар, но и фотоаппарат? Хорошо бы подержать в руках этот портсигар, прощупать его пульс».

Сколько мастерства проявлено при написании этих фраз, как они тщательно продуманы, как уместны в смысле развития сюжета, сколь ценны информативностью, какую широкую гамму чувств и настроений передают! И главное – попробуй обойтись без них!

Курили не только отрицательные герои, но и положительные – пионеры и энтузиасты, стахановцы и принципиальные борцы за народное благо. Без конца курили ученые, особенно в часы творческого напряжения или, напротив, бессилия. Курили, приступив к делу и завершив его, после завтрака и обеда, перед сном и крепко выспавшись, на трезвую голову и выпив.

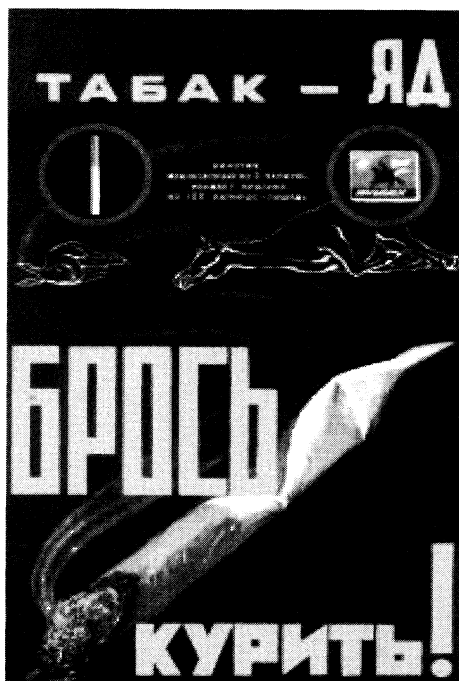
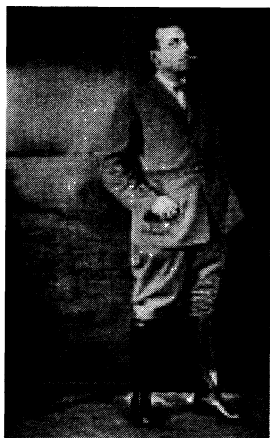
А как эффектно давили сигарету сапогом бросающие курить герои Н. Крючкова, В. Меркурьева и В. Неципленко в фильме «Небесный тихоход» (1946 г.), – так и хочется повторить их движение, но ведь надо прежде закурить! И повторяли, и закуривали! Миллионами! И снова режиссеры снимали полюбившуюся сцену – «бросаем курить!»

уже в исполнении других артистов – А. Белова и А. Кожевникова, в другом фильме – «Неподдающиеся», в другом году – 1959-м. А как ловко отшвырнул докуренную сигарету себе за спину Райский, герой Вячеслава Тихонова, в фильме «Чрезвычайное происшествие», вышедшем на экраны в том же, богатом на табачные кинотрюки 1959 году! Потом этот залихватский жест повторяли сотни тысяч курильщиков, стараясь хоть в чем-то быть похожим на любимого киногероя. А вот Кате, героине фильма «Высота» (1957 год), едва ли отваживались подражать даже самые смелые мужчины: она по ходу сюжета прикуривает от сварочного аппарата.

На табачных фабриках, меж тем, налаживалась жизнь и строились планы по насыщению спроса курильщиков всего СССР. В 1946 году на фабрике им. Урицкого была произведена перепланировка и реконструкция, установлена новая техника, в частности, появилось 14 установок для кондиционирования воздуха. Все это помогло восстановить довоенный ассортимент табачной продукции уже к 1948 году.

Для папирос высших сортов в 1950-е годы стали использовать дорогие упаковочные материалы; немного выше стал и уровень полиграфического исполнения. К категории дорогих папирос принадлежали «Ленинградские» и «Юбилейные»; последние – самая престижная марка из ассортимента фабрики им. Урицкого, выпущенная к 250-летию со дня основания Петербурга (1953 год). Марка эта, впрочем, так и не стала популярной, ибо ленинградские (петербургские) курильщики зарекомендовали себя жуткими консерваторами, весьма неохотно меняющими свои пристрастия, – известны случаи, когда из-за невозможности купить «Беломор» курильщик вообще ничего не курил несколько дней, пока не доставал любимые папиросы. Спустя несколько лет, в 1957 году, по-

10. Из «Космоса» в страну «Марлборо»

явились папиросы «Фестивальные», выпуск которых был приурочен к Московскому международному фестивалю молодежи и студентов; фестиваль прошел – и папиросы, выпущенные в его честь, исчезли и забылись, растворились, так сказать, в фестивальной дымке, хотя потом вдруг возродились вновь. В 1967 году на фабрике начали выпускать папиросы первого сорта «Ладога» в трехслойной упаковке. По-новому стали оформлять пачки папирос высшего сорта – «Ленинградские», те же «Фестивальные», «Советские».

Фабрика Клары Цеткин после войны вошла в Главное управление табачной и махорочной промышленности Министерства пищевой промышленности СССР. В 1953 году она по воле советских чиновников, без конца выдумывавших себе работу, переметнулась в подчинение Министерства промышленности продовольственных товаров. Когда по прошествии многих десятков лет согласишься за подобными перемещениями, возникает ощущение, будто в то время не знали, куда девать то или другое предприятие, кому перепоручить. Опережая события, замечу, что в 1970 году фабрика Клары Цеткин стала филиалом Лентабака и объединилась с фабрикой Урицкого; в 1986 году этот союз распался. Кому и главное – зачем был нужен этот неравный брак, навязанный обоим партнерам и продолжавшийся целых шестнадцать лет, неведомо.

У каждой из этих фабрик было свое прошлое, свои поклонники. Достаточно было в любом месте обширного СССР назвать одно из этих названий, чтобы слушателю стало все ясно. Именно так случилось в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

«Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться.

– «Фабрика Клары Цеткин», – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?

- Да.
- Путешествуете?
- Путешествую, – сказал я».

В 1960-х годах, в период начала освоения космоса, земляне, населявшие одну шестую часть суши, получили возможность приобщиться к завоеванию околоземного пространства, не покидая Землю, – подымить «Межпланетными» и «Лайкой». Потом к «Лайке» добавился «Космос», затягиваться которым было не легче, чем попасть в отряд космонавтов, – уж слишком плотный был фильтр и в том и в другом случае. Да и табак был сырой.

Продолжился выпуск папирос – «Белая ночь», «Ленинградские», «Кавказ». Народ их не принял, поскольку не мог изменить «Беломору». Некоторые советские дамы, из числа изысканных, вкладывали в мундштук «Беломира» ватку, смоченную самыми дорогими духами «Красная Москва», – получался своего рода фильтр. Молодежь также вносила свою лепту в подготовку курева к курению – сигареты «Космос» перед употреблением укладывали рядышком на батарее отопления для усушки табака и фильтра.

Советским военнослужащим, служившим в Германской Демократической Республике, равно как и мирным жителям этой уже несуществующей страны, до сих пор помнятся сигареты «Дымок»: советские солдаты меняли их на гэдээрошный ширпотреб, чему наши друзья по соцлагерю были несказанно рады, ибо немецкие сигареты стоили очень дорого.

К концу 1960-х годов в СССР начали появляться сигареты с фильтром. Фабрика им. Урицкого первой приступила к их выпуску в 1969 году, когда рынок уже был заполнен болгарскими сигаретами. К 1957 году на этой фабрике производилось свыше 20 миллиардов штук папирос ежегодно. Это было крупнейшее табачное предприятие в СССР. Но болгары продолжали наседать.

С 1960 по 1975 год количество болгарских сигарет, ввезенных в СССР, возросло более чем в семь раз – с 10 до 71,4 миллиарда штук. Иногда в продаже появлялись польские сигареты («Спорт» – ай да поляки молодцы! Надо же так назвать зелье, совершенно несовместимое со спортом!), чешские сигареты («Фильтер» – без фильтра!). Сигары же в подавляющем большинстве доставлялись с Кубы, где, возможно, табачные листья по-прежнему растирали на обнаженном бедре, если только этот эротичный процесс, наблюдать за которым было бы одним удовольствием, не был к тому времени механизирован или, выражаясь изящнее, дезэротизирован (неологизм мой). Хороши были кубинские сигареты «Лигерос», «Партагос», и те, и другие в сладкой папиросной бумаге, но дымить ими отваживались немногие – слишком уж они были крепкими, хотя в качестве «закуски» к дешевому портвейну были незаменимы.

Курить начинали рано – лет в пятнадцать. Первыми сигаретами были «Ароматные», «Ментоловые», «Аврора» и «Прима», которые выпускались еще на «Лаферме» в начале XX века. По воспоминаниям автора книги «Нахимовское училище» В. К. Грабаря, перечисленные сигареты пользовались в 1960-е годы популярностью среди нахимовцев: «Фарить» (то есть, курить) безопаснее было в кочегарке, находившейся в подвале учебного корпуса. Однако спуститься туда и вернуться на занятия за пять минут перемены не всем удавалось. Гораздо доступнее был галльон. Доведенный штрафниками до идеальной чистоты, он служил еще и местом встреч, где рассказывались свежие анекдоты, делались первые затяжки. При появлении командиров окурки бросались в унитаз, а дальше начиналось следствие: обнюхивание, вытряхивание карманов и команда «Не спускать!» (то есть, не спускать воду в унитазе).

Однажды нахимовец Женя Беляев спрятал незатушенный окурочек себе в карман, уже занятый расческой. Командир роты устроил затяжной допрос (не одну затяжку можно было бы сделать), и тут в кармане Беляева полыхнуло и повалил едкий дым от пластмассы, очень любимый как курильщиками, так и противниками табака. На бедре у виновника надолго остался шрам от ожога. Остается надеяться, что последующие поколения нахимовцев извлекут урок из ошибки своего товарища. После отбоя, когда воспитатели покидали будущих офицеров, начинался массовый перекур, получивший название «Голубой огонек», – в честь набиравшей популярность телевизионной передачи».

Ассортимент табачной продукции 1970-х годов был в Ленинграде представлен коробками трубочного табака («Капитанский», самый популярный), который курили единицы, болгарскими сигаретами – «Шипка», «Опал», «*Femina*», ароматизированные «Дерби» (на меду! Появились еще в конце 1950-х годов; тогда они были без фильтра), «Родопи», «Интер», «*BT*» (латинские буквы, за которыми скрывалось название «Болгарский табак», – самые дорогие, 40 копеек за пачку, тогда как остальные сигареты с фильтром стоили не дороже 35 копеек, а без фильтра примерно 14). Были также «Трезор», «Джебел», «Стюардесса», «ТУ-134», кубинские сигары, советские сигареты – «Пчелка» (тоже на меду; «хороша, когда куришь не спеша», – так, кажется, говорили про «Пчелку», а чтобы все это знали, этими идущими от души словами были исписаны заборы и туалетные кабинки). «Ароматные» – первые советские ароматизированные сигареты, в желто-зеленой пачке; были «Ароматные» «нормальной» длины, а были и половинной – для курения с мундштуком. В 1960-е годы появились сигареты с фильтром «Ментоловые», кото-

рые очень нравились подросткам. В продаже эти сигареты бывали редко, и молодежь придумала смачивать фильтр дешевых сигарет валидолом или ментоловыми каплями.

«Народные» сигареты «Прима» и «Памир» были доступны всем – от школьников до тех, кого называли «работягами». Цена на эти сигареты в продолжение многих лет оставалась неизменной – десять копеек (батон тогда стоил тринадцать копеек, а круглый черный хлеб – четырнадцать). Были еще сигареты «Махорочные» по шесть копеек за пачку, но они появлялись в продаже редко. Тогда же начали выпускать половинные сигареты с фильтром – «Пегас», которые – вот удивятся любители «Марлборо» – выпускаются и покупаются до сих пор.

В этот ряд можно поставить сигареты «Прибой», которые просили не курить в непроветриваемых помещениях: запах этого табака был неистребим. Но его смело можно было курить на природе, у костра, исполняя под гитару популярнейшую в 1960-е годы песню Б. Ш. Окуджавы «Сигарета моя, сигарета...». В приложении к этой книге приводится стихотворение поэта В. Н. Корнилова, тоже вдохновленное сигаретой.

Первыми советскими сигаретами с фильтром были «Столичные» – совершенно отвратительное курево, с непроницаемым фильтром и кусками всякой всячины в табаке. Иногда, будучи оставленными без присмотра, они затухали, что для сигарет нетипично; затухали по собственной воле и другие сигареты советского производства, не говоря уже о «Беломоре», который можно гонять из одного угла рта в другой часами, что очень удобно для рабочих с грязными руками и водителей. Совершенно «нетягучими» были и укороченные сигареты «Новость». Страшно было смотреть на человека, пытавшего извлечь из них дым. Сигареты «Друг», которые прославил герой фильма «Берегись автомобиля» Деточкин в исполнении

И. М. Смоктуновского, тем не менее оставили о себе память как об отвратительном куреве в твердой яркой пачке с изображением умного пса. Умного потому, что не курил, пока не исчез из продажи.

О том, что курили советские вожди и курили ли они вообще – ходят разные слухи. Н. С. Хрущев вроде не курил, зато Л. И. Брежнев оставил у своего окружения память о себе как о злостном курильщике. Леонид Ильич долго курил «Беломор», потом перешел на «Новость», которую выпускали специально для него (где – неизвестно, но не в Кремле же), а в последние годы отдавал предпочтение американским «Winston». Когда врачи запретили ему курить, на помощь пришли умельцы: будто бы для генсека придумали портсигар с таймером и замочком, который открывался каждые 45 минут.

Потом и с портсигаром пришлось расстаться, и Брежневу пришлось «стрелять» сигареты. Будучи лишен и этой возможности, он стал искать случая очутиться в обществе дымящего. Даже переводчика В. Суходрева просил: «Витя! Закури, пожалуйста!» Когда «Витя» закуривал, Леонид Ильич просил, чтобы тот дымил прямо в его сторону, не церемонясь.

Фабрика Клары Цеткин на протяжении всей своей истории, особенно к концу ее, старалась разнообразить ассортимент выпускаемой продукции. Вот несколько самых известных марок: «Дюшес», «Палехский баян», «Ленинград», «Наша марка», «Тройка», «Кино», «Футбол», «Север» («лохматые, мятые “Севера” пачки» – такими эти папиросы запомнились ленинградскому поэту Л. Дановскому), «Прима», «Аврора». На фабрике также выпускались подарочные наборы сигарет «Ленинград» и «Кино», где в блоке на каждой из десяти пачек были виды Ленинграда и кадры из наиболее популярных советских кино-

фильмов. Все делалось для того, чтобы народ как можно больше курил, любовался картинками на пачках и чтобы при каждом удобном случае люди дарили друг другу сигареты и папиросы с ликами любимых киноартистов и изображениями памятников архитектуры. Себе такие пачки мало кто покупал – дорого. Да и нелепо как-то – дарить самому себе сувениры.

В конце 1980-х годов, в эпоху перестройки, картина резко изменилась, и на табачном рынке остались лишь одни воспоминания о прошлом. Курево стало таким же дефицитом, как и колбаса, водка и т. д., – а в СССР все было дефицитом. Затем, с приходом рыночных отношений и появлением вседозволенности, на рынке вообще и на табачном в частности, стали появляться неведомые откуда завезенные сигареты с неведомыми названиями (например, «*Kenton*» – появились на короткое время в 1990-х годах и вскоре навсегда растаяли в табачном дыму от других сигарет), табачные изделия индийского, немецкого, египетского, югославского производства. Постепенно Петербург переполнился табачным зельем до отказа – как отечественным, так и привозным, как качественным, так и сомнительным, но в основном дешевым. Сигаретные ларьки окружили станции метро, подобрались к школам и детским садам, заслонили входы на спортивные площадки. Курящий прохожий стал таким же обыденным явлением, как и тот, что не курит, ибо только что выбросил сигарету себе под ноги (урны вместе с советской властью ушли в прошлое – можно было пройти весь Невский проспект и не найти ни одной урны). Закурил даже Волк из мультфильма «Ну, погоди!», причем в самой первой серии, задавая, так сказать, тон всему сериалу и возбуждая нездоровый интерес у юного поколения кинозрителей.

Исчезли – как тогда казалось, навсегда – любимые табачные сорта трубочников: «Золотое Руно», «Капитан-

ский», «Трубка мира», на смену которым пришли стандартные, распространенные в других странах сорта «Трабзон», «Самсун». Даже о знаменитых «горлодерах» – сортах трубочного табака «Моряк» и «Таежный» – бывалые курильщики стали вспоминать с ностальгией. Но были в то время и настоящие трубочные табаки – голландские, французские, английские, финские, шведские; ленинградцы обычно называли их «колониальными» (как этот табак попадал в СССР – историку неизвестно, но хорошо было известно тем, кто этот табак доставал).

Табачных фабрик и специальных магазинов в советское время было так мало, что рассказать о них практически нечего. В конце 1940-х – начале 1950-х годов был магазин «Папиросы. Табак» на углу Невского и Владимирского проспектов, где спустя три десятилетия появился знаменитый «Сайгон». В 1960–1970-е годы в пятимиллионном Ленинграде было всего три-четыре магазина, специализировавшихся на торговле табаком – «Гавана» (Кировский, ныне Каменноостровский просп., 2; в 1960-е годы это был безымянный магазин № 15 Райпищеторга Петроградского района), на Невском проспекте, 64, магазин на 7-й линии Васильевского острова и на Большом проспекте Петроградской стороны (бывший доходный дом Б. О. Урвича, построен в 1910–1913 годах, ныне д. 57; в 1960-е годы – № 45 Петроградского райпищеторга), не магазин, а музей – витрины и шкафчики под «хохлому» и расписной потолок. Сюда заходили даже те, кто не курил, – посмотреть на всю эту красоту, «подышать». Старожилы помнят этот магазин до сих пор.

Виной скудному числу табачных магазинов в советское время – отнюдь не антитабачная кампания, которой в СССР никогда и в помине не было. Курение табака скорее поощрялось, в частности, и с помощью популярных артистов кино, куривших беспрестанно и красиво и ста-

новившихся невольными пропагандистами нездорового образа жизни. Вспомним героиню актрисы И. Муравьевой из фильма «Москва слезам не верит» (1979 год). Сцена, в которой ей подносят огонь двое мужчин одновременно и она прикуривает у обоих, – выдающаяся находка. И попробуйте сказать режиссеру, что это не так. И действительно, – как иначе, каким художественным приемом показать, что женщина нравится не одному мужчине, а двоим, да еще сразу? Да что ходить далеко за примерами: вышедший в апреле 2005 года на экраны страны телесериал «Гибель империи» начинается с того, что герой закуривает. Спустя несколько кадров он демонстрирует, как ловко умеет прикуривать. Переключившиеся с 1-го канала на канал «Россия» могли в тот же вечер видеть, как курит одну сигарету за другой герой телесериала «Мужчины не плачут». (Вообще эти главные российские каналы надо поздравить с неумным желанием приобщиться к необузданной рекламе табакокурения.) Еще как плачут! Особенно те, кто курит! На этот счет много могли бы порассказать онкологи, кардиологи, урологи, невропатологи, ну, и уже упоминавшиеся нами патологоанатомы. Вот им, патологоанатомам, почему никогда не дают слова?

Система торговли табаком (да и всем прочим) была в СССР организована таким образом, что ни о какой осмысленной ее организации и речи не могло быть. Производством и распределением в стране правил дефицит, в дефиците оказалась не только табачная продукция, но и магазины. Многие лишь слышали, скажем, о «Марлборо» (они же «Мальборо»), видели, как его курят в зарубежных фильмах, другие жизнь прожили с табаком, так и не увидев ни разу и не попробовав хваленую сигарету из пачки, разрекламированной по всему белу свету скачущим ковбоем. Но были и такие, кто только «Марлборо»

10. Из «Космоса» в страну «Марлборо»

Коллаж в газете «АиФ здоровье»

Работа Александра и Светланы Фалдиных “Никотиновая улыбка”

и курил. Продавались эти сигареты в 1970-е годы в валютных магазинах и в женском туалете гостиницы «Европейская» либо выдавались большим чиновникам и «своим людям» в спецраспределителях. Немало было путей, чтобы добыть иностранные сигареты. Еще с конца 1960-х годов подпольный табачный рынок поставлял любителям табака американские сигареты самых разных марок. Режиссеры театров, народные артисты, крупные начальники курили «Марлборо», «Уинстон», «Кент» и пр., тогда как в магазинах лежали только «Столичные».

Интересна история сигарет «Марлборо», которые нынче производятся и в Питере и, как это ни прискорбно, доступны каждому школьнику. Появились они в 1924 году в Америке как дамские («мягкие, как майский день») и выпускались с мундштуком цвета слоновой кости или красным – чтобы не видно было следов помады. В 1954 году наладили выпуск «Марлборо» и покрепче, чтобы сигареты понравились и мужчинам, но выпустили их с фильтром и – впервые в истории сигаретного дела – в твердых пачках с открывающимся верхом, чтобы мужчины могли носить их в карманах джинсов. В 1964 году была придумана страна «Марлборо», и к 1975 году эти сигареты стали самыми продаваемыми в мире. Официальное появление сигарет «Марлборо» в России относится к 1990 году. В завершение этой красивой истории замечу, что Уэйн Макларен, тот самый «ковбой» с сигаретой в зубах, который стал символом «Марлборо», умер от рака легких в 52 года.

Но вернемся в Советский Союз 1970-х годов.

Крупнейшие ленинградские фабрики продолжали работать, десятилетиями выпуская свою продукцию. Сыновья курили «Беломор» еще и потому, что его курили их деды и отцы. Правда, далеко не все сыновья... Дочери предпочитали сигареты.

Табачные фабрики продолжали трансформироваться. В 1970–1986 годах фабрика им. Урицкого называлась Ленинградским производственным объединением табачной промышленности им. Урицкого. В начале 1990-х годов фабрика пережила третье рождение. Ее приобрел американский холдинг *PJR Nabisco*, перешедший затем к японской корпорации *Japan Tobacco Inc.* (штаб-квартира которой находится в Женеве и имеет представительства более чем в 40 странах мира). Владельцем фабрики стала компания *JT International (JTI)*. Общий объем инвестиций компании *JTI* в петербургскую фабрику «Петро» (бывшая им. Урицкого) составил 400 миллионов долларов. После модернизации и переименования в открытое акционерное общество (ОАО) «Петро» предприятие стало крупнейшим и наиболее современным табачным производством в России и самой большой фабрикой компании *JT International* в мире. В 2003 году она выпускала 8 тысяч сигарет в минуту (около 50 миллиардов штук в год). Марки выпускаемых «Петро» сигарет и папирос (более 20 наименований), среди которых «Петр I» (впервые выпущены в 1995 году), «Русский стиль», лицензионные «*Camel*» (появились в США в начале 1920-х годов под рекламным лозунгом «Возьми себе верблюда»), «*Winston*», «*Salem*» и другие, сегодня хорошо известны в Петербурге. В 2003 году к «Петру I» добавили «легкие» версии – «Петр I Мягкий Вкус» «Петр I Легкий Вкус» «Петр I Сверхлегкий Вкус». Царь Петр, зачинатель табачного дела в России, точно не ожидал, что именно так все обернется, что его именем будут называть сигареты, фабрики...

В 2001 году фабрика «Петро» со Среднего проспекта Васильевского острова была переведена на Петергофское шоссе, 71. Побывав на фабрике в апреле 2005 года, автор этой книги с удовольствием и на удивление недорого пообедал в замечательной рабочей столовой, сигаре-

ты же не пробовал, поэтому сказать о них ничего не может, тем более, что стакан сока ни за что не променяет даже на пачку сигарет. Или даже на табак Жукова.

В 2003 году ОАО «Петро» был крупнейшим налогоплательщиком в нашем городе. Тяжелая промышленность тут «курит».

Вернемся к фабрике им. К. Цеткин. В 1991 году фабрика была преобразована в закрытое акционерное общество (ЗАО), с 1992-го – ЗАО «Нево Табак». Уже больше 130 лет она находится по одному адресу – Клинский пр., угол Броницкой улицы. Это одна из крупнейших российских табачных компаний без участия иностранного капитала. Ежегодно «Нево табак» производит свыше 12 миллиардов штук сигарет – А. Н. Шапошникову, основателю производства, такие объемы и не снились. Ныне компания выпускает около 20 марок сигарет, в названии которых звучит «питерско-северная» тема. Это сигареты «Ленинград», «Петр Великий», «Император», «Аврора», «Северная Пальмира», «Прима Нево» и другие, а также любимые сигареты российского Севера – «Арктика». К 300-летию Петербурга в фирме выпустили марку сигарет «1703» и приобрели собственное фильтроделательное оборудование.

В 1994 году на арендных площадях одного из питерских предприятий была основана первая фабрика компании «*Phillip Morris*» в Северо-западном регионе – «Филип Моррис Нева». Вторая – «Филип Моррис Ижора», самая мощная из российских фабрик «*Phillip Morris*», была построена в Ленинградской области «с нуля» и начала работать в феврале 2000 года. Это самый крупный инвестиционный проект компании в Восточной Европе. В начале 2002 года «*Phillip Morris*» остановила производство на «Филип Моррис Нева», оборудование предприятия де-

монтировали, и все сотрудники перешли на «Филип Моррис Ижору».

В 2003 году компания «*Phillip Morris*» объявила о своем намерении вложить в расширение производства 240 миллионов долларов. В 2005 году собирались выпустить 70 миллиардов штук сигарет.

В 1997 году выпустили первую сигарету на фабрике «БАТ-СПб», называвшейся до этого «Ротманс Нево». На тот период это было одно из самых современных предприятий табачной отрасли России. Оно принадлежало международной компании «*British American Tobacco*» (БАТ), которая выпускает в свет такие известные в стране сигаретные марки многих стран мира, от Курил до Мыса Доброй надежды, марки, как «*Kent*», «*Pall Mall*», «*Lucky Strike*», «Ява». В 2002 году на фабрике было выпущено около 20 миллиардов штук сигарет.

Предприятие располагается в Лахте, близ Петербурга, где рядом с сигаретным комплексом возведены складские помещения.

Фабрика «Крес Нева», один из ведущих в России переработчиков табачного сырья, была основана в 1998 году. Тогда международная табачная группа «*Standard Commercial*» приобрела недостроенные цеха у представителя оборонной промышленности ОАО «Кировский завод» в Гореловском районе Ленинградской области. Вложив в строительство и оборудование предприятия около 18 миллионов долларов, «*Standard Commercial Group*» открыла первую в России фабрику по выпуску «взорванной» или экспандированной жилки, которая используется для производства «облегченных» («*light*») сигарет. До того времени табачную жилку сигаретные фабрики закупали за рубежом.

Прочие старые петербургские табачные производства уже давно ликвидированы и забыты. С конца 1990-х

годов на бывшем заводе Семенова производят мясорубки и оборудование для колбасных заводов. Кто такой Семенов, кто такой Макс Гельц или тем более Клара Цеткин – не помнит уже никто. И уже мало кто помнит, что происходило совсем недавно, в начале 1990-х годов.

5 июля 1991 года власти Петербурга объявили о введении талонов на продажу курева. Пожилые люди вспомнили о блокаде, журналисты накинулись на власть (ну, не все, конечно, – в основном курящие). Вот заголовок в газете «Смена» от 11 июля: «Друг, оставь покурить! А в ответ – тишина... Он забыл отоварить талоны».

Начались же перебои с табаком годом раньше. 11 августа 1990 года курильщики перекрыли движение на Невском проспекте, давая понять, что шутки с ними плохи. По городу прошла волна табачных бунтов. Тогдашнему руководителю Ленсовета некурящему А. А. Собчаку удалось найти мирное решение проблемы, но насытить спрос ленинградцев табаком было не в его силах.

С 8 июля по 5 августа в полном составе ушли отдыхать работники фабрики им. К. Цеткин. 15 июля начался коллективный отпуск у их коллег с фабрики им. Урицкого, который должен был закончиться 19 августа. Выпускавшиеся на этой последней фабрике сигареты «Стрела», «Рейс», «Кронверк» и «Космос» все же попадали летом на прилавки магазинов и, разумеется, в карманы курильщиков. Но, чтобы купить курево, приходилось выстаивать в длинной очереди. Многие и сегодня помнят очередь в табачный магазин на 7-й линии Васильевского острова, которая выстаивалась от выхода с эскалатора станции метро «Василеостровская» и тянулась вдоль всей улицы.

Вообще в 1990-е годы стало доброй традицией закрывать табачные фабрики летом – в это время года особенно чувствуется загрязнение воздуха, а табачный дым еще

больше загрязняет атмосферу. Правда, спасибо табачникам за это никто не сказал.

Едва ли не единственными сигаретами, поступавшими тогда в продажу, был «Космос». Нелишне вспомнить, сколько стран принимали участие в изготовлении этих сигарет весьма невысокого качества. У «Космоса» был австрийский фильтр, австрийский ободок, французская сигаретная бумага, болгарский или индийский табак, финский упаковочный картон, английская целлофановая пленка и немецкая разрывная ленточка.

Вершиной увлечения космической темой стали сигареты «Союз-Аполлон», появившиеся на свет после экспериментального полета американского «Аполлона» и советского «Союза» в июле 1975 года (правда, появились они в СССР, но не в США). Сигареты выпустила компания «*Philip Morris*» при участии табачной промышленности СССР. Потом в пяти городах бывшего Советского Союза: Москве, Ленинграде, Кишиневе, Баку и Сухуми – наладили лицензионный выпуск «*Marlboro*». Воистину – у космоса нет границ!

В 2004 году в Петербурге было несколько табачных производств: помимо «Петро», это Бат-СПб, наб. Мойки, 11, бывшая «Ротмэнс-Нева», «Бритиш Америкен Табакко СПб», 3-я Конная Лахта, 38, «Крес Нева», Волхонское шоссе, 4, ЗАО Филип Моррис Ижора, Волхонское шоссе, 7. Все они входили в состав ассоциации производителей табачных изделий Табакпром. Имелось также несколько специальных магазинов по продаже табака, включая сеть табачных магазинов «Табакерка» (25 оптовых баз). Табачными изделиями торговали многочисленные киоски.

В 2005 году в Петербурге стали наконец-то избавляться от многочисленных киосков, окружавших станции. Сигареты в этих киосках продавались круглые сутки блоками, пачками и поштучно.

В последнее время появляются неплохие книги, направленные на борьбу с курением. Как справедливо заметила Т. Свищева, автор книги с убойным названием «Полюбил табак – впереди рак», если бы появились сигареты в неприглядной упаковке из низкокачественной бумаги с такими названиями, как «Язва», «Атеросклероз», «Инфаркт миокарда», «Мозговой инсульт», то число курильщиков поубавилось бы. Будь моя воля, я бы привлек к сочинению названий сигарет особо злостных матерщинников, потерявших вследствие пристрастия к табаку легкое или ногу и вместе с погубленными табаком членами и органами утратившими всякую деликатность. Им есть что сказать. Дайте, дайте же им подумать над названиями сигарет! А то я сам что-нибудь предложу. Например – «Кашель № 6» (легкие). Да вот и мой коллега и первый читатель этой книги Ю. Н. Кружнов заглядывает через плечо и предлагает свои названия: «Чахоточные», «Мечта туберкулезника», «Последняя затяжка», «Атеросклероз», «Ишемические», «Язвенные», «Галлюцинация» (дамские). Простор для фантазии для желающих поупражняться в остроумии здесь безграничен. Предложения лучше отсылать на табачные фабрики.

Однако куренью петербуржец по-прежнему придает nepозволительно большое значение. А о здоровье курящего и говорить нечего – тут каждый пусть поговорит с собой сам. И поговорит серьезно. И чем раньше, тем лучше. Ибо может статься, что и сам с собою уже не поговоришь, если будешь продолжать курить, невзирая ни на предупреждение Минздрава, ни на слова С. П. Боткина, который, умирая в возрасте 57 лет, сказал: «Если бы я не курил, то прожил бы еще 10–15 лет». Хорошие слова, достойные того, чтобы печатать их на пачках, чтобы курильщикам было что почитать в радостную минуту перекура.

Петербуржцы и петербурженки курят сигареты, папиросы, трубки. 10 октября 2002 года в нашем городе было организовано первое в России Общество ценителей сигар. Основателями общества стал генеральный менеджер гранд-отеля «Европа», Эльмар Грайф (Германия), производитель доминиканских сигар Жак Мелконян (Швейцария; по словам Грайфа – это «лучший производитель сигар в Доминиканской Республике») и Арсен Гаспарян, основатель и издатель первого российского сигарного журнала «*Hecho A Mano*». По мысли господ создателей, общество призвано возродить забытые традиции и благородный стиль салонной культуры. Кульминация сигарных вечеров – изысканный ужин в одном из ресторанов гранд-отеля. За стены гостиницы этот опыт пока не распространился, и созданная Мелконяном табачная смесь сигар с маркой гранд-отеля «Европа» широкому кругу курильщиков не знакома. Даже о существовании ее практически никто из петербуржцев не слышал. Вот и хорошо.

Случайно, но кстати вспомнились строки «поэта-правдолюбца» Игоря Иртеньева:

Надену я пиджак в полоску
Или, допустим, брюки в клетку,
Достану с понтом папироску
Или, допустим, сигаретку.

С «понтом» 6 сентября 2003 года проходил в Петербурге международный турнир по медленному курению трубки на «Кубок Петра» (кого же еще?!). Хозяева (не знаю – поля? помещения? курилки?, как не знаю и того, шли ли на них брюки в клетку) заняли первое место, затянув представление до невероятия. Поверженные гости разъехались по домам тренироваться дальше.

Истории известны примеры, когда человек, куривший трубку или сигары, дожил до весьма преклонных лет.

Уинстон Черчилль и слушать не хотел о вреде табака: «Если газеты начнут писать о том, что надо бросить курить, я лучше брошу читать». Сказано вполне в духе Черчилля, который на зависть непьющим и некурящим как-то заявил: «Я много пью, мало сплю и курю одну сигару за другой, поэтому я на двести процентов в форме». Надо однако признать: бывший премьер-министр Англии, выкуривший за свою долгую жизнь около трехсот тысяч сигар, – редкий пример долгожителя среди курящих. Пожелаем членам петербургского клуба любителей сигар и сочувствующих ему доброго здравия. А также уверенности в своих силах и возможностях, чем в избытке обладал Черчилль, потушивший последнюю сигару в возрасте 91 года. «Отберите у меня сигару, и я начну с вами войну», – говорил он.

Черчилль выкуривал до двенадцати сигар в день, но войну по истреблению сигар у него выиграл 1-й рейхсканцлер германской империи Отто фон Бисмарк, без сомнений и колебаний истреблявший, подобно Черчиллю, по пятнадцать сигар каждый день. «Курить сигару – это божественно», – заметил француз Виктор Гюго, составивший компанию упомянутым англичанину и немцу (о чем те не подозревали). К ним присоединился и американец Марк Твен, заявивший от имени товарищей по пристрастию: «Я, как и все, отличаю мои сигары по марке, а вовсе не по вкусу». А еще были и есть знатоки на всех континентах, которые отличали сигары по шелковой ленте опоясывавшей сигару; лента использовалась для того чтобы сигара не пачкала перчатки, а пальцы не желтели и не пахли табаком.

Но настают, кажется, другие времена, и ряды курильщиков-аристократов редеют, да и на черчиллей и бисмарков уже давно неурожай. В 1999 году продюсеры фильмов о Джеймсе Бонде заявили, что курить он больше не будет,

ибо подает дурной пример молодежи. 7 февраля 2005 было запрещено курить в общественных местах даже на Кубе – стране, где еще совсем недавно курил каждый четвертый, а образ команданте всегда ассоциировался с неизменной сигарой во рту. 1 марта запрещено повсеместно курить в королевстве Бутан. В Италии больше не курят в ресторанах – страшное испытание для нашего человека! Ежегодно от курения в мире умирают 5 миллионов человек. Образ же россиянина пока «смотрится» скорее с сигаретой, чем без нее. Интересно, сколько еще должно пройти десятилетий (веков?), прежде чем в истории табакокурения в Петербурге можно будет поставить точку?

Моряки (настоящие моряки) никогда не бросают окурки в море, ибо море – это могила моряков. Перенесем аналогию на сушу и содрогнемся. Посмотрим еще раз вслед юной петербурженке, бросающей окурки себе под ноги; а после того, как она это сделала, посмотрим на нее, конечно же, совсем другими глазами.

Дело – табак. Когда-то так говорили бурлаки. Бредя по колону в воде, они, по мере того, как становилось глубже, старались держать кيسет все выше и выше, и, когда вода подбиралась «под табак», они так и говорили: дело – табак. Выражение не забылось. Сегодня так говорят в тех случаях, когда дело безнадежное, ситуация безвыходная, положение плачевное. И правильно говорят. Будущего у табака нет. У него есть одна история. Это история болезни, от которой человек когда-то излечится. Я постарался сделать эту историю не слишком грустной, ибо, смеясь, как известно, легче расставаться со своим прошлым.

И в заключение – совет тем, кто заглядывает в Интернет чаще, чем в книги. Там тоже есть что почитать на интересующую нас тему. Самый известный портал сети – www.no-smoking.ru. Здесь собраны из разнообразных источников многочисленные сведения о вреде курения,

приводятся список и инструкции препаратов никотинозаместительной терапии и даются ответы на животрепещущие вопросы, которые курильщики вслух задавать не отваживаются: правда ли, что «легкие» сигареты менее вредны, насколько эффективно кодирование и т. д. В разделе «Памятные даты» можно найти поздравления тем, кто бросил курить, например, сто дней назад или – страшно подумать! – целых двести.

На сайте www.no-smoking.ru курильщики могут вволю полюбоваться картинками органов жертв пагубной привычки, готовых с этими самыми органами расстаться. Зрелище не для слаонервных. Но рассчитано на тех, кто совсем не представляет себе, к чему ведет такое бестолковое, небезопасное для здоровья (своего и окружающих), абсурдное, немодное, дорогое занятие – курение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Среди множества стихотворных посвящений табаку я выбрал одно. Мой выбор пал на него, потому что едва ли кому-то сегодня попадутся на глаза сочинения Ивана Петровича Пнина (1773–1805). К тому же этим стихотворением, похожим на эпитафию, весьма уместно завершить книгу, посвященную одному из самых больших несчастий человека, которое он по-прежнему принимает то ли за привычку, то ли за удовольствие.

И. П. Пнин

Мысли о табаке

Когда уныние, печаль владеют мною,
Когда смертельно мой дух объят тоскою,
Когда ни в обществе любезных мне людей
Отрад не нахожу я горести моей,
Когда повсюду я лишь скуку обретаю, –
О трубка милая! К тебе я прибегаю.
От всех уединясь, беседую с тобой,
Спокойнее тогда бывает разум мой.
От вредной мокроты мой мозг ты очищаешь,
И мысли мрачные и грусть ты прогоняешь.
Когда взираю я, как дым клубится вверх
И вдруг передо мной в пространстве исчезает,
То лучше поучений всех
Мою мне жизнь табак изображает.
Равно как он, я прах пустой,
И жизнь моя есть пламень мой,
Который мой состав дотоле оживляет,
Доколе пишу он потребну обретает.
Не станет пищи сей – потухнет он навек,
А вместе с ним и жизнь теряет человек.

1805

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В начале октября 1914 года, во время Первой мировой войны, в Гатчине, в доме, в котором жил А. И. Куприн, был устроен лазарет для раненых солдат. В большую комнату, служившую семье писателя гостиной и столовой, поставили десять коек, а в соседней, маленькой, комнате была устроена перевязочная.

В один из дней А. И. Куприн написал стихотворное письмо «дяде Михею» с просьбой прислать папирос солдатам и получил на него ответ (вместе с рекламой папирос фабрики «А. Н. Шапошников», разумеется). Завязалась короткая переписка, опубликованная впоследствии в журнале «Ресторанное дело». Вот она:

Дяде Михею

О «нежный», «мягкий», о «душистый»,
О соблазнитель всех людей!
О «пуганный», о, «волокнустый!»
«Албанский» дядюшка Михей.

У нас в домашнем лазарете,
Всегда полным-полно солдат,
Все львы – храбрейшие на свете,
Все рвутся в бой, и все... курят!

О добрый брат по Аполлону,
Смягчи курительный вопрос,
Пришли героям по поклону
И хоть... по паре папирос.

*А. Куприн.
Гатчина.*

Приложение 2

А. И. Куприну

Сердечно Куприну жму руку,
Героям-раненым привет,
Шлю папирос – развеять скуку,
При пожеланьи многих лет!!

Дядя Михай.

Одновременно послано: «Осман», 10 шт. 10 коп. и дороже,
«Десерт», 10 шт. 8 коп., «Ю-ю», 10 шт. 8 коп., «Ева», 10 шт. 8 коп.,
«Каир», 20 шт. 7 коп., «Тары-бары», 20 шт. 6 коп., «Албанский»,
табак на все цены, и «Любительский», $\frac{1}{4}$ фунта 60 коп.

Дорогой дядя Михай!

Свидетельствовать очень рад
Свое почтенье!
Солдаты Ваш табак курят
На удивленье!
И очень Вас благодарят
За наслажденье.
Героям лучший шоколад –
Куренье.

Ваш А. Куприн.

Раненые шлют привет:

Михаил Бригинский, Кирга, Балин, Афанасий Мизинцов, Никита
Доценко, Тарас Приградзе, Петр Горельцев, Анисим Тунеев.

Другие подписи неразборчивы.

«Соломка», 20 шт. 7 коп., «Бабочка», 20 шт. 6 коп.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Публикуемое далее стихотворение поэта В. Н. Корнилова принадлежит к числу ярких образцов человеческих заблуждений. Похвальное слово табаку – примета 1960-х годов, когда курящий человек ассоциировался еще и с творческой, независимой личностью. Сигарета – неременный соучастник «кухонных», доверительных разговоров той поры, то, чем можно поделиться с другом, единственная, «последняя» радость.

Сигарета

Надежная вещь сигарета!
Сдави-ка покрепче в зубах,
Зажги – и не выдашь секрета,
Что дело и вправду табак.

Попыхивает светло-синий
Дымок ее – символ добра,
И кажется: смирный и сильный,
Спокойно дымишь, как гора.

Какие огромные горы!
И море у самой горы!..
Какие кругом разговоры!
А ты втихомолку кури.

Молчи, что изъедены нервы.
О том никому невдомек,
Поскольку достойно и мерно
Восходит веселый дымок.

Хватает позора и горя,
А все-таки не обличай:
Покуривай, как крематорий,
И все это в дым обращай.

Приложение 3

Пускай докатился до ручки
И весь лихолетьем пропах,
Но это не видно снаружи –
Торчит сигарета в зубах.

Я сам за нее укрываюсь
И что-то таю и темню,
Справляю последнюю радость,
Одну за другою дымлю.

1960-е годы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1846 год. Адресная книга Санкт-Петербургского биржевого купечества и браковщиков при Санкт-Петербургском порте. СПб. 1863.
- Айзенберг С. Ю.* Ядовитая трава из Вест-Индии. Фрунзе. 1973.
- Андреева В.* Дом на Черной речке. М. 1980.
- Архитекторы-строители Санкт-Петербурга. СПб. 1996.
- Ахшарумов Д. Д.* Из моих воспоминаний // Первые русские социалисты. Л. 1984.
- Барышников М. Н.* Деловой мир России. СПб. 1998.
- Бек.* Курение. СПб. 1902.
- Беловинский Л.* Бытовой словарь // Былое. 1995. № 6.
- Берман Е. И.* О столь ценимом табаке и трудовом молодняке. М.-Л. 1925.
- Блокадные дневники и документы. СПб. 2004.
- Богданов В. И.* Стихотворения. М. 1987.
- Богданов И. А.* Долгая дорога в Трою. СПб. 1995.
- Богданов И. А.* Старейшие гостиницы Петербурга. СПб. 2001.
- Богданов И. А.* Три века петербургской бани. СПб. 2000.
- Божеянов И. Н.* Санкт-Петербург в Петрово время. СПб. 1901–1903. Вып. 2-3.
- Бунатян Г. Г., Чернова М. Г.* Петербург «Северного века». Л. 2002.
- Вольфганг С.* Торговый дом «Шпис» и табачная фабрика «Лаферм» в 1852-1914 гг. // Петербургские чтения-96. СПб. 1996.
- Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб. 1867–1868.
- Георги И. Г.* Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оно-го. СПб. 1996.

Список литературы

- Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб. 1997.
Гончаров И. А. Обломов. Л. 1979.
Гончаров И. А. Обрыв. М. 1950.
Греч Н. И. Весь Петербург в кармане. СПб. 1846.
Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство. СПб. 2003.
- Джентльмен. Настольная книга изящного мужчины. СПб. 1913.
Джервис М. В. Русская табачная фабрика в XVIII и XIX веках. Л. 1933.
Добрый совет куращим. Пг. 1915.
- Иннокентий, епископ. О курении табака. СПб. 1915.
Ирвинг В. История жизни и путешествий Христофора Колумбо. СПб. 1836. Т. 1.
Каратыгин П. Записки. Л. 1970.
- Кейбель. Как следует курить, чтобы уменьшить вред табака для здоровья. СПб. 1890.
Кирсанов А. М., Смирнов Ю. А. 1-я Ленинградская им. Урицкого табачная фабрика за 50 лет советской власти. М. 1969.
Ключева М. И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив. СПб. 1997. Вып. III.
Кони А. Ф. Петербург. Воспоминания старожилы // Кони А. Ф. Избранное. М. 1989.
Короленко В. Г. История моего современника // В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Л. 1990. Т. 4.
Краткий очерк табакокурения в России в минувшем 19-м столетии. Киев. 1906.
Крестовский В. В. Петербургские трущобы. СПб. 1993. Кн. 1.
Курите, сколько хотите. СПб. 1890. (В 1900 году эта книга вышла под более скромным названием: Гигиена курения.)
- Легенда о происхождении табака // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова. СПб. 1860. Вып. 2.
Лейкин Н. А. Медные лбы. СПб. 1880.
Лейкин Н. А. Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX веке. СПб. 2003.
Лейкин. Н. А. Мученики охоты. СПб. 1880.

Лопато М. Н. Швейцарские ювелиры в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. СПб. 2002.

Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду. Л. 1988.

Матвеев Г. Тарантул. Ташкент. 1959.

Мейусе К. Русские голландцы. СПб. 1998.

Михневич В. Петербург весь на ладони. СПб. 1874.

Мольер. Собрание сочинений. М. 1994. Т. 2.

Наставление потишоманам, изданное магазином Лаферм на Невском проспекте, рядом с Пассажем, в доме генерала Сутгофа. СПб. 1854.

Науманн Ф. Курение без вреда для здоровья. М. 2001.

Неелов А. Из дальних лет // Русская старина. 1916. Т. 165. № 1.

«Не кури». Одесса. 1898.

Не привози с собою Гомера... (Письма Е. П. Шлиман Генриху Шлиману). Предисловие, подготовка текста и примечания И. А. Богданова. СПб. 1998.

Очерк 25-летней деятельности табачной фабрики А. Н. Шапошникова в Санкт-Петербурге. СПб. 1898.

Отчет правления Высочайше утвержденного Товарищества табачной фабрики Богданов А. Н. и Ко. СПб. 1885.

Отчет товарищества фабрик табачных изделий под фирмою «Лаферм». Пг. 1915.

Паапов Д. В. Ленинград в блокаде. М. 1958.

Память. Л. 1985. Кн. 1, 2.

Пеликан А. А. Во второй половине XIX века: Студенческие годы. I. В доме у деда // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 147-152.

Петербург. История торговли. СПб. 1999. Т. I.

Производство папиросных коробок в Петербурге. СПб. 1885.

Производство табачных фабрик РСФСР в 1919 г. М. 1921.

Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. СПб. 2000.

Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М. 1990.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб. 1990.

Рагозин Е. История табака и системы налога на него в Европе и Америке. СПб. 1871.

Список литературы

- Раевский Ф.* Путеводитель по С.-Петербургу и окрестностям. СПб. 1902. С. 328.
- Рассказов И.* Исторические сведения о табаке. (Казань?) 1854.
- Редазлли М., Тодорович П.* Тессинские ремесленники и коммерсанты в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге. СПб. 2002.
- Ремизов А. М.* Слово о гибели русской земли // Под созвездием топора. М. 1991.
- Рокау, д-р.* Интересная и любопытная история о куривших, нюхавших и жевавших табак. М. 1885–1886.
- Русские лаки. СПб. 1995.
- Поэты-радищевцы. Л. 1979.
- Сафуханян Е.* Достоевский в Петербурге. Л. 1972.
- С. Б.* Торжество табака. Физиология табака, трубки, сигар, папирос, пахитос и табакерки. СПб. 1863.
- Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия. СПб. 1998. С. 22.
- Свищева Т. Я.* Полюбил табак – впереди рак. М.-СПб. 2004.
- Синдаловский Н. А.* Мифология Петербурга. СПб. 2002.
- Сколько лет, сколько зим! или Петербургские времена. СПб. 1849.
- Список фабрично-заводских предприятий г. Петрограда. Пг. 1918.
- Смолч М.* Вредно ли курить табак? СПб. 1904.
- Соллогуб В. А.* Повести и рассказы. М.-Л. 1962.
- Справочная книга о купцах Санкт-Петербурга за 1880, 1884, 1903, 1912 гг.
- Справочник ленинградского табачного треста. Л. 1925.
- Статистический временник Российской империи. СПб. 1866. Т. 1.
- Столянский П. Н.* Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. Л. 1925.
- Столянский П. Н.* Петербург. СПб. 1995. С. 240.
- Сурис Б.* ...Больше, чем воспоминанья. СПб. 1993. Кн. 1.
- Табак. Средство избавиться от многих болезней. Казань. 1888, 1894.
- Табак. СПб. 1901. Приложение к журналу «Самопомощь».
- Табачная промышленность и табаководство. М. 1926.
- Тимирязев В.* Воспоминания полковника Веллеслея о России во время мира и войны (1871–1877) // Исторический вестник. 1905. Т. 102. № 11.

Тормазов С. Загадка курения. СПб. 1907.

Трубкин Ф. А. Трубка табаку. СПб. 1844.

Устав товарищества фабрик табачных изделий под фирмой «Лаферм». СПб. 1883.

Уханова И. Лаковая живопись в России. СПб. 1995.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М. 1964. Т.1–2.

Цылов Н. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга. СПб. 2003.

Чайковский П. И. Дневники 1873–1891. М. 1923.

Шварц Е. Л. Живу беспокойно. Л. 1990.

Шустов А. С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия Санкт-Петербурга к 200-летию юбилею столицы. СПб. 1903.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1901. Т. XXXII. С. 428–436.

Эренбург И. Собрание сочинений. М. 1990. Т. 1.

Аргументы и факты. 2005. № 18.

Вестник табачной промышленности. 1922. № 1, 2, 5–6, 9–10.

Голос табачника. 1930. № 1, 2, 3, 6, 8, 11, 13. 1931. № 1, 4, 13, 15, 19. 1940. № 36, 45. 1941. № 5, 6, 15, 19, 24.

Дачница. 1912. № 6.

Иллюстрация. 1845. № 6, 24.

Красная табачница. 1940. № 28, 37. 1941. № 1, 4, 5, 6, 27.

Красный. 2003. № 10.

Курьер. 2001. № 47.

Ленинградская правда. 1991. 12 июня. 3 июля.

Нева. 1995. № 7.

Огонек. 1987. № 17. 1988. № 16.

Отечественные записки. 1843. Т. 28. Май.

Петербург. Собака.ru. 2005. Февраль.

Петербургский Free Time. 2001. № 12.

Ресторанное дело. 1912. № 5.

Список литературы

Русская старина. 1916. № 3.
Северная пчела. 1843. 17 декабря.
Смена. 1991. 11 июля. 2000. 11 октября. 2004. 23 апреля. 21 мая. 25 июня. 27 августа. 24 сентября. 2005. 14 апреля. 24 мая.
Стенная газета табачников 1-й государственной табачной фабрики им. тов. Урицкого. 1924. Ноябрь.
Табачная промышленность. 1930. № 1-2.
Табачники Урицкого. 1925.
Табачный магазин. 2003. № 5.
Экохроника. 1996. № 5-6.

Gately Iain. Tobacco. London. 2001.
Ryan W. F. Peter the Great's English Yacht // *The Mariner's Mirror*.
Vol. 69. No 1. 1983.

The Chief. 2004. № 2.
Russia and World Food Market. 1996. № 3.
Top-Manager. 2003. May. 2003. Decembre.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- «Аврора» 234, 237
«Автодор» 206
Агатов В. 204
Агнивцев Н. Я. 47
Ад И. 92
«Ада» 198
Адамович А. 218
Адор Ж.-П. 87
Александр I 54
Александр II 57, 58 102, 166
Александр III 102
Александров 120
Алексей Михайлович 31, 32
«А ля Кристин» 65
«Альпениада» 214
«Альфа» 72
«Америкен» 198
Амиди А. 124, 125
Андреев С. И. 176
Андреев Л. Н. 47
Андреев П. С. 197
Анненков М. Н. 73
«Анненков» 73
«Антракт» 166, 228
Аристотель 81
«Ароматные» 234, 235
«Астматол» 212
«Астра» 229
Ахмед-хан 48
Ахшарумов Д. Д. 160
«Бабочка» 72, 73, 132, 198
Байяр Ж.-Ф.-А. 166
«Байкал» 212
«Баланцелас» 65
«Балтиец» 206
Бальзак О. де 93
«Бальные» 72
«Баронские» 72
«Барские» 166
Барч Г. М. 119
Брятинский А. И. 58
Бауман К. 105
Бах И. С. 15
Безбородко А. А. 134
«Белая ночь» 233
Белинский В. Г. 62
«Беломор» 143, 210, 211, 212,
228, 230, 233, 236, 237, 242.
Белов А. 230
Белоусов В. 176
«Бельгийское общество табачно-
го производства в России»
134

* В кавычках приведены названия папирос, сигарет, сигар, табака, а также табачных фабрик, компаний, фирм и магазинов.

Предметно-именной указатель

- Бенедикт XIII 20
 Бенуа Л. Н. 165
 Бенуа Ю. Ю. 165
 Беранже
 Берг К. 102
 Бердяев Н. А. 193
 Бернард 117, 118
 Бернес М. 205
 «Бижу» 135
 Бизе Ж. 17
 Бирбаум Ф. П. 74
 Бирон 86
 Блинов Н. С. 116, 117
 «Бобров и Колобов» 129
 Богданов А. Н. 125, 134, 137,
 140–142, 180, 197, 203
 Богданов В. И. 68
 Богданов К. Н. 178, 189, 190
 Богданов М. 34, 35, 37
 Богданов Н. Н. 142
 Богданова Н. Ф. 140
 Богосов С. 66, 96, 124
 «Боевые» 212, 213
 Боль М. 91, 92
 «Борцы» 212, 213
 Бостанджогло Г. И. 107
 «Бостанджогло» 72
 «Босфор» 129, 198
 Боткин С. П. 248
 Бочагов А. 96
 «Братья Петровы» 129
 «Братья Шапшал», см. «Торго-
 вый дом “Братья Шап-
 шал”» 129, 137–139, 190.
 Брахт Т. фон 34, 35
 Брежнев Л. И. 26, 237
 Брик Л. Ю. 193
 Бруни А. К. 172
 Бруни Л. Л. 172
 Брунс В. 123, 125
 Брунс П. 125
 Буланов И. И. 138
 Булгарин Ф. В. 100, 117
 Бугашевич-Петрашевский М. В.
 160
 Буше Т. 112–114
 Бюлер Ф. А. 77
 Вальтер Н. 216
 «Вегуэрос» 64
 Веллеслей 67
 Вережунский Л. В. 125
 Верстрат М. Э. 171
 Викторсон А. 176
 Вильгельм III 39
 Вильмэн Ж. Н. де 9, 10
 Винклер 101
 Винокуров А. И. 217, 218, 222
 Винчи Л. да 23
 Витте Т. 123
 Витте Ф. А. 125
 Виттен 120
 Вишневский В. 224
 Возницын 36
 Волленштейдер 92
 Володин А. М. 193
 Володихин И. П. 134
 Вольтер 16
 Воронцовы 86
 Врангель А. Е. 72
 «Выгодные» 136, 198
 Высоцкий В. С. 26
 Вязмитинов Н. П. 142
 Габай 125
 «Гаванера» 134
 Галич А. А. 227
 Ган Э. Э. 189
 Ганагар Б. М. 139
 Геллер Г. 124, 125

- Геллер Э. 125
«Гадалка» 72, 73
Гармсен Г. 104
Гаун А. 103
Гвинн 38
Георги И. Г. 114
«Гербовые» 73
Геркенс 111
«Герцеговина Флор» 205, 213
Геродот 5
Гиляровский В. А. 83, 93
Гир Р. 19
Гишар 114
Глазунов К. И. 119
Голиков И. И. 110
Головин А. М. 35
Головин Ф. А. 35, 37
Головкин Г. И. 38
Головкин 119
«Голубка» 132
Гомер 23
Гончаров И. А. 49, 71, 85
Горбачев М. С. 26
Горбулев 42
Гордон В. И. 222
Гордон П. 35
Готье Т. 15
Грабарь В. К. 29, 234
Грайс 38
Гранин Д. А. 218
«Графские» 135
Гребенка Н. П. 158
Гребнев В. Т. 124, 125
Гришина О. Б. 29
«Грузтабак» 224
Гумилев Н. С. 7
Гупман Й. де Балбелла 124, 125,
164, 165.
Гюго В. 124, 250
Гюлсгоф Я. Г. 104
Дамм Ж. К. ван 20
Дановский Л. 237
«Де Колорадо» 65
«Девиз» 200, 228
«Дели» 204, 213, 227
«Делигатские» 213
«Деловой клуб» 198
Державин Г. Р. 88, 89
«Дерби» 213, 235
«Десерт» 186, 188
Дефо Д. 17
«Джебел» 235
Дзержинский Ф. Э. 196
Диккенс Ч. 23
Дин Дж. 37
Догель И. М. 227
«Дозамикос» 64
«Добрый молодец» 209
Достоевский Ф. М. 26, 57, 68–
70, 72, 124, 125, 132
Достоевский М. М. 124, 125
«Драма» 135
Дрейк Ф. 12, 13
«Друг» 167, 236
«Дукат. Товарищество табачной
фабрики» 168, 170
«Дымок» 233
«Дюбек» 198
«Дюшес» 167, 237
«Ева» 186
Екатерина II 43, 49, 82, 87–89,
112, 174
Елизавета I 13
Елизавета Петровна 41, 42, 89
Елисеев 48
Есенин С. А. 197
«Жак» 64
«Жасмин» 188, 190

Предметно-именной указатель

- «Жемчужина Крыма» 198
 Жерпаков К. И. 125
 Жерпакова О. Г. 125
 Житков Б. С. 27
 Жуков В. Г. 72, 77, 100, 101, 115,
 124, 125, 128, 142-163, 208,
 244
 Жуков Г. К. 26, 27, 28, 143, 163
 Жуков М. В. 143
 Жукова М. А. 158, 160
- Зайцев П. И. 122, 125, 128
 «Заря» 72
 Захаров П. З. 124, 125
 «Звездочка» 213, 214
 «Звезда» 217
 Зелинский К. 193
 «Зефир» 170, 198, 219
 «Зильва» 64
 Знобишин А. В. 140
 «Золотая марка» 73
 «Золотое Руно» 238
 «Золотая соломка» 184
- Иван IV Грозный 26, 27, 31, 32
 Иванов В. И. 193
 Иванов Г. В. 79
 Иванов П. 128
 «Интер» 235
 «Ира» 167
 Иоаниди В. И. 221
 Ирвинг В. 6
- «Кавказ» 233
 «Кавказский» 224
 «Кабалерос» 65
 «Кабанос» 64
 «Кадо» 198
 «Казбек» 204, 212
 «Каир» 186, 188
- «Каприз» 198
 Калинин С. 176
 Кальф Ф. С. 135
 Камерер 46
 Кант Э. 23
 «Капитанский» 235, 238, 239
 «Канонес» 65
 Каприо Л. ди 19
 Каратыгин П. А. 144
 Карл II 12
 Карл IV 15
 Карл IX 9
 Карлайл 14
 Кармартен 36–40
 Каспаров Г. К. 26, 27
 Кате тен, К. 102
 Катен тен, Я. 102
 «Кедера» 65
 Кефели С. Ф. 132
 Килюшков К. 91
 «Кино» 237
 Китнер И. С. 171
 Класс ван 12
 «Княжеские» 72
 Кожевников А. 230
 Козлов С. Е. 119, 120
 Колобов А. И. 125
 Колобова П. 124
 Колумб Х. 6–8, 15, 53
 «Коминтерн» 198
 Кондратьев Е. 92
 Кони А. Ф. 57, 84, 99
 «Константинопольские» 72
 Корнилов В. Н. 236
 Короленко В. Г. 44
 Корольков В. И. 130
 Короткий С. А. 183
 Корсаков И. А. 189
 Кортес Ф. 6
 Кортес Э. 8

- «Космос» 233, 246, 247
Кочетков А. 193
«Красная Москва» 233
«Красная звезда» 204, 209, 227
«Краснофлотские» 212
Крафт Б. 124, 126, 129
Крафт Г. 125, 126, 129
Крафт С. В. 125, 126
Крейтон К. 92
Крестовский В. В. 64, 162
Кригер Р. И. 167
Кружнов Ю. Н. 29, 248
Крылов И. А. 116
Крюйс 110
Крюйс И. 102
Крюйс В. 102
Крюйс Н. 102
Крюйс Я. 102
Крючкова Н. 229
Ксюнина Е. С. 29
«Куба» 65
Кузнецова А. И. 121
Кукуричкин А. С. 139
«Купишь-куришь» 198
Куприн А. И. 139, 254, 255
Кутузов М. И. 90
Кюн К. Ф. 125
- «Ла Атилла» 65
Лабутин Я. 92
«Ла Емпрессо» 65
«Ладога» 232
«Лайка» 233
«Лакацца-Дорес» 65
Лаксман 92
«Ланзанц» 65
«Ла Норма» 65
«Лапалма» 65
Лапотников И. И. 96, 115
Лапшин В. А. 46, 47
- Лапшина И. В. 47
«Лафама» 65, 69
«Лаферм» 100, 106, 129, 134,
142, 165 – 172, 188, 196,
200, 201, 234
Лейкин Н. А. 68, 77, 83, 99, 105,
106, 129
«Лейтенантские» 227
Ленин В. И. 26, 192
«Ленинград» 237
«Ленинградские» 228, 230, 232,
233
Лесток Ж.-А. 163
Лефорт Ф. 36, 38
Ливанов В. 14
«Лигерос» 234
Ликберг Н. К. 125
Линденлауб 114
Линдрот Л. Н. 222
Линней К. 10
Листов К. 226
Лобановский В. И. 26
Лозинский М. Л. 79, 80
Лоренц Дж. 123, 125
Лоренц С. 125
Лоренцен К. И. 165
Лыжина Е. П. 116, 117
Лукницкий П. Н. 216, 22, 223
«Луч» 222
Людовик XIII 9
Людовик XIV 15, 18
«Люкс №87» 131
- Магомет IV 21
Макаров И. П. 141
Макларен У. 242
Максимилиан II 14
Малагис В. И. 224
Мангуби Д. Б. 130, 131
Маньяков С. А. 124, 125

Предметно-именной указатель

- «Маренго» 73
Маркус Э. И. 75, 76
«Марлборо» 236, 240, 242
Маршак С. Я. 26, 47
Матвеев 41, 112
«Матос» 65
Маяковский В. В. 26, 192, 193, 200
«Медио Регалиа» 65
«Медок» 170, 198
«Межпланетные» 233
«Меланж» 188
«Ментоловые» 234
Меншиков А. Д. 41, 111
Меняев П. Ф. 108, 117, 118
Мера Ф. -В. 5
Мериме П. 17
Микеланджело 23
Микоян А. И. 194
Миляев С. 219
Минде Э. А. 128
Миллер А. Ф. 58, 124, 125, 128, 132–134, 166
Мирад IV 21
Миронов А. А. 26, 28
Митчелл М. 29
Митюшин М. М. 125
Михаил Федорович 31, 32
Мичри 124, 125
Мичурин И. В. 204
«Молодец» 170
Мольер 81
Мордвинова А. Е. 218
Морнэ 58, 115, 116
«Моряк» 239
Мосин С. И. 74
Муркен Б. П. 178
Мюллер (Миллер) Р. К. 165
«Набат» 171, 172
Наполеон 63
«Наполеон» 65
«Народные» 72, 73
«Небывалые» 73
«Нева» 198, 200, 210
«Незабудка» 171
Некора В. М. 141
Нерон 23
Неслинд М. 101, 119
Нещипленко В. 229
Николай I 26, 46, 56, 158
Николай II 26, 74
Николсон Дж. 20
«Наша марка» 236, 237
«Новость» 236, 237
«Новый сорт» 198
«Норд» 204, 214, 218, 228
«№6» 198
«Нунец» 65
Ньютон И. 23
Овиедо Г. 7
Овчинникова А. П. 102, 103
Оксборн Т. 36
Оксюз Б. С. 139
«Октябрина» 198
Окуджава Б. Ш. 236
Орлов-Чесменский А. Г. 87
Орловская Д. 91
«Опал» 235
«Осман» 174, 183, 185, 188
«Осман №3» 198
Остен-Дризен П. Ф., фон дер 132
«Оттоман» 106, 129, 135, 136, 168, 197
«Охотники» 212
«Пажеские» 166
«Палехский баян» 213, 237

- «Пальма» 132
«Памир» 236
Панаев И. И. 8
«Панетелас» 64
Пано Р. 84
Пантелеев В. И. 125
Пантелеев Л. Ф. 48, 56, 60, 64,
69, 70, 143
Паппе Ц. М. 139
Патканьян И. Г. 125
«Парашютист» 204, 227
«Партагос» 234
Пемброк 36
«1-я Государственная фабрика
им. М. С. Урицкого» 172,
201, 202, 205, 209–211,
213–215, 219, 221, 222,
224, 230, 232, 233, 243, 246
«Первомайские» 213
«Пери» 183, 184
«Перосиер» 64
Перри Дж. 37
«Петербургский» 92
Петр I 31, 34–42, 88, 109–112,
243
Петр II 41
Петр III 42, 43, 82
Петров К. П. 122, 125–127, 134
Петров П. П. 126, 127, 134
Петрокино А. И. 142
Петрокино Д. И. 142
Пец И. Ф. 92
Пильняк Б. А. 193
Пирютко Ю. М. 49
Поггенполь 88
Позднякова Л. А. 27
Позье И. 86, 87
Пономарев С. Ф. 140
Попандопуло С. К. 125
Попов Е. Н. 165
Преве 90
«Прибой» 212, 213, 236
«Прима» 167, 234, 236
Прокопович Ф. 49
Протопопов А. А.
Пуанкаре 185
«Пушки» 198, 227
Пушкин А. С. 19, 26, 45, 76, 90,
105, 160
«Пчелка» 235
Пыляев М. И. 43, 48, 82, 89, 114,
Райкин А. И. 26, 27
«Ракета» 204, 213, 227
Раков Л. Л. 226
Раковский Л. А. 126
Рали У. 13
«Регалия» 64
«Регес» 65
«Режи» 134
Ремизов А. М. 193
Реццонико Дж. 106, 120, 121
Ришелье 9
«Родони» 235
«Роза» 72, 73
Розанова В. Д. 193
Романцев О. И. 26
Руска А. И. 119
Руска Т. 121
Руссо Ж.-Ж. 16
Рыбаков А. 87
Саатчи Б. Б. 130, 131, 132, 141
«Саатчи и Мангуби» 69, 129–
132, 135
Садырин П. Ф. 26
«Сальве» 198
Самойлова М. В. 166
«Самсун» 239
Санд Ж. 17

Предметно-именной указатель

- «Сафо» 197, 209
 Свищева Т. 248
 «Север» 212, 228, 237
 «Северная Пальмира» 210, 219
 «Селям» 204
 Семашко Н. А. 192
 Семенов Г. С. 97, 98, 176
 Семенов И. А. 180, 181
 Семенова Е. А. 197
 «Сенаторские» 72
 Серебров Н., см. Тихонов А. Н.
 «Сильфида»
 Скобелев М. Д. 73
 «Скобелевские» 73
 Смекаев 114
 Смирнов И. С. 157
 Смоктуновский И. М. 237
 Смолич М. 187
 «Смычка» 198, 209
 «Совет» 198, 210
 «Советские» 232
 Соколов И. К. 126
 Соколов К. П. 115
 Соколов Н. А. 193
 Соколова М. 124
 Соколовский А. А. 70
 Сократ 23
 Соллогуб В. А. 83, 85, 95
 Соловьев О. 109
 Спиглазов Х. 100, 116, 119
 Спиглазова С. Х. 116, 117
 «Спорт» 204, 213, 227, 234
 Сталин И. В. 26, 205, 210, 215, 225
 Станиславский К. С. 26
 «Степан Разин» 198
 «Столичные» 236, 242
 Столпянский П. Н. 126
 Стукен В. 164, 165
 «Стукен и Шпис» 164, 165
 «Стюардесса» 235
 «Сулико» 213
 «Султан» 131
 Сутгоф 100
 «Счастливые» 73
 Табачников М. 226
 «Таглиони» 65
 «Таежный» 239
 «Танк» 226
 «Тары-бары» 174, 188, 190, 198, 209
 «Тачанка» 213
 Твен М. 24, 250
 Тейгоф Я. 104
 Теодориди Ф. Ф. 108, 134
 «Теодориди» 134
 Теплов Г. Н. 49–51, 174
 Тепфер А. М. 124, 126
 Тернберг К. И. 91
 Тесин Я. 109
 Тимирязев В. И. 189
 Тимофеева В. В. 68
 Тихонов А. Н. 193
 Тихонов Н. С. 45
 «Товарищество А. Н. Богданов и К.» 129, 132, 140, 168, 188
 «Товарищество Габай» 190
 «Товарищество М. И. Бостанджогло» 107
 «Товарищество табачной фабрики «А. Н. Шапошников и К.»» 99, 100, 107, 129, 175–190, 198
 Товстаногов Г. А. 26
 Толстой Л. Н. 63, 93
 «Торговый дом «Братья Шапшал»» 193
 Торнабони 10

- Торрес Луис де 6
«Трактор» 210
«Трезвон» 67, 170, 198
«Трезор» 235
«3-я государственная табачная фабрика им. Клары Цеткин» 199, 201, 202, 206, 212, 213, 215, 232, 244, 246
Триандафилидис И. Т. 138
Трофимов Г. 87
«Тройка» 237
Троянский П. Н. 139
Трубкин Ф. А. 5, 53
«Трубка мира» 238
«Трудовые» 99
«Ту – 134» 235
Тулинов А. Н. 126
Тулинов В. Н. 118, 119, 126, 137
Тулинов П. В. 124, 126

Уиллис Б. 19
Урбан VIII 11
Урвич Б. О. 239
Урицкий М. С. 201
Успенский Л. В. 184
«Успех» 73
Утесов Л. О. 26

Фаберже К. 74, 75
Фагон 18
Фаллер Я. Ф. 118
Фарварсон Г. 37
Федор Алексеевич 33
Федоров 116
Федоров П. С. 166
Фейк А. А. 103
Фейк К. И. 103, 106
«Фейк и К» 103
Фелейзен К. К. 172
«Ферезли» 166

«Фестивальные» 219, 232
Филипп V 15
Филиппович И. И. 139, 189–191
«Фильтер» 234
«Франко-русские» 73
«Франц Генрих» 140
«Фру-фру» 170
«Фумлы Эгиз» 135
«Футбол» 237

Харламов Л. М. 126
Хейнеман Ю. 102
Херес Р. де 7
Хрущев Н. С. 237

«Царские» 72, 135
Цезарь 23
Цейдлер В. П. 182, 188
Цеткин К. 191, 246
Цизирев Я. Н. 165
«Цыганка» 198
Цылов Н. 159

Чайковский П. И. 68
Чапаев В. И. 26, 28
Ченслер Р. 14
Чернышевский Н. Г. 69, 70
Чехов А. П. 5, 26, 93
Чурилов И. А. 140

Шаляпин Ф. И. 193
Шапиро А. М. 139
Шапошников А. Н. 174–191, 198, 220, 244, 254
Шапошников В. Н. 174
Шапошникова Е. Н. 117, 139, 178–183, 188–190, 206
Шапошникова П. 174
Шапшал А. М. 137, 138
Шапшал Б. С. 138, 139

Предметно-именной указатель

- Шапшал Е. Ю. 139
Шапшал И. Ю. 139
Шапшал С. М. 137, 138
Шапшал Ю. М. 137, 138, 197
Шапшал Я. Ю. 139
Шапшал-Кушлю Л. Ю. 139
«Шарикоподшипник» 210
Шварц Е. Л. 26, 27
Шекспир В. 23
Шемшурины 176
Шеперсон 165
Шереметева Ю. В. 160
«Шик» 188
Шиль 115
«Шипка» 235
Шлиман Г. 116, 117, 172
Шопфер А. М. 126, 176
«Шопфер» 129
Шпис А. Р. 165, 167–169, 172, 173
Шпис Г. 167
Шпис Р. 164, 165
Шретер В. А. 172
«Штандарт» 198
Штернберг Г. 126
Штраус В. Ф. 172
Шувалов И. И. 42, 49, 103
Шуваловы 86

Щербов П. Е.

Эбер П. И. 214
Эгиз И. Я. 135
Эгиз Я. И. 135
«Эзры Эгиз» 135
Эйсмонт Н. Г. 222
Эк А. 91
«Экстра-Заказной» 187
Элиасберг К. И. 219
«Эльтет» 198

Энгельгардт В. В. 103
Эренбург И. Г. 72, 107, 202
Эспри Д. 29

«Юбилейные» 230
Юргенс Э. Г. 134
«Ю-ю» 198

Яков I 12
Яковлев Д. 200
«Ялта» 226
Ян Б. 92
Янсен Б. 104
Янсен В. 104
Янсен Й. 104
Янсен Л. В. 104
«Янсен Йоост и К» 104
«Янсен Принцен» 104
Яшин Л. И. 26
«Яр» 170

«ВТ» 235
«British American Tobacco Company» 173
«Femina» 235
«Kenton» 238
«Melange Imperial» 64
«Le Cair» 68
«Nestor Gianidis» 68
«Regalia» 64
«Regalia Byron» 64
«Regalia del Duque» 64

Содержание

Предисловие	5
1. «Развлечение от скуки»	31
2. «Ведь это – не курить...»	81
3. Табак в розницу и оптом	95
4. Фабрики и фабриканты	109
5. Жуков табак	143
6. «Лаферм», или байки дяди Корнея	164
7. Фабрика А. Н. Шапошникова, или байки дяди Михея	174
8. «...папирос дайте!», или Кто такие «запечные тараканы»	192
9. «Матрас моей бабушки»	215
10. Из «Космоса» в страну «Марлборо»	227
Приложение 1	253
Приложение 2	254
Приложение 3	256
Список литературы	258
Предметно-именной указатель	264

Игорь Богданов

**ДЫМ ОТЕЧЕСТВА,
или КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТОБАКОКУРЕНИЯ**

Редактор серии

Ф. Дзядко

Редактор

П. Кайсаров

Дизайнер обложки

Н. Суворова

Корректоры

И. Аветисова, М. Алхазова

Компьютерная верстка

В. Дзядко

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 84x108/32

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 8,75. Тираж 3000. Заказ № 3064

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46